ЭКОНОМИКА И ПРАВО. XXI ВЕК

Научно-правовой журнал

№ 3 (ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ) 2026 ГОД

Учредитель: Юридическое издательство «Юркомпани»
Журнал основан в 2009 г., включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке E-library с 2010 г.
Выходит один раз в три месяца
ISSN 2076-2828
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-37809 от 15 октября 2009 г.)

Издатель: Юридическое издательство «Юркомпани». 2026

Экономика и право. XXI век

научно-правовой журнал

Ежеквартальный научно-правовой РИНЦ-журнал, посвященный теоретическим и практическим вопросам конституционного (государственного права), государственного и муниципального управления, вопросам развития российского законодательства и экономики, актуальным проблема государственного гражданского и предпринимательского права, а также вопросам экономики промышленности, агропромышленного комплекса, экономики строительства и операций с недвижимостью.

Главный редактор: Сангаджиев Бадма Владимирович

Первый заместитель главного редактора: Эриашвили Нодари Дарчоевич

Заместитель главного редактора: Шайхуллин Марат Селирович

Председатель Редакционного совета: Иванова Светлана Анатольевна

Корректор: Козлова Вера Ивановна

Компьютерная верстка: Ерошина Екатерина Андреевна

Дизайн: Ерцев Роман Александрович

Адрес офиса редакции: 121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3.
Офис Б 218. Этаж 2. Бизнес-центр “Гранд Сетунь Плаза”.

Для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.

Home page: https://economy-law.ru

E-mail: info@law-books.ru

Многоканальный (по России): +8-800-700-45-88

WhatsApp: +7-900-155-56-05

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Экономика и право. XXI век» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: **Б.В. Сангаджиев,** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» (г. Москва, Россия)

Первый заместитель главного редактора: **Н.Д. Эриашвили,** доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (г. Москва, Россия)

Заместитель главного редактора: **М.С. Шайхуллин,** доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России» (г. Уфа, Россия)

Научная специальность:
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

- **О.Н. Булаков** - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного Университета.
- **Л.Ю. Грудцына** - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», профессор ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», Почетный адвокат России, эксперт РАН.
- **Б.В. Сангаджиев** - доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»
- **Л.А. Тхабисимова** - доктор юридических наук, профессор, директор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Пятигорского государственного университета, директор Северо-Кавказского центра избирательного права и процесса, руководитель Северо-Кавказского научно образовательного центра политико-правовых проблем, Академик АМАН, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Заслуженный юрист Республики Адыгея.
- **М.С. Шайхуллин** - доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России» (г. Уфа, Россия)

Научная специальность:
5.1.3. Гражданско-правовые (цивилистические) науки.

- **А.В. Барков** - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Саратовской государственной юридической академии, Заслуженный юрист России.
- **Е.В. Богданов** - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического Университета им. Г.В. Плеханова.
- **А.Н. Левушкин** - доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия.
- **А.Х. Миндагулов** - доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан).

Научная специальность:
5.2.3. Региональная и отраслевая экономика.

- **Н.М. Бобошко** – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
- **А.Ф. Дятлова** – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и бухгалтерского учета Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
- **Е.И. Кузнецова** – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
- **Н.Д. Эриашвили** - доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Научная специальность:
5.2.7. Государственное и муниципальное управление.

- **Е.И. Кузнецова** - доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
- **А.Н. Литвиненко** - доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической безопасности Санкт-Петербургского университета МВД России, Заслуженный экономист Российской Федерации.
- **О.В. Сараджева** - доктор экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической безопасности, аудита и контроллинга Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина.
- **Н.Д. Эриашвили** - доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: **B.V. Sangadzhiev,** Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Constitutional and International Law,
All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia) (Moscow, Russia)

First Deputy Editor-in-Chief: **N.D. Eriashvili,** Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Laureate of the Russian Government Prize in Science and Technology, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya (Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief: **M.S. Shaikhullin,** Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Educational Institution of Higher Education «Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia» (Ufa, Russia)

Scientific specialty:
5.1.2. Public law (state legal) sciences.

- **O.N. Bulakov** - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Russian State University for the Humanities.
- **L.Yu. Grudtsyna** - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Professor of the Russian State Academy of Intellectual Property, Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences.
- **B.V. Sangadzhiev** - Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)
- **L.A. Tkhabisimova** - Doctor of Law, Professor, Director, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Institute of Pyatigorsk State University, Director of the North Caucasus Center for Electoral Law and Process, Head of the North Caucasus Scientific and Educational Center for Political and Legal Problems, Academician of the AMAN, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Adygea.
- **M.S. Shaikhullin** - Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Federal State Educational Institution of Higher Education «Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia» (Ufa, Russia)

Scientific specialty: 5.1.3. Civil (civil) sciences.

- **A.V. Barkov** - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Saratov State Law Academy, Honored Lawyer of Russia.
- **E.V. Bogdanov** - Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.
- **A.N. Levushkin** - Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Business and Corporate Law, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice.
- **A.Kh. Mindagulov** - Doctor of Law, Professor (Republic of Kazakhstan).

Scientific specialty:
5.2.3. Regional and sectoral economy.

- **N.M. Boboshko** - Doctor of Economics, Professor, Professor, Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

- **A.F. Dyatlova** - Doctor of Economics, Professor, Professor, Department of Economics and Accounting, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.
- **E.I. Kuznetsova** - Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot.
- **N.D. Eriashvili** - Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of the Education Sector of the Russian Federation, laureate of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology, professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

Scientific specialty:
5.2.7. State and municipal administration.

- **E.I. Kuznetsova** - Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economic Security, Finance and Economic Analysis of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot.
- **A.N. Litvinenko** - Doctor of Economics, Professor, Professor, Department of Economic Security, St. Petersburg University, Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored Economist of the Russian Federation.
- **O.V. Saradzheva** - Doctor of Economics, Associate Professor, Associate Professor, Department of Economic Security, Audit and Controlling, Russian State University named after A.N. Kosygin.
- **N.D. Eriashvili** - Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of the Education Sector of the Russian Federation, laureate of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology, professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: **С.А. Иванова** – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН, Почетный адвокат России

- **Ж.А. Бокоев** — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики
- **А.П. Галоганов** – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов
- **С.Д. Каракозов** — доктор педагогических наук, профессор, проректор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета
- **В.В. Комарова** – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
- **Г.Б. Мирзоев** – доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бридчпортского Университета (США), Почётный доктор философии университета «EuroSwiss»
- **Р.М. Мырзалимов** — доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики
- **К.Х. Рахимбердин** — доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республики Казахстан (2007 г., 2013 г.).

EDITORIAL BOARD

Chairman: **S.A. Ivanova** — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Finance University under the Government of the Russian Federation, Expert of the Russian Academy of Sciences, Honorary Lawyer of Russia

- **Zh.A. Bokoev** — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Council on Judicial Reform under the President of the Kyrgyz Republic
- **A.P. Haloganov** — Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers
- **S.D. Karakozov** — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice-Rector, Director of the Institute of Mathematics and Informatics of Moscow Pedagogical State University
- **V.V. Komarova** — a doctor of jurisprudence, professor managing department of the constitutional and municipal right of the Russian Federation of the Moscow state legal university of O.E. Kutafin (MGYuA)
- **R.M. Myrzalimov** — Doctor of Law, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law, Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University, Member of the Editorial Council of the Bulletin of the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic
- **K.Kh. Rakhimberdin** — Doctor of Law, Chairman of the Board of the Chamber of Legal Advisors of the East Kazakhstan Region, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure, VKSU named after S. Amanzholova, holder of the title «Best University Teacher» of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (2007, 2013)

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Путренко А.Н., Баштовой С.В., Берсенев А.А. * Значение Северного морского пути в экономике России 11

Долженкова Е., Пущина А.В., Мурашева К.М. * Адаптация предпринимательского законодательства Российской Федерации к современным геополитическим вызовам. Трансформация российского инвестиционного права 18

Красинская Е.С. * Таможенные пошлины как инструмент повышения конкурентоспособности: между протекционизмом и рыночными рисками 25

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Терновчук А.Н., Дрогалина Е.А. * Совершенствование валютного законодательства в аспекте контроля налоговыми органами операций по счетам физических лиц, открытым в иностранных банках 29

Качина К.К. * Правовые основы профессиональной деятельности субъектов на рынке ценных бумаг 33

Путренко А.Н., Баштовой С.В., Шрам В.А. * Правовая природа токенов: функциональный подход к квалификации цифровых активов 36

Греков Н.А. * Сущность и факторы формирования инвестиционной привлекательности организации 42

Ибишев Р.А. * Актуальные перспективы развития инициативного бюджетирования 45

Пилинцов А.В. * Особенности правового регулирования распределения наступлений последствий риска в инвестиционных правоотношениях 49

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Тукмакова Е.А. * Цензура и контроль за информацией 52

Борохова Н.Е. * Проблемные аспекты адвокатского опроса 56

Аскаров З.С., Зинченко А.С. * Недействительность мнимых и притворных сделок: правовые основы и защита прав участников 59

ТЕОРИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Тукмакова Е.А. * Самозащита и искусственный интеллект: перспективы правового регулирования 64

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Швалев К.Д. * Исключение имущества из конкурсной массы в деле о банкротстве наследодателя: вопросы теории и практики 67

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Амирова Е.Х., Чибисов О.В. * Специальный налоговый режим «налог на профессиональный доход»: проблемы правового регулирования и перспективы развития 74

Николенко В.А. * Проблемы разграничения административной коррупции и уголовных преступлений: практика переквалификации ст. 19.28 КоАП РФ и ст. 204 УК РФ 81

Прохоркина К.С. * Методология правового прогнозирования: инструменты оценки эффективности норм и рисков правоприменения 85

Жемчужнова О.С. * Методология криминалистического учения 91

CONTENTS:

POLITICS AND LAW

Putrenko A.N., Bashtovoy S.V., Bersenev A.A. * The importance of the northern sea route in the Russian economy 11

Dolzhenkova E., Pushchina A.V., Murasheva K.M. * Adaptation of the entrepreneurial legislation of the Russian Federation to modern geopolitical challenges. Transformation of Russian investment law 18

Krasinskaya E.S. * Customs duties as a tool for increasing competitiveness: between protectionism and market risks 25

LAW AND ECONOMICS

Ternovchuk A.N., Drogalina E.A. * Improvement of currency legislation in the aspect of control by tax authorities of transactions on accounts of individuals opened in foreign banks 29

Kachina K.K. * Legal basis for professional activities of subjects in the securities market 33

Putrenko A.N., Bashtovoy S.V., Shram V.A. * The legal nature of tokens: a functional approach to digital asset qualification 36

Grekov N.A. * The Essence and Factors Shaping the Investment Attractiveness of an Organization 42

Ibishev R.A. * Current prospects for the development of participatory budgeting 45

Pilintsov A.V. * Features of legal regulation of risk consequences distribution in investment legal relations 49

HUMAN RIGHTS

Tukmakova E.A. * Censorship and information control 52

Borokhova N.E. * Problematic aspects of the lawyer's survey 56

Askarov Z.S., Zinchenko A.S. * Invalidity of fraudulent and feign transactions: legal basis and protection of the rights of participants 59

CIVIL LAW THEORY

Tukmakova E.A. * Self-protection and artificial intelligence: prospects for legal regulation 64

JUSTICE AND COURT PRACTICE

Shvalev K.D. * Exclusion of property from the bankruptcy estate in a testator's bankruptcy proceeding: theoretical and practical issues 67

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Amirova E.Kh., Chibisov O.V. * Special tax regime «professional income tax»: problems of legal regulation and development prospects 74

Nikolenko V.A. * Problems of distinguishing between administrative corruption and criminal offenses: practice of re-qualification of Art. 19.28 of the Administrative Code of the Russian Federation and Art. 204 of the Criminal Code of the Russian Federation 81

Prokhorkina K.S. * Methodology of legal forecasting: tools for assessing the effectiveness of regulations and the risks of law enforcement 85

Zhemchuzhnova O.S. * Methodology of forensic science 91

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 15.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-3-11-17

ПУТРЕНКО Андрей Николаевич,
доцент кафедры «Гражданское право и процесс»,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
Севастополь, Россия,
e-mail: anputrenko@mail.sevsu.ru

БАШТОВОЙ Сергей Вячеславович,
ассистент кафедры «Гражданское право и процесс»,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
Севастополь, Россия,
e-mail: svbashtovoy@mail.sevsu.ru

БЕРСЕНЕВ Анатолий Алексеевич,
студент 2-курса магистратуры
Юридического института,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
Севастополь, Россия,
e-mail: bersik87@yandex.ru

ЗНАЧЕНИЕ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ

Аннотация. *Северный морской путь в последние годы всё чаще рассматривается не только как кратчайшая морская линия между Европой и Азией, но и как один из ключевых элементов российской экономической политики в Арктике. Его значение связано с вывозом углеводородного сырья, развитием северных территорий, формированием новых транспортных связей с азиатскими рынками и укреплением инфраструктурной самостоятельности России. В статье раскрываются основные направления экономического использования Северного морского пути, оценивается динамика грузопотока, анализируются возможности российско-китайского сотрудничества и выявляются ограничения, препятствующие превращению маршрута в полноценный международный транспортный коридор. Особое внимание уделяется сезонности навигации, состоянию портовой инфраструктуры, нехватке судов ледового класса, дисбалансу между западным и восточным секторами маршрута, а также проблеме недостаточной транзитной грузовой базы. Сделан вывод о том, что в ближайшей перспективе Северный морской путь будет развиваться прежде всего как национальная арктическая магистраль, обеспечивающая экспорт ресурсов и снабжение северных регионов, а его международный транзитный потенциал будет реализовываться постепенно, по мере модернизации ледокольного флота, портов и сопутствующей логистической инфраструктуры.*

Ключевые слова: *Северный морской путь, Арктика, экономика России, внешняя торговля, арктическая логистика, грузопоток, ледокольный флот, российско-китайское сотрудничество.*

PUTRENKO Andrey Nikolaevich,
Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure,
Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia

BASHTOVOI Sergey Vyacheslavovich,
Assistant Professor, Department of Civil Law and Procedure,
Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia

BERSENEV Anatoly Alekseevich,
Second-year Master's Student,
Law Institute,
Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia

THE IMPORTANCE OF THE NORTHERN SEA ROUTE IN THE RUSSIAN ECONOMY

Annotation. *In recent years, the Northern Sea Route has increasingly been viewed not only as the shortest sea line between Europe and Asia, but also as one of the key elements of Russian economic policy in the Arctic. Its importance is related to the export of hydrocarbons, the development of the northern territories, the formation of new transport links with Asian markets and the strengthening of Russia's infrastructural independence. The article reveals the main directions of economic use of the Northern Sea Route, evaluates the dynamics of cargo traffic, analyzes the possibilities of Russian-Chinese cooperation and identifies the limitations that prevent the route from becoming a full-fledged international transport corridor. Special attention is paid to the seasonality of navigation, the state of the port infrastructure, the shortage of ice-class vessels, the imbalance between the western and eastern sectors of the route, as well as the problem of insufficient transit cargo base. It is concluded that in the near future, the Northern Sea Route will develop primarily as a national Arctic highway providing the export of resources and supplies to the northern regions, and its international transit potential will be realized gradually as the icebreaker fleet, ports and related logistics infrastructure are modernized.*

Key words: *Northern Sea Route, Arctic, Russian economy, foreign trade, Arctic logistics, cargo flow, icebreaking fleet, Russian-Chinese cooperation.*

Северный морской путь давно перестал быть исключительно географическим понятием. Для России он представляет собой не просто судоходную линию вдоль арктического побережья, а сложный экономический механизм, от которого зависит освоение северных территорий, экспорт сырья, развитие портов, работа ледокольного флота и включение Арктики в общенациональную хозяйственную систему. В этом смысле СМП нельзя рассматривать только как возможную альтернативу Суэцкому каналу. Его роль шире: он соединяет транспортную, энергетическую, промышленную и внешнеторговую политику государства [2; 3].

В российском правовом поле Северный морской путь закреплён как акватория, прилегающая к северному побережью Российской Федерации и включающая внутренние морские воды, территориальное море, прилежащую зону и исключительную экономическую зону. Его восточная часть связана с районом Берингова пролива, западная — с акваторией у Новой Земли и системой арктических проливов [1]. Такая правовая конструкция важна сама по себе: она показывает, что речь идёт не об одной неизменной трассе, а о пространстве возможного судоходства, где конкретный маршрут выбирается с учётом сезона, ледовой обстановки, осадки судна, наличия ледокольного сопровождения и требований безопасности.

Экономическая привлекательность этого направления чаще всего объясняется сокращением расстояния между европейскими и азиатскими портами. Действительно, путь через арктические моря в ряде случаев оказывается заметно короче южных маршрутов. Например, перевозка из портов Северо-Восточной Азии в Северную Европу при благоприятных условиях может дать экономию расстояния до 20–40 % по сравнению с традиционным движением через Малаккский пролив и Суэцкий канал [11, p. 663–666; 12, p. 978–980]. Для судоходной отрасли это выглядит весомым аргументом: меньшее расстояние потенциально означает сокращение времени рейса, расхода топлива и затрат на экипаж.

Однако в реальной логистике длина маршрута является лишь одним из факторов. Морские перевозки зависят от регулярности расписания, страховых условий, пропускной способности портов, возможности дозагрузки, ремонта, бункеровки, перегрузки контейнеров и связи с наземной инфраструктурой. Южные морские коридоры обладают тем преимуществом, что вокруг них десятилетиями формировалась плотная сеть портов, терминалов, складов, железных дорог и сервисных компаний. Арктическое направление пока не имеет сопоставимой инфраструктурной насыщенности. Поэтому географическая краткость СМП ещё не гарантирует его автоматического коммерческого превосходства [10; 11, p. 667–672].

Сегодня наиболее устойчивое экономическое значение Северного морского пути связано не с массовым международным транзитом, а с обслуживанием ресурсных проектов российской Арктики. Основная грузовая база формируется в западном секторе маршрута, прежде всего в районах Ямала, Обской губы, Енисея и Таймыра. По СМП перевозятся сжиженный природный газ, газовый конденсат, нефть, нефтепродукты, уголь, руда, строительные материалы, оборудование и генеральные грузы, необходимые для северных производственных площадок [4; 8, с. 268–274]. Именно эта сырьевая и снабженческая специализация стала главным источником роста перевозок.

Показательна динамика последних лет. В начале 2010-х годов грузооборот СМП оставался сравнительно скромным, однако запуск крупных арктических проектов резко изменил ситуацию. К 2024 году объём перевозок достиг 37,9 млн тонн, что стало рекордным показателем для современной истории маршрута [4]. В 2025 году, по данным Минтранса России, по Северному мор-

скому пути было перевезено 37,02 млн тонн грузов при плановом ориентире 35,1 млн тонн [5]. За десятилетие маршрут фактически перешёл из категории перспективного направления в категорию реально работающей транспортной магистрали.

При этом структура перевозок остаётся весьма характерной. Основную долю занимают грузы нефтегазовых проектов и обеспечение арктической промышленности. Международный транзит растёт, но пока не определяет экономическое лицо СМП. В 2024 году было совершено 92 транзитных рейса, а объём транзитных грузов превысил 3 млн тонн [4]. Для российской Арктики это серьёзный результат, однако в сравнении с южными глобальными маршрутами такие показатели остаются умеренными. Можно заметить, что Северный морской путь развивается не как универсальная замена Суэцкому каналу, а как специализированный коридор, приспособленный прежде всего к арктической ресурсной экономике [11, p. 669–674; 12, p. 980–982].

Такая модель имеет свои сильные и слабые стороны. С одной стороны, ресурсные проекты дают маршруту понятную и достаточно устойчивую грузовую базу. Без «Ямал СПГ», нефтегазовых месторождений Ямала, угольных и минеральных проектов Таймыра развитие СМП было бы значительно менее динамичным. С другой стороны, зависимость от ограниченного круга грузов делает систему чувствительной к инвестиционным циклам, мировым ценам на сырьё, санкционным ограничениям, доступности специализированного флота и срокам ввода новых объектов [8, с. 270–278; 18, с. 90–96]. В ряде случаев это проявляется в том, что рост грузооборота обеспечивается не расширением транзита, а запуском отдельных крупных проектов.

Особое значение Северный морской путь приобретает в контексте внешней торговли России. После изменения международной экономической конъюнктуры и усложнения традиционных западных направлений возрастает роль транспортных маршрутов, ориентированных на Азиатско-Тихоокеанский регион. Для экспорта СПГ, нефти, газового конденсата и иных ресурсов восточное направление становится всё более важным. В этой логике СМП выполняет не только транспортную, но и стратегическую функцию: он позволяет диверсифицировать экспортные каналы и укрепить связь российских арктических проектов с рынками Китая, Индии и других азиатских стран [8, с. 274–280; 9, с. 45–48].

Наиболее заметным иностранным партнёром России в арктической логистике остаётся Китай. Интерес КНР к Северному морскому пути объясняется сразу несколькими обстоятельствами. Во-первых, Пекин заинтересован в диверсификации морских маршрутов, поскольку традиционные южные коммуникации проходят через перегруженные и политически чувствительные узлы. Во-вторых, Китай рассматривает российскую Арктику как источник энергетических ресурсов. В-третьих, арктическое направление вписывается в концепцию «Ледяного шёлкового пути», которая дополняет более широкую стратегию внешнеэкономической связанности Китая [9, с. 45–51; 17, p. 950–953].

Для России китайское участие может быть полезным с точки зрения инвестиций, судостроения, долгосрочных контрактов и расширения грузовой базы. Однако фактический масштаб китайского присутствия пока не стоит преувеличивать. Даже при росте числа рейсов и заявок объём китайского судоходства в арктической зоне несопоставим с потоками через южные маршруты. Китай действует осторожно: он изучает возможности СМП, участвует в отдельных проектах, но не переносит на север массовые контейнерные перевозки. Такая осторожность вполне объяснима, поскольку экономические преимущества маршрута пока зависят от большого числа переменных [9, с. 48–51; 19].

Первое и наиболее очевидное ограничение связано с природными условиями. Арктическое море остаётся сложной средой даже при общем потеплении климата и сокращении площади льда. Навигация зависит от ледовой обстановки конкретного года, скорости дрейфа льда, штормов, видимости, температуры и состояния отдельных проливов. В отдельные периоды маршрут может быть относительно благоприятным, но уже в следующем сезоне ледовая ситуация меняется настолько, что сроки доставки становятся трудно прогнозируемыми [13, p. 463–467; 15, p. 887–893]. Для сырьевых перевозок это может быть приемлемо, если графики заранее согласованы с ледокольным обеспечением. Для контейнерной логистики, где важна почти почасовая точность, подобная неопределённость является серьёзным препятствием.

Техническая сторона проблемы не менее значима. Для эксплуатации в акватории Северного морского пути требуются суда ледового класса. Они дороже обычных грузовых судов, имеют усиленный корпус, специальную защиту оборудования, повышенные требования к энергетической установке и системе безопасности. В литературе отмечается, что стоимость строительства и обслуживания таких судов может быть на десятки процентов выше по сравнению с флотом, работающим на традиционных маршрутах [14, p. 36–41; 16, p. 546–555]. Кроме того, ледовое усиление увеличивает массу судна и влияет на расход топлива. В результате экономия расстояния частично компенсируется повышенными капитальными и эксплуатационными расходами.

Отдельная проблема связана с ледокольной проводкой. Российский атомный ледокольный флот является уникальным преимуществом страны, однако для стабильной круглогодичной работы маршрута его количественных и технических

возможностей пока недостаточно. Особенно это касается крупнотоннажных судов, которым требуется широкий ледовый канал. Действующие ледоколы обеспечивают проводку, но рост перевозок потребует судов большей мощности, новых графиков сопровождения, развитой системы ремонта и более точного планирования навигации [2; 14, p. 38–42]. Без этого круглогодичность СМП останется скорее стратегической целью, чем повседневной коммерческой реальностью.

Существенное значение имеют и глубины отдельных участков. Мелководные проливы, сложная гидрография, недостаточная изученность высокоширотных трасс и ограниченность навигационного обеспечения влияют на выбор маршрута и допустимые параметры судна [14, p. 37–41]. Для танкеров, газовозов и контейнеровозов крупного класса важны не только ледовые условия, но и осадка, ширина прохода, возможность маневрирования и работа аварийно-спасательных служб. Высокоширотные маршруты могут обходить часть мелководных районов, но они хуже изучены и более сложны с точки зрения обеспечения безопасности.

Инфраструктурный дисбаланс особенно заметен при сравнении западного и восточного секторов СМП. Западный сектор уже связан с действующими нефтегазовыми проектами, портом Сабетта, Дудинкой, Мурманском и другими опорными точками. Восточный сектор, который имеет большое значение для выхода на рынки Китая и стран АТР, развит значительно слабее. Там меньше промышленных центров, хуже портовая база, сложнее ледовые условия, слабее связь с железнодорожной сетью и аварийно-спасательной инфраструктурой [9, с. 46–50]. На практике это означает, что восточная часть маршрута пока выполняет преимущественно транзитную функцию: её необходимо пройти, но она сама генерирует ограниченный объём грузов.

Портовая инфраструктура остаётся одним из узких мест. Современным требованиям в большей степени отвечают отдельные узлы, прежде всего Сабетта и Дудинка. Многие другие арктические порты нуждаются в реконструкции причалов, дноуглублении, строительстве складов, развитии энергетики, связи, ремонтных мощностей, пунктов бункеровки и аварийно-спасательных баз [2; 8, с. 275–280]. Без такой модернизации СМП будет трудно конкурировать с южными маршрутами даже в тех сегментах, где он обладает преимуществом по расстоянию. Перевозчику важно не просто пройти маршрут, а иметь возможность обслужить судно, обеспечить безопасность груза и встроить рейс в стабильную логистическую цепочку.

Не менее серьёзным экономическим ограничением является отсутствие достаточной транзитной грузовой базы. Основные источники грузов сосредоточены в районе между Обью и Енисеем. За пределами уже действующих сырьевых кластеров новые объёмы будут зависеть от темпов освоения месторождений, строительства терминалов и появления перерабатывающих мощностей. Восточный сектор пока не располагает сопоставимой промышленной базой, поэтому его развитие во многом зависит от того, удастся ли создать устойчивый поток грузов между российской Арктикой и азиатскими рынками [9, с. 47–51; 18, с. 92–98]. Без обратной загрузки и регулярного спроса рейсы остаются дорогими и коммерчески рискованными.

Наиболее дискуссионным направлением остаются контейнерные перевозки. Именно они могли бы превратить Северный морской путь в полноценный международный транспортный коридор. Но контейнерная линия требует того, чего арктическая трасса пока не может обеспечить в полном объёме: регулярного расписания, высокой скорости, страховой предсказуемости, развитых портов-хабов, стабильной связи и возможности формировать груз как в прямом, так и в обратном направлении [10; 11, p. 667–674]. Обычный контейнеровоз не рассчитан на ледовые условия, а специализированное судно требует крупных инвестиций. При небольшом количестве рейсов такая перевозка может быть убыточной без государственной поддержки [16, p. 548–556].

В этом отношении показателен опыт тестовых контейнерных линий на СМП. Они демонстрируют техническую возможность перевозки, но не снимают вопроса о коммерческой устойчивости. Для промышленной продукции, электроники, рыбы, морепродуктов и иных товаров, требующих специальных контейнеров и точного графика, арктический маршрут пока остаётся сложным. Если срок доставки оказывается непредсказуемым, а стоимость страхования и ледокольного сопровождения возрастает, грузовладелец часто предпочитает более длинный, но привычный южный путь [13, p. 464–468; 16, p. 551–558].

Вместе с тем было бы неверно оценивать СМП только через призму конкуренции с Суэцким каналом. Его экономическая ценность для России проявляется иначе. Маршрут стимулирует развитие судостроения, атомного ледокольного флота, портового строительства, навигационных систем, гидрометеорологической службы, связи, аварийно-спасательной инфраструктуры и инженерных компетенций для высокоширотной логистики. Каждый крупный арктический проект создаёт спрос на оборудование, специалистов, научные разработки, сервисные компании и транспортные решения. В долгосрочной перспективе это может стать одним из факторов технологического развития северных регионов [2; 8, с. 265–282].

Региональный эффект также имеет принципиальное значение. Для арктических территорий

Северный морской путь является каналом снабжения, вывоза продукции и связи с остальной страной. Развитие портов, строительство подъездных путей, модернизация связи и энергетики могут повысить устойчивость северных поселений и создать условия для новых производственных проектов. Но такой эффект возникает только при комплексном подходе. Если СМП будет использоваться исключительно как линия вывоза сырья с отдельных месторождений, вклад в развитие местной экономики окажется значительно уже, чем при формировании сети портовых, сервисных и логистических центров [3; 8, с. 276–282].

Государственная политика в этой сфере ориентирована именно на комплексное развитие маршрута. План развития Северного морского пути до 2035 года предусматривает меры по навигационно-гидрографическому, гидрометеорологическому и аварийно-спасательному обеспечению, развитию морских портов, строительству ледоколов и созданию сопутствующей инфраструктуры [2]. Государственная программа социально-экономического развития Арктической зоны также исходит из необходимости роста грузопотока и повышения устойчивости арктической транспортной системы [3]. Эти документы показывают, что СМП рассматривается как долгосрочный проект, связанный с пространственным развитием страны.

Одним из важнейших направлений остаётся расширение ледокольного флота. Без достаточного количества современных ледоколов невозможно обеспечить предсказуемую навигацию, особенно в восточном секторе маршрута. Наращивание мощности флота должно сопровождаться развитием систем мониторинга, прогнозирования ледовой обстановки, ремонта, снабжения и аварийного реагирования. Сам по себе ледокол решает только часть задачи; вокруг него должна быть выстроена полноценная инфраструктура арктического судоходства [2; 14, p. 38–42].

Не менее важна модернизация портов. Для повышения экономической отдачи СМП необходимо увеличивать глубины, расширять причальные мощности, строить складские комплексы, развивать железнодорожные и автомобильные подходы, создавать пункты бункеровки и технического обслуживания. Особенно перспективным выглядит развитие опорных портов, способных выполнять функции логистических узлов. В дальнейшем именно такие узлы могут стать основой для формирования более устойчивой грузовой базы и привлечения новых перевозчиков [2; 8, с. 275–280].

Ценовая политика также требует внимания. Для судовладельца важна не только протяжённость маршрута, но и совокупная стоимость рейса: ледокольная проводка, страхование, топливо, портовые сборы, простой, риски задержки и требования к судну. Если эти расходы оказываются выше ожидаемой экономии, маршрут теряет привлекательность. Поэтому развитие СМП предполагает поиск такой тарифной и организационной модели, при которой перевозчик будет видеть не только стратегические преимущества, но и понятную коммерческую выгоду [11, p. 667–674; 13, p. 465–469].

Международное сотрудничество способно ускорить развитие маршрута, но оно должно строиться с учётом национальных интересов России. Участие Китая и других азиатских партнёров может способствовать росту грузовой базы, привлечению инвестиций и развитию специализированного флота. Вместе с тем СМП проходит в зоне особых природных, экологических и правовых условий, поэтому открытость для иностранных участников должна сочетаться с российским контролем над правилами плавания, требованиями безопасности и защитой окружающей среды [1; 9, с. 48–51; 19].

Можно заметить, что будущее Северного морского пути будет определяться не одним фактором, а сочетанием нескольких условий. Маршрут должен получить устойчивую грузовую базу, современную портовую инфраструктуру, достаточный ледокольный флот, развитые системы связи и спасения, а также понятные экономические правила для перевозчиков. Только при наличии этих элементов арктическая трасса сможет выйти за пределы сырьевой специализации и постепенно усилить транзитную составляющую [8, с. 278–282; 18, с. 96–100].

В ближайшей перспективе СМП, вероятнее всего, сохранит свою основную роль как национальная арктическая магистраль, обеспечивающая вывоз ресурсов и снабжение северных территорий. Его международное значение будет расти, но не скачкообразно, а по мере накопления инфраструктурных возможностей и появления новых грузов. Поэтому более точной представляется не модель «северного Суэца», а модель специализированного высокоширотного коридора, который обслуживает интересы российской экономики и одновременно постепенно открывает пространство для внешнеторгового сотрудничества [11, p. 671–675; 12, p. 981–983; 18, с. 97–100].

Значение Северного морского пути для России заключается именно в этой многослойности. Он важен как маршрут экспорта, как инструмент освоения Арктики, как основа развития северных портов, как стимул для ледокольного судостроения и как элемент долгосрочной внешнеэкономической стратегии. При грамотном развитии СМП способен укрепить позиции страны в Арктике, расширить связи с азиатскими рынками и создать новые точки роста в северных регионах. Но его потенциал не должен оцениваться упрощённо. Экономический успех маршрута зависит не от одной только краткости пути, а от

способности государства и бизнеса превратить арктическую трассу в устойчивую, безопасную и коммерчески понятную транспортную систему [2; 3; 8, с. 265–282].

Список литературы:

[1] Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации : Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ : ред. от 19 октября 2023 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1999. — № 18. — Ст. 2207.

[2] Об утверждении Плана развития Северного морского пути на период до 2035 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 августа 2022 г. № 2115-р : ред. от 28 апреля 2023 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2022. — № 32. — Ст. 5866.

[3] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» : постановление Правительства Российской Федерации от 30 марта 2021 г. № 484 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2021. — № 15. — Ст. 2590.

[4] Объем грузоперевозок по Северному морскому пути установил рекорд // Росатомфлот : официальный сайт. — 2025. — 9 января. — URL: https://rosatomflot.ru/press-centr/novosti-predpriyatiya/2025/01/09/11644-obem-gruzoperevozok-po-severnomu-morskomu-puti-ustanovil-rekord/ (дата обращения: 25.05.2026).

[5] Объем перевозки грузов по СМП в 2025 году составил 37,02 млн тонн // Арктика — территория развития : официальный портал. — 2026. — 18 февраля. — URL: https://arctic-russia.ru/news/obem-perevozki-gruzov-po-smp-v-2025-godu-sostavil-37-02-mln-tonn/ (дата обращения: 25.05.2026).

[6] Администрация Северного морского пути. Разрешения на плавание судна в акватории Северного морского пути // Администрация Северного морского пути : официальный сайт. — URL: http://www.nsra.ru/ru/rassmotrenie_zayavleniy/razresheniya.html (дата обращения: 25.05.2026).

[7] Федосеев Л. Северный морской путь. Досье / Л. Федосеев // ТАСС. — 2018. — 1 марта. — URL: https://tass.ru/info/4999806 (дата обращения: 25.05.2026).

[8] Григорьев М. Н. Инвестиционные проекты и транспортная инфраструктура Арктической зоны Российской Федерации / М. Н. Григорьев // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2021. — Т. 228, № 2. — С. 265–282.

[9] Гао Т. Возможности участия Китая в пространственном и экономическом развитии восточного сектора российской Арктики / Т. Гао, В. Л. Ерохин // Экономика российского Востока. — 2021. — № 1 (13). — С. 45–51.

[10] Gunnarsson B. Recent ship traffic and developing shipping trends on the Northern Sea Route: Policy implications for future Arctic shipping / B. Gunnarsson // Marine Policy. — 2021. — Vol. 124. — Article 104369.

[11] Pruyn J. Will the Northern Sea Route ever be a viable alternative? / J. Pruyn // Maritime Policy & Management. — 2016. — Vol. 43, № 6. — P. 661–675.

[12] Schøyen H. The Northern Sea Route versus the Suez Canal Route: cases from bulk shipping / H. Schøyen, S. Bråthen // Journal of Transport Geography. — 2011. — Vol. 19, № 4. — P. 977–983.

[13] Faury O. The Northern Sea Route competitiveness for oil tankers / O. Faury, P. Cariou // Transportation Research Part A: Policy and Practice. — 2016. — Vol. 94. — P. 461–469.

[14] Erikstad S. O. Decision support framework for exploiting Northern Sea Route transport opportunities / S. O. Erikstad, S. Ehlers // Ship Technology Research. — 2012. — Vol. 59, № 2. — P. 34–43.

[15] Stephenson S. R. Projected 21st-century changes to Arctic marine access / S. R. Stephenson, L. C. Smith, L. W. Brigham, J. A. Agnew // Climatic Change. — 2013. — Vol. 118, № 3–4. — P. 885–899.

[16] Xu H. The potential seasonal alternative of Asia-Europe container service via Northern Sea Route under the Arctic sea ice retreat / H. Xu, Z. Yin, D. Jia, F. Jin, H. Ouyang // Maritime Policy & Management. — 2011. — Vol. 38, № 5. — P. 541–560.

[17] Larchenko V. Ice Silk Road: Assessment of the current state and development prospects / V. Larchenko // New Silk Road: Business Cooperation and Prospective of Economic Development : Proceedings of the International Conference NSRBCPED 2019. — Atlantis Press, 2020. — P. 950–954.

[18] Селин В. С. Движущие силы и проблемы развития грузопотоков по Северному морскому пути / В. С. Селин // Арктика и Север. — 2016. — № 22. — С. 87–100.

[19] Rosatom Fosters Collaboration with China on the Northern Sea Route // Atom Media : official website. — 2025. — 14 October. — URL: https://atommedia.online/en/press-releases/rosatom-razvivaet-sotrudnichestvo-s-kitaem-po-severnomu-puti/ (дата обращения: 25.05.2026).

References:

[1] Merchant Shipping Code of the Russian Federation: Federal Law of April 30, 1999 No. 81-FZ: as amended on October 19, 2023 // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1999. — No. 18. — Art. 2207.

[2] On approval of the Northern Sea Route Development Plan for the period up to 2035: Order of the Government of the Russian Federation of August 1, 2022 No. 2115-r: as amended on April 28, 2023 // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2022. — No. 32. — Art. 5866.

[3] On approval of the state program of the Russian Federation «Socio-economic development of the Arctic zone of the Russian Federation»: Resolution

of the Government of the Russian Federation of March 30, 2021 No. 484 // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2021. - No. 15. - Art. 2590.

[4] The volume of cargo transportation along the Northern Sea Route sets a record // Rosatomflot: official website. - 2025. - January 9. - URL: https://rosatomflot.ru/press-centr/novosti-predpriyatiya/2025/01/09/11644-obem-gruzoperevozok-po-severnomu-morskomu-puti-ustanovil-rekord/ (date of access: 25.05.2026).

[5] The volume of freight transportation along the NSR in 2025 amounted to 37.02 million tons // The Arctic — a territory of development: official portal. — 2026. — February 18. — URL: https://arctic-russia.ru/news/obem-perevozki-gruzov-po-smp-v-2025-godu-sostavil-37-02-mln-tonn/ (date of access: May 25, 2026).

[6] Northern Sea Route Administration. Permits for vessel navigation in the waters of the Northern Sea Route // Northern Sea Route Administration: official website. — URL: http://www.nsra.ru/ru/rassmotrenie_zayavleniy/razresheniya.html (date of access: May 25, 2026).

[7] Fedoseyev L. Northern Sea Route. Dossier / L. Fedoseyev // TASS. - 2018. - March 1. - URL: https://tass.ru/info/4999806 (date of access: 25.05.2026).

[8] Grigoriev, M. N. Investment projects and transport infrastructure of the Arctic zone of the Russian Federation / M. N. Grigoriev // Scientific works of the Free Economic Society of Russia. - 2021. - Vol. 228, No. 2. - Pp. 265-282.

[9] Gao, T. Opportunities for China's participation in the spatial and economic development of the eastern sector of the Russian Arctic / T. Gao, V. L. Erokhin // Economy of the Russian East. - 2021. - No. 1 (13). - Pp. 45-51.

[10] Gunnarsson B. Recent ship traffic and developing shipping trends on the Northern Sea Route: Policy implications for future Arctic shipping / B. Gunnarsson // Marine Policy. — 2021. — Vol. 124. - Article 104369.

[11] Pruyn J. Will the Northern Sea Route ever be a viable alternative? / J. Pruyn // Maritime Policy & Management. — 2016. — Vol. 43, No. 6. - P. 661–675.

[12] Schøyen H. The Northern Sea Route versus the Suez Canal Route: cases from bulk shipping / H. Schøyen, S. Bråthen // Journal of Transport Geography. - 2011. - Vol. 19, No. 4. - P. 977–983.

[13] Faury O. The Northern Sea Route competitiveness for oil tankers / O. Faury, P. Cariou // Transportation Research Part A: Policy and Practice. — 2016. — Vol. 94. - P. 461–469.

[14] Erikstad S. O. Decision support framework for exploiting Northern Sea Route transport opportunities / S. O. Erikstad, S. Ehlers // Ship Technology Research. - 2012. - Vol. 59, No. 2. - P. 34–43.

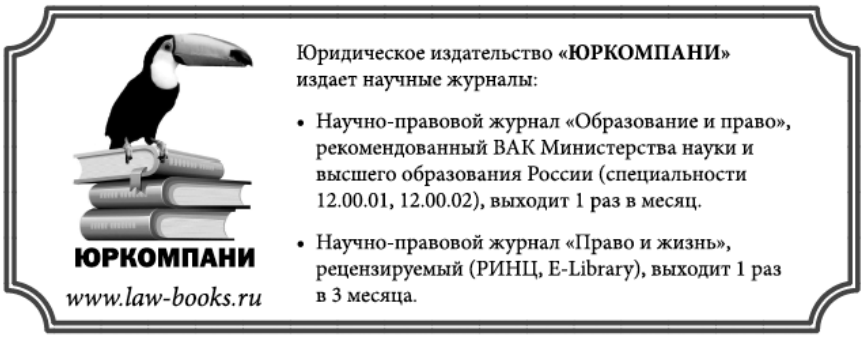
[15] Stephenson S. R. Projected 21st-century changes to Arctic marine access / S. R. Stephenson, L. C. Smith, L. W. Brigham, J. A. Agnew // Climatic Change. — 2013. — Vol. 118, no. 3–4. — P. 885–899.

[16] Xu H. The potential seasonal alternative of Asia-Europe container service via Northern Sea Route under the Arctic sea ice retreat / H. Xu, Z. Yin, D. Jia, F. Jin, H. Ouyang // Maritime Policy & Management. - 2011. - Vol. 38, No. 5. - P. 541-560.

[17] Larchenko V. Ice Silk Road: Assessment of the current state and development prospects / V. Larchenko // New Silk Road: Business Cooperation and Prospect of Economic Development: Proceedings of the International Conference NSRBCPED 2019. - Atlantis Press, 2020. - P. 950-954.

[18] Selin V. S. Driving forces and problems of cargo flow development along the Northern Sea Route / V. S. Selin // Arctic and North. — 2016. — No. 22. — P. 87–100.

[19] Rosatom Fosters Collaboration with China on the Northern Sea Route // Atom Media: official website. — 2025. — 14 October. — URL: https://atommedia.online/en/press-releases/rosatom-razvivaet-sotrudnichestvo-s-kitaem-po-severnomu-puti/ (date of access: 25.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 15.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-2828-2026-3-18-24

ДОЛЖЕНКОВА Екатерина,
кандидат политических наук, доцент,
Санкт-Петербургский Политехнический
университет Петра Великого,
e-mail: skinx@inbox.lv

ПУЩИНА Анна Вадимовна,
студент,
Санкт-Петербургский Политехнический
университет Петра Великого,
e-mail: pushchina_anna@mail.ru

МУРАШЕВА Кристина Максимовна,
студент,
Санкт-Петербургский Политехнический
университет Петра Великого,
e-mail: kristinamuraseva87@gmail.com

АДАПТАЦИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К СОВРЕМЕННЫМ ГЕОПОЛИТИЕЧСКИМ ВЫЗОВАМ. ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРАВА

Аннотация. *Данная статья посвящена комплексному анализу механизмов регулирования инвестиционной деятельности в России и процесс адаптации отечественного законодательства к постоянно меняющимся геополитическим условиям. На основе действующей законодательной базы Российской Федерации, статистики ЮНКТАД и сравнительно-правовых данных исследуются структурные изменения инвестиционного и предпринимательского законодательства, а также исследуются точки роста и направления развития предпринимательского права в России.*

Ключевые слова: *иностранные инвестиции, ЮНКТАД, СЗПК, санкции, инвестиционное законодательство.*

DOLZHENKOVA Ekaterina,
candidate of Politics, Associate Professor
St. Petersburg Polytechnic University
of Peter the Great

PUSHCHINA Anna Vadimovna,
student,
St. Petersburg Polytechnic University
of Peter the Great

MURASHEVA Kristina Maksimovna,
student,
St. Petersburg Polytechnic University
of Peter the Great

ADAPTATION OF THE ENTREPRENEURIAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION TO MODERN GEOPOLITICAL CHALLENGES. TRANSFORMATION OF RUSSIAN INVESTMENT LAW

Annotation. *This article is devoted to a comprehensive analysis of the mechanisms governing investment activity in Russia and the process of adapting domestic legislation to constantly changing geopolitical conditions. Based on the current legislative framework of the Russian Federation, UNCTAD statistics and comparative legal data, structural changes in investment and business legislation are being investigated, as well as growth points and directions of development of business law in Russia.*

Key words: *foreign investments, UNCTAD, NWPC, sanctions, investment legislation.*

Введение

В последние годы проблема правового регулирования иностранных инвестиций в России приобрела особую остроту. Это связано не только с традиционными задачами привлечения капитала, технологий и управленческого опыта, но и с резким усложнением внешнеэкономической ситуации после 2022 года. Масштабное санкционное давление, ответные ограничительные меры государства и формирование особого режима для инвесторов из «дружественных» и «недружественных» юрисдикций существенно изменили привычные представления о стабильности инвестиционного климата. В этих условиях инвестиционное право перестало быть исключительно сферой стимулирования капитала и все в большей степени стало выполнять функцию защиты экономического суверенитета, национальной безопасности и устойчивости внутреннего рынка.

Актуальность настоящей темы определяется тем, что российское законодательство в инвестиционной сфере оказалось в ситуации одновременного действия нескольких разнонаправленных векторов. С одной стороны, государство стремится сохранить гарантии для инвесторов, обеспечить предсказуемость условий реализации проектов и поддержать приток капитала через такие механизмы, как соглашения о защите и поощрении капиталовложений, особые экономические зоны и территории опережающего развития. С другой стороны, контрсанкционное регулирование ввело дополнительные ограничения, затрагивающие валютные операции, корпоративный контроль, сделки с активами и порядок распоряжения имуществом. Именно это противоречие между стимулированием инвестиций и защитой от внешнего давления делает исследование особенно значимым.

Степень научной разработанности проблемы можно охарактеризовать как достаточно высокую в части общих вопросов правового режима иностранных инвестиций, однако далеко не исчерпывающую в аспекте соотношения классических инвестиционных гарантий с современными контрсанкционными мерами. В отечественной доктрине подробно изучались правовой статус иностранных инвесторов, режим стратегических отраслей, особенности стабилизационных оговорок и механизмы государственно-правовых гарантий. Вместе с тем последствия санкционного режима 2022–2026 годов, влияние президентских указов на инвестиционные отношения, а также вопрос о границах действия гарантий в условиях чрезвычайного внешнеэкономического давления пока не получили окончательного теоретического осмысления. Поэтому можно говорить о наличии заметного исследовательского пробела, который требует более комплексного анализа.

Целью статьи является выявление особенностей трансформации российского инвестиционного права в условиях санкционного и контрсанкционного регулирования, а также определение проблемных точек, связанных с соотношением гарантий инвесторов и ограничительных мер государства. Для достижения этой цели предполагается решить следующие задачи: охарактеризовать основные элементы правового режима иностранных инвестиций в России; проанализировать влияние санкционного давления на инвестиционные потоки; рассмотреть значение ключевых контрсанкционных актов; определить роль СЗПК, ОЭЗ и ТОР в поддержке инвестиционной активности; выявить существующие коллизии между гарантиями стабильности и ограничительными мерами; обозначить возможные направления совершенствования правового регулирования.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные юридические методы. В работе используются формально-юридический метод, позволяющий раскрыть содержание действующих нормативных актов и выявить их юридическую логику; системный метод, необходимый для рассмотрения инвестиционного права как комплексной межотраслевой конструкции; сравнительно-правовой метод, применяемый при сопоставлении различных режимов регулирования инвестиций; а также метод анализа и обобщения научных подходов и правоприменительной практики. Кроме того, при написании статьи использовался историко-правовой подход, дающий возможность показать эволюцию российского инвестиционного законодательства от модели привлечения капитала к модели его селективной защиты в условиях внешнеполитического давления.

Международная инвестиционная деятельность всегда формировалась под влиянием политических и экономических факторов, однако системный характер санкционных пакетов, введённых против России начиная с февраля 2022 года, породил принципиально новую нормативную среду. Так, совокупный объём прямых иностранных инвестиций (ПИИ), поступивших в Россию, обрушился с 38,8 млрд. долл. в 2021 году до отрицательного значения в – 15,2 млрд. долл. в 2022 году, а к 2024 году опустился до исторического минимума в 3,35 млрд. долл. – уровня, не зафиксированного с 2001 года. Согласно данным ЮНКТАД, накопленный объём входящих ПИИ в Россию сократился более чем на 57% – с 359,98 млрд. долл. в 2022 году до 216 млрд. долл. в 2024 году. [24]

Масштабное сокращение инвестиционных потоков поставило перед российским предпринимательским правом задачу одновременно защитить национальные интересы от санкционных действий других государств, предотвратить отток капитала, создать действенные стимулы для инвесторов из «дружественных» юрисдикций и

при этом сохранить формальную совместимость правового режима с нормами международного инвестиционного права.

Инвестиционное право Российской Федерации представляет собой комплексную межотраслевую правовую конструкцию, включающую нормы гражданского, административного, финансового, таможенного и международного частного права. В российской правовой науке отсутствует единый подход к критериям определения инвестиционного климата, что само по себе отражает незавершённость формирования инвестиционного права как самостоятельной отрасли. Исторически российское законодательство регулировало лишь конечный результат инвестирования – процесс размещения и использования капитала на российском рынке –оставляя за рамками регулирования организационные, экономические и юридические условия первоначального инвестирования.

Ядро российского инвестиционного законодательства к 2022 году составляли четыре базовых акта. Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» [2] закрепил основные гарантии прав иностранных инвесторов, национальный режим и режим наибольшего благоприятствования, стабилизационную оговорку. Закон изначально ориентировался на привлечение иностранных ресурсов, передовых технологий и управленческого опыта, обеспечение стабильности условий деятельности иностранных инвесторов и соответствие правового режима нормам международного права.

Федеральный закон от 29.04.2008 № 57-ФЗ [4] установил порядок осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства. Закон определял 36 видов стратегической деятельности, требующих получения предварительного согласования Правительственной комиссии.

Федеральный закон от 01.04.2020 № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений» [8] ввёл договорной механизм стабилизации инвестиционного режима для крупных проектов.

Ответные меры России на западные санкции образовали плотный массив подзаконных актов, квалифицируемых в доктрине как «контрсанкционное регулирование». Его ядро составляют президентские указы: Указ от 01.03.2022 № 81 (валютные ограничения) [10], Указ от 05.03.2022 г. № 95 (временный порядок исполнения обязательств перед иностранными кредиторами) [11], Указ от 18.03.2022 г. № 126 (дополнительные меры валютного регулирования) [12], Указ от 04.05.2022 № 254 (корпоративные обязательства) [13], Указ от 05.08.2022 г. № 520 (ограничения в топливно-энергетическом комплексе и финансовой сфере) [14], Указ от 08.09.2022 г. № 618 [15] и Указ от 15.10.2022 г. № 737 [16].

С точки зрения инвестиционного права принципиальное значение имеет разграничение субъектов на «дружественных» и «недружественных» инвесторов. Перечень «недружественных» государств утверждён Распоряжением Правительства РФ от 05.03.2022 г. № 430-р [18] и включает все государства ЕС, США, Великобританию, Японию, Южную Корею, Австралию, Канаду и ряд других государств. Данная классификация создала принципиально иную нормативную архитектуру, при которой правовой режим иностранных инвестиций дифференцируется не по отраслевому, а по геополитическому критерию.

Ключевые ограничения для инвесторов из «недружественных» стран включали:

- запрет на увеличение доли в уставном капитале российских компаний без специального разрешения Правительственной комиссии;
- ограничения на сделки с активами в ключевых секторах экономики;
- особый контроль за цепочками бенефициарных владельцев;
- приостановление переводов средств с банковских счетов нерезидентов из «недружественных» государств.

Параллельно с введением контрсанкционных мер Федеральным законом от 08.03.2026 г. № 51-ФЗ [9] было существенно расширено применение Закона о стратегических инвестициях. К сделкам, подлежащим обязательному согласованию, отнесены: сделки по приобретению государственного или муниципального имущества, используемого для стратегических видов деятельности; сделки по приобретению контроля над стратегическими некоммерческими организациями; переход прав пользования участками недр федерального значения. Особо значимым является включение некоммерческих организаций в сферу регулирования 57-ФЗ: теперь закон охватывает их деятельность, если они ведут хотя бы один вид стратегической деятельности [4].

Центральным инструментом национальной инвестиционной политики в условиях санкций стали соглашения о защите и поощрении капиталовложений (далее СЗПК), введенные Федеральным законом № 69-ФЗ 2020 г. [8]. Стабилизационная оговорка СЗПК ключевой механизм, обязывающий публично-правовые образования не применять акты, ухудшающие условия реализации инвестиционного проекта. Это означает, что зафиксированный на дату заключения СЗПК нормативный инвестиционный режим остаётся неизменным на весь срок действия соглашения, защищая инвестора от последующих неблагоприятных законодательных изменений.

Условия заключения СЗПК:

- участником может быть исключительно российское юридическое лицо;
- проект должен быть инвестиционным (ограниченным по времени, направленным на создание или модернизацию объектов);

- минимальный объём инвестиций – от 200 млн. рублей без участия Российской Федерации, от 750 млн. до 10 млрд. рублей в зависимости от отрасли при участии федерации. Статус резидента СЗПК предоставляет право на возмещение части инфраструктурных затрат за счёт бюджетных средств, что особенно актуально в условиях санкционного давления на логистику и производственные цепочки. [22]

По оценкам, к 2020 году правительство рассчитывало подписать более 20 соглашений СЗПК на 900 млрд. рублей. Практика применения СЗПК в 2022–2025 годах показала, что механизм приобрёл значение прежде всего для российских корпоративных инвесторов и компаний с участием капитала из «дружественных» юрисдикций. По данным на 4 марта 2026 года, было заключено 73 соглашения о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК) на общую сумму 5,4 трлн. рублей. [23]

Важнейшими инструментами привлечения инвестиций в условиях санкций остаются особые экономические зоны (ОЭЗ) и территории опережающего развития (ТОР), функционирующие на основе Федерального закона от 22.07.2005 г. №116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» [3] и Федерального закона от 29.12.2014 г. №473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» [5].

По данным Министерства экономического развития РФ, в настоящее время в России действуют 16 ТОР на Дальнем Востоке, 2 – в арктической зоне – всего 92 территории опережающих развитие. В 2022 году в ОЭЗ было привлечено 72 резидента, создано 12 тыс. рабочих мест, объём инвестиций составил 194,4 млрд. руб. [19]

Резиденты ТОР и ОЭЗ пользуются комплексом привилегий:

- налоговыми льготами по налогу на прибыль, имущество и землю;
- возможностью уплаты пониженных страховых взносов;
- правом привлекать иностранную рабочую силу без учёта квот;
- упрощёнными таможенными процедурами и режимом свободной таможенной зоны;
- льготными условиями подключения к коммуникациям.

Важно, что по данным Минэкономразвития, ОЭЗ полностью окупили все вложения в инфраструктуру – объём уплаченных резидентами обязательных платежей (налоги, таможенные платежи, страховые взносы) составил 545 млрд. руб., что на 78,4 млрд. руб. превысило объём затрат государства на создание инфраструктуры зон и использованных резидентами льгот [20].

Ключевым событием инвестиционно-правовой политики 2025 года стало подписание Указа Президента РФ от 01.07.2025 г. № 436 «О дополнительных гарантиях прав иностранных инвесторов» [17]. Указ устанавливает, что иностранные инвесторы вправе осуществлять инвестиции на территории РФ без учёта ограничительных положений контрсанкционных указов 2022-2023 годов.

Введение контрсанкционного регулирования породило системные правовые коллизии. Во-первых, существующие гарантии Закона № 160-ФЗ о стабильности инвестиционных условий формально сохраняют силу, однако валютные и транзакционные ограничения, введённые президентскими указами в рамках контрсанкционного регулирования, могут существенно ограничивать практическое применение этих гарантий [2].

Во-вторых, стабилизационная оговорка СЗПК – краеугольный камень механизма – в теории должна защищать инвестора от ухудшения условий, однако прямо ли покрывает она контрсанкционные меры экзогенного происхождения, остаётся дискуссионным вопросом.

Особую остроту приобрела проблема замороженных активов российских частных инвесторов в европейских депозитариях –прежде всего в бельгийском Euroclear. Оценки объёма заблокированных средств варьировались: изначально речь шла о сумме около 6 трлн рублей, при этом примерно 20% принадлежали физическим лицам. В 2024 году в рамках обмена активами по указу президента №844 участвовали инвесторы с заблокированными за рубежом активами до 100 тыс. рублей. [21]

Заключение

Таким образом, выработка доктринальных критериев соотношения гарантий Закона № 160-ФЗ и ограничений президентских указов необходима в современных условиях. Приоритетными представляются: чёткое разграничение сферы действия контрсанкционных мер и гарантий устойчивых инвестиционных обязательств, а также специальное регулирование ответственности государства за убытки инвесторов, понесённые вследствие введения контрсанкций.

Международная инвестиционная деятельность в Российской Федерации в условиях санкционного давления претерпела глубокую нормативно-институциональную трансформацию. Введение масштабного контрсанкционного регулирования с 2022 года привело к формированию дифференцированного правового режима, основанного на геополитическом разделении инвесторов на «дружественные» и «недружественные» страны, что существенно изменило структуру входящих прямых иностранных инвестиций и ослабило их объемы до исторических минимумов.

Ключевой проблемой современного этапа остаётся правовая коллизия между гарантиями стабильности инвестиционного режима, закреплёнными в Законе № 160-ФЗ и стабилизационных положениях СЗПК, с одной стороны, и экстраординарными ограничительными мера-

ми, установленными президентскими указами 2022–2026 годов, с другой стороны. В отсутствие чёткого доктринального и нормативного разграничения сферы действия контрсанкционных мер и инвестиционных обязательств возрастает риск декапитализации проектов и снижения привлекательности российской инвестиционной среды.

Дальнейшее развитие инвестиционного права РФ требует выработки согласованных критериев соотношения указанных гарантий и ограничений, а также специального регулирования ответственности государства за убытки инвесторов, возникшие вследствие санкционных и контрсанкционных мер.

Список литературы:

[1] Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите инвестиций (Москва, 08.05.2025, ратифицировано 27.10.2025) // Бюллетень международных договоров. – 2026.

[2] Об иностранных инвестициях в Российской Федерации: Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 28. – Ст. 3493.

[3] Об особых экономических зонах в Российской Федерации: Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 31. – Ст. 3433.

[4] О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства: Федеральный закон от 29.04.2008 № 57-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Российская газета. – 2008. – 10 мая.

[5] О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 1 (ч. I). – Ст. 26.

[6] О промышленной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 1 (ч. I). – Ст. 41.

[7] О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединённых Штатов Америки и иных иностранных государств: Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ // Российская газета. – 2018. – 08 июня.

[8] О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации: Федеральный закон от 01.04.2020 № 69-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 14. – Ст. 1999.

[9] О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»: Федеральный закон от 08.03.2026 № 51-ФЗ // Российская газета. – 2026.

[10] О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 10. – Ст. 1463.

[11] О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами: Указ Президента РФ от 05.03.2022 № 95 // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 11. – Ст. 1675.

[12] О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации в сфере валютного регулирования: Указ Президента РФ от 18.03.2022 № 126 (ред. от 08.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 12. – Ст. 1845.

[13] О временном порядке исполнения финансовых обязательств в сфере корпоративных отношений перед некоторыми иностранными кредиторами: Указ Президента РФ от 04.05.2022 № 254 (ред. от 01.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 19. – Ст. 3188.

[14] О применении специальных экономических мер в финансовой и топливно-энергетической сферах в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций: Указ Президента РФ от 05.08.2022 № 520 (ред. от 08.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 32. – Ст. 5842.

[15] Об особом порядке осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций) между некоторыми лицами: Указ Президента РФ от 08.09.2022 № 618 (с изм. от 15.10.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 37. – Ст. 6421.

[16] О некоторых вопросах осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций): Указ Президента РФ от 15.10.2022 № 737 // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 42. – Ст. 7140.

[17] О дополнительных гарантиях прав иностранных инвесторов: Указ Президента РФ от 01.07.2025 № 436 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 03.05.2026).

[18] Об утверждении перечня иностранных государств, совершающих недружественные действия: Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 11. – Ст. 1877.

[19] Минэкономразвития России опубликовало отчёт о работе ОЭЗ за 2022 год // Официальный сайт Минэкономразвития России. – 2023. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rossii_opublikovalo_otchyot_o_rabote_oez_za_2022_god.html (дата обращения: 03.05.2026).

[20] Отчёт о функционировании особых экономических зон в 2024 году // Минэкономразви-

тия России. – 2025. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/3da79b55fcc7839a9bf212c77f51b6ac/otchet_oez_2024.pdf (дата обращения: 03.05.2026).

[21] Россия добилась разблокировки зарубежных активов частных инвесторов на 5 трлн руб. с 2022 года // Коммерсантъ. – 2026. – 24 марта. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8533972 (дата обращения: 03.05.2026).

[22] Соглашение о защите и поощрении капиталовложений: инвестиционный портал России // Invest.Economy.gov.ru. – URL: https://invest.economy.gov.ru/soglashenie-o-zashchite-i-pooshchrenii-kapitalovlozhenij/request (дата обращения: 03.05.2026).

[23] Проект федерального закона «О внесении изменений…» (ID: 156652) // Официальный портал проектов нормативных правовых актов. – URL: http://regulation.gov.ru/p/156652 (дата обращения: 03.05.2026).

[24] World Investment Report 2025 – фактологическая сводка (на рус. яз.) // UNCTAD. – URL: https://unctad.org/system/files/non-official-document/wir_fs_ru_en.pdf (дата обращения: 03.05.2026).

References:

[1] Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on the Encouragement and Mutual Protection of Investments (Moscow, 08.05.2025, ratified on 27.10.2025) // Bulletin of International Treaties. – 2026.

[2] On Foreign Investments in the Russian Federation: Federal Law of 09.07.1999 No. 160-FZ (as amended on 08.08.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1999. – No. 28. – Art. 3493.

[3] On Special Economic Zones in the Russian Federation: Federal Law of 22.07.2005 No. 116-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2005. – No. 31. – Art. 3433.

[4] On the procedure for implementing foreign investments in business entities of strategic importance for ensuring national defense and state security: Federal Law of 29.04.2008 No. 57-FZ (as amended on 08.03.2026) // Rossiyskaya Gazeta. – 2008. – May 10.

[5] On the territories of advanced socio-economic development in the Russian Federation: Federal Law of 29.12.2014 No. 473-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2015. – No. 1 (Part I). – Art. 26.

[6] On industrial policy in the Russian Federation: Federal Law of 31.12.2014 No. 488-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2015. – No. 1 (Part I). – Art. 41.

[7] On measures of influence (counteraction) against unfriendly actions of the United States of America and other foreign states: Federal Law of 04.06.2018 No. 127-FZ // Rossiyskaya Gazeta. – 2018. – June 08.

[8] On the protection and encouragement of capital investments in the Russian Federation: Federal Law of 01.04.2020 No. 69-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 14. – Art. 1999.

[9] On Amendments to the Federal Law «On the Procedure for Implementing Foreign Investments in Business Entities of Strategic Importance for Ensuring National Defense and State Security»: Federal Law of 08.03.2026 No. 51-FZ // Rossiyskaya Gazeta. – 2026.

[10] On additional temporary economic measures to ensure the financial stability of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 01.03.2022 No. 81 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 10. – Item 1463.

[11] On the temporary procedure for fulfilling obligations to certain foreign creditors: Decree of the President of the Russian Federation of 05.03.2022 No. 95 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 11. – Item 1675.

[12] On additional temporary economic measures to ensure the financial stability of the Russian Federation in the sphere of currency regulation: Decree of the President of the Russian Federation of 18.03.2022 No. 126 (as amended on 08.12.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 12. – Item 1845.

[13] On the temporary procedure for fulfilling financial obligations in the sphere of corporate relations to certain foreign creditors: Decree of the President of the Russian Federation of 04.05.2022 No. 254 (as amended on 01.07.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2022. - No. 19. - Art. 3188.

[14] On the application of special economic measures in the financial and fuel and energy spheres in connection with the unfriendly actions of certain foreign states and international organizations: Decree of the President of the Russian Federation of 05.08.2022 No. 520 (as amended on 08.12.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2022. - No. 32. - Art. 5842.

[15] On the special procedure for the implementation (execution) of certain types of transactions (operations) between certain persons: Decree of the President of the Russian Federation of 09/08/2022 No. 618 (as amended on 10/15/2022) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2022. - No. 37. - Article 6421.

[16] On certain issues of the implementation (execution) of certain types of transactions (operations): Decree of the President of the Russian Federation of 10/15/2022 No. 737 // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2022. - No. 42. - Article 7140.

[17] On additional guarantees of the rights of foreign investors: Decree of the President of the Russian Federation of 07/01/2025 No. 436 // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://

pravo.gov.ru (date accessed: 03.05.2026).

[18] On approval of the list of foreign states committing unfriendly acts: Order of the Government of the Russian Federation of 05.03.2022 No. 430-r // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2022. – No. 11. – Art. 1877.

[19] The Ministry of Economic Development of Russia published a report on the work of the SEZ for 2022 // Official website of the Ministry of Economic Development of Russia. – 2023. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rossii_opublikovalo_otchyot_o_rabote_oez_za_2022_god.html (date accessed: 03.05.2026).

[20] Report on the functioning of special economic zones in 2024 // Ministry of Economic Development of the Russian Federation. – 2025. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/3da79b55fcc7839a9bf212c77f51b6ac/otchet_oez_2024.pdf (date of access: 03.05.2026).

[21] Russia has achieved the unblocking of foreign assets of private investors worth 5 trillion rubles from 2022 // Kommersant. – 2026. – March 24. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8533972 (date of access: 03.05.2026).

[22] Agreement on the protection and encouragement of capital investments: investment portal of Russia // Invest.Economy.gov.ru. – URL: https://invest.economy.gov.ru/soglashenie-o-zashchite-i-pooshchrenii-kapitalovlozhenij/request (date of access: 03.05.2026).

[23] Draft Federal Law «On Amendments...» (ID: 156652) // Official Portal of Draft Regulatory Legal Acts. – URL: http://regulation.gov.ru/p/156652 (date of access: 03.05.2026).

[24] World Investment Report 2025 – factual summary (in Russian) // UNCTAD. – URL: https://unctad.org/system/files/non-official-document/wir_fs_ru_en.pdf (date of access: 03.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 15.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-3-25-28

КРАСИНСКАЯ Елена Сергеевна,
старший преподаватель
Восточно-Сибирского института МВД России,
e-mail: Krasinskaya76@mail.ru

ТАМОЖЕННЫЕ ПОШЛИНЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ: МЕЖДУ ПРОТЕКЦИОНИЗМОМ И РЫНОЧНЫМИ РИСКАМИ

Аннотация. *В статье рассматриваются содержание процедуры установления импортных таможенных пошлин, отдельные аспекты их определения, а также влияние их размера на конкурентоспособность отечественных производителей и развитие экономики государства в целом.*

Ключевые слова: *таможенные платежи, ввозная таможенная пошлина, внешнеторговая деятельность, экономическое развитие, импортный таможенный тариф.*

KRASINSKAYA Elena Sergeevna,
Senior Lecturer,
East Siberian Institute of the
Ministry of Internal Affairs of Russia

CUSTOMS DUTIES AS A TOOL FOR INCREASING COMPETITIVENESS: BETWEEN PROTECTIONISM AND MARKET RISKS

Annotation. *The article discusses the content of the procedure for establishing import customs duties, certain aspects of their determination, as well as the impact of their size on the competitiveness of domestic producers and the development of the state economy as a whole.*

Key words: *customs payments, import customs duty, foreign trade activity, economic development, import customs tariff.*

Введение

На протяжении последних десятилетий товары зарубежного производства пользуются в нашей стране повышенным спросом. Процесс начисления и уплаты таможенных пошлин является неотъемлемым звеном импортных торговых операций, одновременно выполняя две ключевые функции: фискальную (формирование доходной базы федерального бюджета) и регулирующую (воздействие на структуру и объёмы импортных потоков). В условиях геоэкономической турбулентности и усиления санкционного давления на российскую экономику особую значимость приобретает механизм таможенно-тарифного регулирования как инструмент защиты внутреннего рынка и стимулирования импортозамещения. Регулирование ставки импортной (ввозной) таможенной пошлины является важным аспектом регулирования внешнеторговой деятельности государства, так как увеличение ее размера может приводить к снижению объёма импортной продукции, что, в свою очередь, окажет положительное влияние на развитие отечественного производства, спад которого отмечается в последнее время. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью корректировки тарифной политики, восстановления отечественного производственного потенциала и повышения уровня национальной безопасности в сфере экономики в условиях геоэкономической турбулентности и усиления санкционного давления на российскую экономику. Целью настоящей работы является анализ действующего механизма начисления и уплаты импортных таможенных пошлин, а также оценка его регулирующего воздействия на объёмы импорта и конкурентоспособность российской продукции, с выработкой рекомендаций по совершенствованию тарифной политики.

Внешнеторговая деятельность субъектов представляет собой передвижение товаров через границу и обязывает стороны-участники внешнеторговой деятельности к уплате установленных таможенным законодательством платежей. Различают ввозные (при импорте), вывозные (для экспортируемых товаров), а также транзитные платежи (при перемещении товаров через территорию нескольких государств). В данной статье мы более подробно рассмотрим порядок установления и уплаты ввозных таможенных пошлин [1], а также возникающие при этом проблемные вопросы.

Под ввозной таможенной пошлиной понимают вид платы, взимаемой за товары, ввозимые на территорию государства, процедура взимания и тарифы которой регулируется Таможенным кодексом Евразийского экономического союза и таможенным законодательством государства. Данный вид пошлины является обязательным и

вносится на таможенном пункте стороной-импортером при ввозе продукции в страну и является базовой разновидностью сборов, которые взимаются с продукции коммерческого назначения, перемещаемой через границу. Целью взимания ввозной таможенной пошлины является не только формирование государственного бюджета, но и регулирование объема ввозимых иностранных товаров, а также защита отечественных производителей от иностранной конкуренции. Необходимо отметить, что ввозная (импортная) таможенная пошлина взимается только с продукции, предназначенной для торговой деятельности и не применяется к товарам, ввозимым для личного пользования (но при этом могут вводиться ограничения по их объему и количеству).

Таким образом, рассматриваемый вид таможенных платежей выполняет две основные функции:

—фискальную, являясь одной из статей доходной части государственного бюджета, и

—протекционистскую (защитную), рассматриваемую как одно из средств защиты отечественных производителей товаров от нежелательной конкуренции.

Протекционизм необходимо рассматривать, как один из элементов реализации государственной политики защиты внутреннего рынка от конкуренции иностранных производителей путем установления для них ряда ограничений, что способствует развитию отечественного производства и повышения его конкурентоспособности внутри рынка. Так как импортная таможенная пошлина увеличивает издержки импортера, вынуждая его, тем самым, повышать цену товара, спрос на иностранные товары на внутреннем рынке должен заметно снижаться, при этом спрос на товары отечественного производителя (более дешевые) повышается.

Дискуссионным в научной и правоприменительной среде является вопрос влияния ввозных таможенных пошлин на развитие отечественной промышленности. С одной стороны, сдерживание импорта должно способствовать развитию национального производства. Но, с другой стороны, снижение конкуренции отечественного товара с иностранным лишает это производство долгосрочных стимулов к повышению его качества и совершенствованию. Отрасль, которой гарантирован сбыт на внутреннем рынке по приемлемым для нее ценам, подлежит риску технического «застоя» и может привести к утрате способности к конкурентной борьбе на внешних рынках. Результатом этого процесса может явиться торможение процесса повышения общего технического уровня национальной экономики, так как потребители вынуждены приобретать товар, не соответствующий международному уровню. [4]

Решение этой проблемы частично возможно при внедрении механизма «гибких» импортных тарифов, который позволит избирательно защищать отдельные сектора экономики и одновременно открывать путь другим для международной конкуренции.

Повышенные (протекционистские) пошлины обычно применяются к следующим отраслям:

- проходящим этап реконструкции и нуждающимся в щадящем режиме до выхода на точку роста;

- производствам, выпускающим продукцию стратегического назначения;

- секторам с низкой конкурентоспособностью, где спад неизбежно приведет к массовым сокращениям рабочих мест.

Минимальные (часто нулевые) ставки целесообразны для товаров, которые не производятся в стране или выпускаются в малых объемах, но при этом активно используются ведущими отраслями промышленности.

Для эффективного воздействия тарифной политики на рост конкурентоспособности отечественных товаров целесообразно выделить три категории товаров и применяемые к ним правила:

1. Товары отечественного производства, соответствующие высоким стандартам качества, производимые в количестве, достаточном для полного удовлетворения спроса. То есть на аналогичные импортные товары должны быть установлены максимальные ставки таможенных пошлин, в целях поддержания отечественного производителя. В целях поддержки отечественного производителя на аналогичные товары импортного производства должны устанавливаться максимальные пошлины.

2. Отечественные товары, производимые в достаточном количестве, но уступающие импортным аналогам (автомобили, бытовая техника, стройматериалы и пр.). Здесь необходимы сбалансированные пошлины продукцию иностранного производства на рынок для создания здоровой конкуренции, сохраняя за потребителем право выбора. При этом развитие собственного производства в данной категории важно и с позиций национальной безопасности.

3. Товары, не производимые в стране (лекарства, уникальные технологии, экзотические фрукты). Для их активного ввоза следует устранять тарифные барьеры, устанавливая минимальные или нулевые ставки.

Такой дифференцированный подход к применению пошлин в зависимости от категории товара позволяет совместить защиту локального рынка, стимулирование конкуренции и обеспечение потребителей необходимыми импортными позициями.

В настоящее время национальная конкурентоспособность является предметом особого внимания со стороны правительства и бизнеса в каждом государстве, в том числе в Российской Федерации. Конкурентоспособность отрасли или товаров представляет собой возможность производства товаров и услуг, соответствующих требованиям и

стандартам мировых и внутреннего рынков, а также привлекательность для потребителей.

В отечественной промышленности выделяют ряд отраслей (секторов), относящихся к конкурентоспособным, имеющих национальные преимущества, в том числе:

Экспортно-сырьевой сектор (нефтегазовая, угольная, металлургическая и целлюлозно-бумажная промышленность). Его конкурентные преимущества базируются обеспеченности запасами природных ресурсов и масштабности отрасли, достигаемой за счёт высокой концентрации производства.

Отрасль потребительских товаров подразделяется на две подгруппы: продовольственную (мясомолочная, кондитерская, масложировая, плодоовощная переработка и др.) и непродовольственную (производство строительных и отделочных материалов, бытовой химии, косметических средств и аналогичной продукции). Конкурентоспособность этих сегментов определяется динамикой внутреннего платёжеспособного спроса и эффективностью политики импортозамещения.

Машиностроительный комплекс – преимущественно тяжёлое машиностроение, ориентированное на выпуск оборудования для железнодорожной и сельскохозяйственной сфер.

Отдельные сегменты оборонно-промышленного комплекса (военная авиация, системы ПВО, судостроение) опираются на возможности передовых отечественных технологий, достижений современной науки и техники, что повышает их технологический суверенитет и устойчивый экспортный потенциал.

Так как таможенные пошлины являются одним из основных средств защиты отечественной экономики и поддержания конкурентоспособности национальных производителей, одной из мер тарифного регулирования импортных товаропотоков являются тарифные преференции, представляющие собой определенные преимущества, предусмотренные в области уплаты таможенной пошлины в зависимости от страны происхождения товаров. В соответствии со ст. 36 Закона Российской Федерации от 21 мая 1993 года №5003- 1 «О таможенном тарифе» под тарифной преференцией понимается освобождение от уплаты ввозных таможенных пошлин в отношении товаров, происходящих из стран, образующих вместе с Российской Федерацией зону свободной торговли либо подписавших соглашения, имеющие целью создание такой зоны, или снижение ставок ввозных таможенных пошлин в отношении товаров, происходящих из развивающихся или наименее развитых стран, пользующихся единой системой тарифных преференций. Товары, подпадающие под преференции, условно делятся на четыре группы: сверхчувствительные к импорту (скидка с базовых пошлин равна 15%), чувствительные (30), менее чувствительные (65), нечувствительные (100%).

В целях устранения рисков снижения конкурентоспособности отдельных отраслей промышленности стран ЕАЭС государства-члены осуществляют предварительное взаимное консультирование и информирование перед принятием мер промышленной политики в отношении чувствительных товаров для взаимного учета позиций.

Под чувствительными товарами понимаются товары с высоким уровнем конкуренции между производителями из различных государств–членов, имеющие социально-экономическое значение для устойчивого развития агропромышленного комплекса и сельской местности государств.

Перечень чувствительных товаров, в отношении которых решение об изменении ставки ввозной таможенной пошлины на текущий момент установлен Решением Высшего Евразийского экономического совета от 08.05.2015 № 16 (в редакции от 07.04.2026) «О перечне чувствительных товаров, в отношении которых решение об изменении ставки ввозной таможенной пошлины принимается Советом Евразийской экономической комиссии».

С учетом изменений, вступивших в силу с апреля 2026 года в перечень чувствительных отраслей России, среди прочих, входят:

- *пищевая промышленность* (рыбопроизводство, мясоперерабатывающая, молочная продукция, плодово-овощная продукция, злаковые культуры и продукты их переработки, сахар, кондитерские изделия, жиры, масла и т.д.);

- *автомобилестроение* (легковые автомобили, автобусы, части и принадлежности транспортных средств);

- *легкая промышленность* (текстиль, одежда и пр.);

- *нефтегазовая промышленность* (нефтехимическое производство, ГСМ).

Регулирование тарифно-таможенных платежей с учетом определения групп чувствительных товаров способствует стимулированию взаимной торговли, а также повышению эффективности деятельности отдельных отраслей производства.

Рассматривая некоторые статистические данные в сфере импорта в Россию отдельных сырьевых товаров, опубликованные на официальном сайте ФТС России, можно сделать вывод о том, что в 2025 – 2026 годах основными торговыми партнерами России стали Китай (в основном РФ продаёт КНР нефть, природный газ и уголь, а закупает автомобили, технику, промышленное и специализированное оборудование, детские игрушки, алкоголь), Индия (нефтепродукты), а также Турция. Государства СНГ, прежде всего Белоруссия и Казахстан, остаются ключевыми партнёрами России в сфере промышленности и торговли.

Анализ статистических данных об импорте отдельных сырьевых товаров в Россию, опубликованных на официальном сайте ФТС России, свидетельствует о положительной динамике внешнеторговых оборотов в 2025–2026 годах. Это

обусловлено, в частности, ростом деловой активности в ряде отраслей отечественной промышленности, несмотря на сохраняющиеся зарубежные санкционные ограничения. Уде за первые четыре месяца 2026 года экспорт товаров составил почти 140 млрд долларов, импорт — чуть больше 100 млрд долларов, что на 8% выше показателей аналогичного периода прошлого года. Факторами, способствующими росту внешнеторгового оборота являются расширение зон свободной торговли, увеличение доли расчётов в национальных валютах и активная работа межправительственных комиссий с участием бизнеса. При этом эксперты отмечают, что дальнейший рост товарооборота во многом будет зависеть от геополитической ситуации.

Заключение

Анализируя политику установления ставок тарифов таможенных платежей, необходимо отметить, что грамотное ее проведение, прежде всего, позволит обеспечить защиту национальных производителей готовой продукции от нежелательной конкуренции, при этом не препятствуя ввозу сырья и полуфабрикатов. В этих целях используется тарифная эскалация, которая представляет собой повышение уровня таможенного обложения товаров по мере роста степени их обработки и заключается в том, что чем выше процентный рост ставки тарифа по мере продвижения от сырья к готовой продукции, тем выше степень защиты производителей готовой продукции от внешней конкуренции. И, напротив, введение низких ставок таможенных пошлин на товары, способствующие развитию производства, с высокой вероятностью позволит расширить отечественное производство, увеличить его конкурентоспособность путем активного внедрения нового современного оборудования в различные сферы деятельности. Такая тарифная политика является одним из мощнейших средств воздействия государства на развитие экономики поскольку импортные таможенные пошлины, являясь одним из основных регуляторов внешнеэкономической деятельности, в значительной степени обеспечивают пополнение федерального бюджета, а применение системы «гибких» ставок тарифно-таможенных платежей позволит удовлетворить спрос на отдельные импортные товары, не производимые в России, либо производимые в России, но не соответствующие высоким стандартам качества, а также защитить отечественных производителей от иностранной конкуренции. Таким образом, механизм таможенно-тарифного регулирования приобретает особую значимость как инструмент защиты внутреннего рынка и стимулирования импортозамещения.

Список литературы:

[1] Балашова Р. И. Таможенные аспекты экономического потенциала ЕАЭС / Р. И. Балашова. – Донецк : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», 2025. – 140 с.

[2] Кириллов Ю.Г. О не преференциальных правилах происхождения товаров при их ввозе на таможенную территорию ЕАЭС // Journal of Economy and Business, 2020. - №. 2-1 (60). - С. 133-135.

[3] Федотова Г.Ю. Происхождение товаров как регулятор внешней торговли// Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли. Сборник трудов научно-практической и учебной конференции. - 2019. - С. 456-460.

[4] Киселева А. С. Анализ динамики и структуры таможенных платежей / А. С. Киселева, Т. Л. Краснова // Проблемы формирования единого экономического пространства и социального развития в странах СНГ : Материалы Международной научно-практической конференции, Тюмень, 21–22 апреля 2011 года / Научные редакторы: О. М. Барбаков, А. Н. Силин, С. Г. Симонов, С. Е. Сарсембекова, З. А. Арынова, М. Бар. – Тюмень: Тюменский государственный нефтегазовый университет, 2011. – С. 370-376.

References:

[1] Balashova R. I. Customs aspects of the economic potential of the EAEU / R. I. Balashova. - Donetsk: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky», 2025. - 140 p.

[2] Kirillov Yu. G. On non-preferential rules of origin of goods when importing them into the customs territory of the EAEU // Journal of Economy and Business, 2020. - No. 2-1 (60). - P. 133-135.

[3] Fedotova G. Yu. Origin of goods as a regulator of foreign trade // Fundamental and applied research in the field of management, economics and trade. Collection of papers of the scientific, practical and educational conference. - 2019. - P. 456-460.

[4] Kiseleva A. S. Analysis of the dynamics and structure of customs payments / A. S. Kiseleva, T. L. Krasnova // Problems of forming a single economic space and social development in the CIS countries: Proceedings of the International scientific and practical conference, Tyumen, April 21–22, 2011 / Scientific editors: O. M. Barbakov, A. N. Silin, S. G. Simonov, S. E. Sarsembekova, Z. A. Arynova, M. Bar. – Tyumen: Tyumen State Oil and Gas University, 2011. – P. 370–376.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 15.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-3-29-32

ТЕРНОВЧУК Алексей Николаевич,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Смоленский филиал Международного юридического института,
Смоленск, Россия,
e-mail: ternovchuk@gmail.com

ДРОГАЛИНА Екатерина Алексеевна,
студентка,
Смоленский филиал Международного юридического института,
Смоленск, Россия,
e-mail: ekaterinadrogalina@gmail.com

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВАЛЮТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В АСПЕКТЕ КОНТРОЛЯ НАЛОГОВЫМИ ОРГАНАМИ ОПЕРАЦИЙ ПО СЧЕТАМ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ, ОТКРЫТЫМ В ИНОСТРАННЫХ БАНКАХ

Аннотация. *В статье рассматривается вопрос совершенствования валютного законодательства в отношении отчетности по операциям на счетах физических лиц-резидентов за рубежом. Особое внимание уделяется правовым основаниям, требованиям к отчетности. Проводится анализ положений валютного законодательства, порядка подачи отчетности, оснований для освобождения от нее, а также практики взаимодействия с органами валютного контроля. Результатами исследования являются обоснование избыточности текущих требований по отчетности, низкой эффективности выбранных форм последующего контроля по сравнению с формами текущего, а также нецелесообразности применения единого порогового значения для счетов резидентов в дружественных юрисдикциях с автоматическим обменом.*

Ключевые слова: *валютное законодательство, налоговый контроль, операции с иностранными счетами, отчетность по движению средств.*

TERNOVCHUK Aleksei Nikolaevich,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure,
Smolensk Branch of the International Law Institute,
Smolensk, Russia

DROGALINA Ekaterina Alekseevna,
student,
Smolensk Branch of the International Law Institute,
Smolensk, Russia

IMPROVEMENT OF CURRENCY LEGISLATION IN THE ASPECT OF CONTROL BY TAX AUTHORITIES OF TRANSACTIONS ON ACCOUNTS OF INDIVIDUALS OPENED IN FOREIGN BANKS

Annotation. *The article discusses the issue of improving the currency legislation regarding reporting on transactions on the accounts of resident individuals abroad. Special attention is paid to the legal grounds and reporting requirements. The article analyzes the provisions of the currency legislation, the procedure for submitting reports, the grounds for exemption from reporting, and the practice of interaction with currency control authorities. The results of the study include the justification of the redundancy of current reporting requirements, the low efficiency of the selected forms of subsequent control compared to the current forms, and the inadvisability of applying a single threshold value for resident accounts in friendly jurisdictions with automatic exchange.*

Key words: *currency legislation, tax control, transactions with foreign accounts, reporting on the movement of funds.*

Повышение общего уровня жизни и развитие экономики в России за последние десятилетия характеризовались частыми выездами граждан за рубеж, ростом популярности способов оплаты пластиковыми картами или бесконтактным способом при помощи различных систем международной финансовой и платежной инфраструктуры - Apple Pay или Google Pay. В связи со сложившейся геополитической обстановкой, с 2022 года наблюдается значительный рост количества зарубежных счетов у российских резидентов. Рост произошел в связи с тем, что западные страны ограничили участие, а позднее и вовсе исключили Россию из большей части платежной инфраструктуры. Это способствовало поиску решений возникших проблем как для юридических лиц - участников внешнеторгового оборота, так и физических лиц, поскольку при таких обстоятельствах невозможна реализация полноценного туризма, возникают препятствия с оплатой расходов, связанных с содержанием имущества россиян за рубежом, переводов родственникам, находящимся на лечении или получающих образование за рубежом, а также ряд других трудных ситуаций.

Одним из решений для физических лиц стало открытие счетов в зарубежных банках, чаще всего в дружественных юрисдикциях, таких как Армения, Грузия, Узбекистан, Таджикистан и Казахстан. По данным ФНС в 2022 году было зарегистрировано около 700 000 счетов, а на конец 2024 года уже более 2 млн. [5]

По законодательству РФ каких-либо препятствий для открытия зарубежных счетов нет, если гражданин не подпадает под ограничения Федерального закона № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», но его операции подлежат контролю согласно Федеральному закону «О валютном регулировании и валютном контроле» от 10.12.2003 N 173-ФЗ.

Федеральный закон о валютном регулировании направлен на достижение следующих целей, что сказано в преамбуле:

- обеспечение реализации единой государственной валютной политики;
- устойчивость валюты Российской Федерации;
- стабильность внутреннего валютного рынка Российской Федерации;
- прогрессивное развитие национальной экономики;
- международное экономическое сотрудничество. [1]

Физические лица-резиденты РФ обязаны уведомлять ФНС об открытии/закрытии счетов в иностранных банках в течение 1 месяца (ч. 2 ст. 12 Федерального закона № 173-ФЗ), а также обязаны представлять налоговым органам по месту своего учета отчеты о движении денежных средств и иных финансовых активов по счетам (вкладам) в банках и иных организациях финансового рынка, расположенных за пределами территории Российской Федерации (ч.7 ст. 12).

Отчетность по движению средств по зарубежным счетам – один из основных способов контроля за поступлениями и тратами денежных средств, а также выводом денежных средств за пределы Российской Федерации. Помимо того, такая отчетность является важным элементом превенции незаконного обогащения недобросовестных граждан, пресечением финансирования преступных элементов, незаконной деятельности или отмывания денег.

Сама отчетность представляет собой специально разработанный бланк, форма которого утверждена Постановлением Правительства РФ от 12.12.2015 № 1365 «О порядке представления физическими лицами - резидентами налоговым органам отчетов о движении средств по счетам (вкладам) в банках за пределами территории Российской Федерации» [2]. Отчет необходимо подать до 1 июня.

В Федеральном законе № 173-ФЗ указано, что физическое лицо - резидент не представляет налоговым органам отчет о движении денежных средств и иных финансовых активов по своему счету (вкладу), открытому в банке или иной организации финансового рынка, расположенных за пределами территории Российской Федерации в следующих случаях:

1) Лицо не является налоговым резидентом РФ, то есть, отсутствует на территории страны более 183 суток в год и платит законно установленные налоги в стране, в которой имеет резиденство. Данное условие разумно, поскольку, можно сказать о том, что иностранные счета нерезидента РФ не имеют никакого отношения к финансам внутри страны, и, как следствие, контролироваться не должны.

2) Счет открыт заграницей, но в филиале Российского банка – банк сам взаимодействует с необходимыми органами, так что отчитываться по действиям на этих счетах неэффективно.

3) Счет открыт в банке государства, с которым РФ имеет автоматический обмен финансовой информацией. Список данных государств утвержден Приказом ФНС России от 30.10.2024 № ЕД-7-17/916@ и на сегодняшний день включает в себя 63 страны и 12 территорий. [3] При этом, это условие действительно в том случае, когда общая сумма денег, зачисленных на счет или списанных со счета за год, не более 600 тысяч рублей (или той же суммы в валютном выражении) или остаток денег на счете на конец года не превышает 600 тысяч рублей, если в течение года зачисления денег на счет не было.

Если не соблюдено хотя бы одно из условий, лицо обязано подавать отчетность, при чем по каждому из счетов в отдельном порядке. [4]

Сам отчет подается раз в год, в связи с тем, что как правило, физические лица не так часто совершают крупные сделки за рубежом, вызыва-

ют меньше опасений, имеют меньше документации по операциям и самих счетов, из-за чего не возникает трудности проверить годовой отчет физического лица, в отличие, от той отчетности, что сдается организациями и ИП, поскольку во втором случае документации явно больше, в связи с чем и отчетность они сдают раз в квартал.

Это не единственное, что различается в порядке предоставления отчетности физическими лицами и организациями. Так, юридические лица, индивидуальные предприниматели, организации обязаны подавать отчетность в любом случае, без каких-либо исключений, в случае если дело касается только счетов и вкладов, что может быть связано с относительно постоянным характером резиденства организаций, и, большего простора для уклонения от налогов и отмывания денежных средств, чем у физических лиц.

Там же отмечается, что пересчет иностранной валюты в валюту Российской Федерации производится по курсу Центрального банка Российской Федерации по состоянию на 31 декабря отчетного года. отражаться в отчетности в случае, если на конец года сумма перечислений не превысила 600 тысяч рублей (или той же суммы в валютном выражении).

Можно предположить, что ограничения валютных операций между резидентами РФ направлены на реализацию целей 173 – ФЗ, таких как, например устойчивость валюты Российской Федерации и стабильность внутреннего валютного рынка Российской Федерации, чтобы не создавался спекулятивный спрос на валюту внутри страны, предотвращая параллельное хождение иностранной валюты, как, к примеру, в некоторых странах со своей валютой сделки с недвижимостью осуществляют за наличные евро и доллары.

Однако, сказать то же об обязанности отчитываться об операциях по банковским счетам в иностранных банках нельзя, поскольку контроль операций проводится не в форме мониторинга, при котором возможно оперативно реагировать на отток или приток валюты, а в форме последующего контроля, за прошлый период, когда операции уже проведены. Казалось бы, государству должно быть важно сколько средств уходит и приходит в страну, однако отчётность по движению средств включает сведения, которые, выходят за рамки необходимой информации, показывая сколько человек тратит и зарабатывает за рубежом, в иностранных валютах. Вопросы также вызывают обстоятельства, связанные с отчетностью лиц, имеющих счета в странах, с которыми есть Международный обмен CRS, при превышении порога в 600 тысяч рублей. Ничем не объяснен выбор такого порогового значения, хотя та же сумма фигурирует в антиотмывочном законодательстве. По требованиям, в отчете должен быть отражен весь оборот за отчетный период по приходу и расходу, включая операции между своими счетами внутри одного банка. Например, если перевести условные 100 тысяч рублей из одной валюты в другую и обратно более 6 раз, то возникает обязанность подавать отчет.

При удовлетворении условий освобождения от подачи отчета, налоговые органы требуют подтверждения этого права путем запроса выписок по счету, а в случае отсутствия выписки на русском языке, и перевода к ней. Это приводит к необоснованным расходам физических лиц, имеющих право не отчитываться, согласно 173-ФЗ.

Существуют некоторые особенности при расчете предельных сумм. Например, при обмене валюты по курсу, существующему в начале года, учитывая, что отчет сдается в следующем году, сумму оборота придется пересчитать по курсу валюты на конец года. То есть, если сначала валюта стоила 80 рублей, то покупка 7000 единиц валюты обойдется в 560 тысяч рублей, а после, в конце года, курс вырос, и валюта стоит 100 рублей, то сумма будет составлять 700 тысяч рублей. Иными словами, необходимость подавать отчетность появляется, хотя на момент совершения операций не происходило превышения лимитов.

В связи с этим, считаем необходимым предложить внести некоторые изменения в Федеральный закон №173, а в некоторых случаях и в Федеральный закон №115. Во-первых, необходимо увеличить порог в 600 тысяч рублей для счетов, открытых в банках «дружественных» стран, или убрать его, как не имеющий смысла при системе автоматизированного обмена. Во-вторых, исключить из подсчета сумм оборота по операциям переводы между счетами внутри одного банка. В-третьих, для целей более осознанного планирования операций на иностранных счетах пересчет сумм производить по курсу не на конец отчетного года, а на его начало.

Современные требования к отчетности кажутся избыточными и не отвечают нуждам законодательства о валютном регулировании, поскольку их наличие в нормах не подходит для реализации целей Федерального закона №173-ФЗ.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (ред. 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 15 декабря 2003 г. № 50 ст. 4859.

[2] Постановление Правительства РФ от 12 декабря 2015 г. № 1365 «О порядке представления физическими лицами - резидентами налоговым органам отчетов о движении денежных средств и иных финансовых активов по счетам (вкладам) в банках и иных организациях финансового рынка, расположенных за пределами территории Российской Федерации, и о переводах денежных средств без открытия банковского счета с использованием электронных средств платежа, предоставленных иностранными поставщиками платежных услуг» (ред. от 14.11.2023) // Собрание

законодательства Российской Федерации от 28 декабря 2015 г. № 52 (часть I) ст. 7601.

[3] Приказ от 14.10.2025 N ЕД-7-17/883@ «Об утверждении Перечня государств (территорий), с которыми осуществляется автоматический обмен финансовой информацией» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 17.04.2026).

[4] Порядок представления отчета по зарубежным счетам (вкладам) // Официальный сайт Федеральной налоговой службы. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/fl/interest/otfl_dvsredstv/ (дата обращения: 17.04.2026).

[5] Замглавы ФНС заявила о росте числа россиян со счетами за рубежом. // РБК. URL: https://www.rbc.ru/economics/30/03/2026/69c801d09a794756ed8c3a6c?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 17.04.2026).

References:

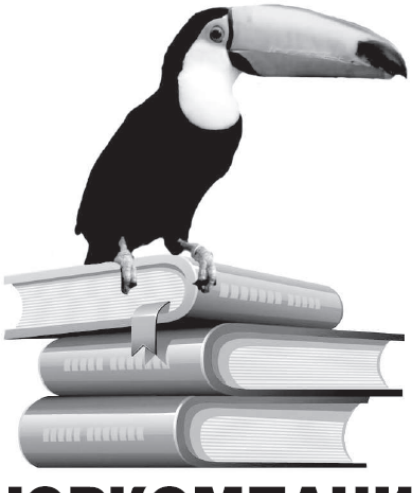
[1] Federal Law of December 10, 2003 No. 173-FZ «On Currency Regulation and Currency Control» (as amended on December 28, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation of December 15, 2003 No. 50, Art. 4859.

[2] Resolution of the Government of the Russian Federation of December 12, 2015 No. 1365 «On the procedure for submitting reports by resident individuals to tax authorities on the movement of funds and other financial assets on accounts (deposits) in banks and other financial market organizations located outside the territory of the Russian Federation, and on the transfer of funds without opening a bank account using electronic means of payment provided by foreign payment service providers» (as amended on November 14, 2023) // Collected Legislation of the Russian Federation of December 28, 2015 No. 52 (Part I), Article 7601.

[3] Order of October 14, 2025 No. ED-7-17/883@ «On approval of the List of states (territories) with which automatic exchange of financial information is carried out» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: https://www.pravo.gov.ru (accessed on 17 April 2026).

[4] Procedure for submitting a report on foreign accounts (deposits) // Official website of the Federal Tax Service. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/fl/interest/otfl_dvsredstv/ (accessed on 17 April 2026).

[5] Deputy head of the Federal Tax Service announced an increase in the number of Russians with accounts abroad. // RBC. URL: https://www.rbc.ru/economics/30/03/2026/69c801d09a794756ed8c3a6c?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (accessed on 17 April 2026).

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 15.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-3-33-35

КАЧИНА Кристина Константиновна,
студент 2 курса магистратуры
Дальневосточного Федерального Университета,
e-mail: kachina.kk@dvfu.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ НА РЫНКЕ ЦЕННЫХ БУМАГ

Аннотация. *В статье рассматривается правовое регулирование профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг в Российской Федерации. Отмечается, что эффективное функционирование данного рынка зависит от высокого уровня правового регулирования. Анализируется комплекс правовых актов, в том числе федеральные законы, направленные на регулирование деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг. Особое внимание уделено ФЗ «О рынке ценных бумаг». В статье выявляются проблемы и перспективы развития правового регулирования в этой сфере, предложены варианты их решения. Подчёркивается важность совершенствования законодательства для повышения эффективности рынка ценных бумаг.*

Ключевые слова: *рынок ценных бумаг, правовое регулирование рынка ценных бумаг, профессиональная деятельность на рынке ценных бумаг, виды профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, профессиональные участники рынка ценных бумаг.*

KACHINA Kristina Konstantinovna,
2nd year Master's student
Far Eastern Federal University

LEGAL BASIS FOR PROFESSIONAL ACTIVITIES OF SUBJECTS IN THE SECURITIES MARKET

Annotation. *The article examines the legal regulation of professional activities in the securities market in the Russian Federation. It is noted that the effective functioning of this market depends on a high level of legal regulation. The article analyzes a set of legal acts, including federal laws aimed at regulating the activities of professional participants in the securities market. Special attention is paid to the Federal Law «On the Securities Market.» The article identifies problems and prospects for the development of legal regulation in this area, and proposes solutions. The importance of improving legislation to enhance the efficiency of the securities market is emphasized.*

Key words: *securities market, legal regulation of the securities market, professional activities in the securities market, types of professional activities in the securities market, professional participants in the securities market, Bank of Russia, combination of activities.*

Одним из важнейших условий эффективного функционирования рынка ценных бумаг является соответствующий уровень правового регулирования профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг.

Правовое регулирование рынка ценных бумаг в Российской Федерации осуществляется комплексом правовых актов различной юридической силы. Так, например, Конституцией Российской Федерации закрепляются основы экономического строя и принципы защиты прав собственности, что следует, например, из ст. 34 и 35. [1, ст.34, 35]. Также Гражданский Кодекс Российской Федерации (ГК РФ) регулирует отношения, связанные с ценными бумагами. Прежде всего, исходя из ст. 128 ГК РФ, ценные бумаги отнесены к объектам гражданских прав (документарные ценные бумаги – вещь, а бездокументарные – имущественные права). Также ценным бумагам посвящена отдельная глава – № 7, которая содержит: понятие, виды, требования к ценным бумагам, правила передачи прав из ценных бумаг и так далее. [2, ст.128].

Одним из важнейших федеральных законов в сфере регулирования рынка ценных бумаг является Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 № 39-ФЗ. Данный федеральный закон содержит основную составляющую функционирования рынка ценных бумаг: а именно положения, регулирующие обращение ценных бумаг (п.16 ст.2), профессиональных участников рынка ценных бумаг (п.18 ст.2), виды профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг (глава 2), регулирование рынка ценных бумаг (раздел 5) и т.д. [3, ст.2].

Из анализа раздела 5 следует, что регулирование рынка ценных бумаг осуществляется путем государственного регулирования в лице уполно-

моченных органов, а также саморегулируемыми организациями в сфере финансового рынка.

Под государственным регулированием, как правило, понимают регулирование со стороны органов государственной власти, осуществляемое законодательными и исполнительными органами государственной власти.

Так, например, Банк России наделен широким спектром прав и обязанностей: утверждает стандарты эмиссии ценных бумаг; осуществляет надзор за соответствием объема выпуска эмиссионных ценных бумаг; устанавливает обязательные для профессиональных участников рынка ценных бумаг нормативы достаточности собственных средств; издает в форме указаний, положений и инструкций нормативные акты по вопросам, отнесенным к его компетенции. [4].

Регулирование рынка ценных бумаг является комплексным и достаточно обширным. Однако это не означает, что в этой сфере отсутствуют пробелы.

Так ни в одном правовом акте не закреплено легальное определение рынка ценных бумаг. Кроме того, в доктрине также отсутствует единое мнение на этот счет. Ввиду чего может возникать правовая неопределенность, которая может привести к коллизии, например, при определении области правового регулирования.

Проанализировав различные определения и выявив достоинства и недостатки, можно предложить следующее:

Рынок ценных бумаг – совокупность правоотношений, обеспечиваемых регулирующим воздействием государства и основанных на принципах саморегулирования, которые возникают между участниками рынка при эмиссии, обращении и прекращении обращения ценных бумаг на территории Российской Федерации, в том числе за ее пределами в случаях, предусмотренных законодательством и международными договорами Российской Федерации.

Также анализ законодательства Российской Федерации указывает на отсутствие легального определения профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг. Однако необходимо отметить, что законодатель, не приводя формулировку профессиональной деятельности, определяет ее виды. Так ФЗ «О рынке ценных бумаг» содержит вторую главу, именуемую как «виды профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг».

Исходя из указанной главы, к такой деятельности относятся: брокерская деятельность (ст.3); дилерская деятельность (ст.4); деятельность форекс-дилера (ст.4.1); деятельность по управлению ценными бумагами (ст.5); деятельность по инвестиционному консультированию (ст.6.1); депозитарная деятельность (ст.7); деятельность по ведению реестра владельцев ценных бумаг (ст.8).

Существенное значение имеет понимание того, какая именно деятельность относится к профессиональной, поскольку законодатель пошел по пути перечисления. Соответственно, не указанная деятельность – не относится к профессиональной, а значит к ней не будут применяться требования, установленные законодателем, например, по лицензированию.

Однако не менее важным является разграничение одного вида профессиональной деятельности от другого, что связано с тем, что для каждого вида профессиональной деятельности могут быть установлены отдельные требования. Также указанное имеет значение для совмещения деятельности. Прежде всего, необходимо отметить, ФЗ «О рынке ценных бумаг» содержит запрет на совмещение деятельности по ведению реестра не с другими видами профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг (исключение депозитарная деятельность). Это является особенностью только нашей российской практики, так называемое выделение независимых регистраторов, на западе же такого разделения не существует. [5, с.11]. Например, запрещено совмещать деятельность клиентского брокера с депозитарной деятельностью. [6]. Логично предположить, что Положение нацелено на минимизацию рисков, которые связаны с совмещением, с целью предотвращения конфликта интересов.

Из указанного следует, что на сегодняшний день нет регламентированного понятия профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг. Что в свою очередь затрудняет в полной мере изучить специфику профессиональной, а также может привести к возникновению на практике различных конфликтных ситуаций.

Ввиду указанного, можно предложить следующее определение. Профессиональная деятельность на рынке ценных бумаг – деятельность, которая отвечает требованиям нормативных актов и связана с оказанием услуг на рынке ценных бумаг в установленных федеральным законом видах, осуществляемая на свой риск и направленная на систематическое получение прибыли.

Исходя из анализа законодательства следует, что законодатель классифицирует профессиональных участников на виды, исходя из осуществляемых ими видов профессиональной деятельности. Отсутствие легального определения самих профессиональных участников на рынке ценных бумаг – не является пробелом. Сформулированное законодателем определение с отсылкой на статьи с указанием конкретного вида профессиональной деятельности видится четким и лаконичным, к тому же является очень удобным с позиции законодательной техники, например, в ситуациях, если будут добавлены новые виды профессиональной деятельности, и как следствие – необходимость внесения изменений в легальное определение профессиональных участников рынка ценных бумаг.

Так к профессиональным участникам рынка ценных бумаг относится: брокер; дилер; фо-

рекс-дилер; управляющий; инвестиционный советник; депозитарий; держатель реестра. Содержание правового статуса таких участников составляют права, обязанности (требования), также меры ответственности, установленные действующим законодательством. В целом указанное направлено на обеспечение защиты прав инвесторов, поддержание стабильности и эффективности рынка ценных бумаг, а также на предотвращение злоупотреблений и нарушений законодательства.

В силу вышеизложенного, на сегодняшний день профессиональная деятельность на рынке ценных бумаг характеризуется комплексным урегулированием, однако существуют пробелы, что вызвано спецификой правовых отношений, их динамичностью.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.). // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 09.05.2026).

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): фед. закон от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024). // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (дата обращения: 09.05.2026).

[3] О рынке ценных бумаг: фед.закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 09.04.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.04.2026). // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10148/ (дата обращения: 09.05.2026).

[4] О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): фед.закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 09.04.2026). // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (дата обращения: 09.05.2026).

[5] Мамедов Т.В. Исследование особенностей профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг / Т.В. Мамедов, М.В. Стахнева, О.Ю. Щербина. – 2022. – С.11.

[6] О лицензионных требованиях и условиях осуществления профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, ограничениях на совмещение отдельных видов профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, а также о порядке и сроках представления в Банк России отчетов о прекращении обязательств, связанных с осуществлением профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, в случае аннулирования лицензии профессионального участника рынка ценных бумаг: положение Банка России от 27.07.2015 № 481-П. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_185227/ (дата обращения: 09.05.2026).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of access: 05/09/2026).

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part Three): federal law of November 26, 2001 No. 146-FZ (as amended on August 8, 2024). // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (date of access: 05/09/2026). [3] On the securities market: Federal Law of April 22, 1996 No. 39-FZ (as amended on April 9, 2026) (as amended and supplemented, entered into force on April 20, 2026). // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10148/ (accessed: May 9, 2026).

[4] On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia): Federal Law of July 10, 2002 No. 86-FZ (as amended on April 9, 2026). // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (date accessed: 09.05.2026).

[5] Mamedov T.V. Study of the specific features of professional activity in the securities market / T.V. Mamedov, M.V. Stakhneva, O.Yu. Shcherbina. – 2022. – P.11.

[6] On licensing requirements and conditions for carrying out professional activity in the securities market, restrictions on combining certain types of professional activity in the securities market, as well as on the procedure and deadlines for submitting to the Bank of Russia reports on the termination of obligations related to the implementation of professional activity in the securities market, in the event of revocation of the license of a professional participant in the securities market: Bank of Russia Regulation dated 27.07.2015 No. 481-P. // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_185227/ (accessed: 09.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 15.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-3-36-41

ПУТРЕНКО Андрей Николаевич,
доцент кафедры «Гражданское право и процесс»,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
Севастополь, Россия,
e-mail: anputrenko@mail.sevsu.ru

БАШТОВОЙ Сергей Вячеславович,
ассистент кафедры «Гражданское право и процесс»,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
Севастополь, Россия,
e-mail: svbashtovoy@mail.sevsu.ru

ШРАМ Владимир Александрович,
студент 2-курса магистратуры Юридического института
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»,
Севастополь, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ТОКЕНОВ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К КВАЛИФИКАЦИИ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ

Аннотация. *В статье рассматривается правовая природа токенов как цифровых активов, которые не всегда могут быть объяснены через традиционные категории гражданского и финансового права. Один и тот же цифровой инструмент способен выполнять разные функции: использоваться в расчётах, выступать инвестиционным активом, предоставлять доступ к цифровому сервису, закреплять участие в управлении децентрализованным протоколом либо представлять право на иной объект. Такая многозначность делает недостаточным формальный подход, при котором токен заранее относится к одной правовой категории. В статье обосновывается значение функциональной квалификации, основанной на фактическом назначении актива, ожиданиях его держателя, наличии обязанного лица, степени децентрализации проекта и стадии жизненного цикла токена. Отдельное внимание уделяется российскому законодательству о цифровых правах, цифровых финансовых активах и цифровой валюте, а также зарубежным подходам Европейского союза, английского права, УНИДРУА и финансовых регуляторов. Делается вывод о том, что функциональная модель может быть использована в российском праве как более гибкий способ разграничения цифровых активов и определения последствий их оборота.*

Ключевые слова: *токен, цифровой актив, криптоактив, цифровые права, цифровые финансовые активы, блокчейн, смарт-контракт, стейблкоин, функциональная квалификация, частное право.*

PUTRENKO Andrey Nikolaevich,
Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure,
Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia

BASHTOVOI Sergey Vyacheslavovich,
Assistant Professor, Department of Civil Law and Procedure,
Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia

SHRAM Vladimir Alexandrovich,
Second-year Master's student at the Law Institute
Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia

THE LEGAL NATURE OF TOKENS: A FUNCTIONAL APPROACH TO DIGITAL ASSET QUALIFICATION

Annotation. *The article examines the legal nature of tokens as digital assets, which cannot always be explained through traditional categories of civil and financial law. The same digital instrument can perform different functions: be used in calculations, act as an investment asset, provide access to a digital service,*

consolidate participation in the management of a decentralized protocol, or represent the right to another object. This ambiguity makes the formal approach insufficient, in which the token belongs to one legal category in advance. The article substantiates the importance of functional qualifications based on the actual purpose of the asset, the expectations of its holder, the presence of an obligated person, the degree of decentralization of the project and the stage of the life cycle of the token. Special attention is paid to Russian legislation on digital rights, digital financial assets and digital currency, as well as foreign approaches of the European Union, English law, Unidroit and financial regulators. It is concluded that the functional model can be used in Russian law as a more flexible way of distinguishing digital assets and determining the consequences of their turnover.

Key words: *token, digital asset, cryptoactive, digital rights, digital financial assets, blockchain, smart contract, stablecoin, functional qualification, private law.*

Появление токенов заметно изменило представление о том, каким может быть объект имущественного оборота. Классическое гражданское право привыкло работать с вещами, деньгами, ценными бумагами, обязательственными правами и результатами интеллектуальной деятельности. Цифровая экономика предложила более сложную конструкцию: актив существует в информационной системе, передаётся через распределённый реестр, контролируется криптографическим ключом и при этом может обладать реальной имущественной ценностью [13, p. 1–6].

Технического описания здесь недостаточно. Запись в блокчейне сама по себе ещё не раскрывает, какие права возникают у держателя, кто обязан перед ним и каким образом такой актив должен защищаться. В одном случае токен подтверждает доступ к сервису, в другом — используется как средство обмена, в третьем — продаётся как инвестиционный продукт, в четвёртом — служит цифровым отражением права на иной объект [13, p. 7–15]. Поэтому юридически важен не только способ существования токена, но и его роль в конкретном правоотношении.

Развитие криптоактивов принято связывать с публикацией работы С. Накамото о Биткоине в 2008 г. [12]. Первые криптовалюты воспринимались преимущественно как альтернатива традиционным платёжным системам. Уже через несколько лет рынок стал намного разнообразнее: появились утилитарные, инвестиционные, управленческие, невзаимозаменяемые токены, стейблкоины и смешанные цифровые инструменты. В отдельные периоды совокупная капитализация криптоактивов превышала 3 трлн долларов США, что показывает масштаб не только технологического, но и правового вызова [17, p. 1].

Чем шире становился рынок, тем заметнее проявлялась проблема квалификации. Один и тот же цифровой актив в разных правопорядках может оцениваться как имущество, ценная бумага, договорное право, средство платежа или самостоятельный цифровой объект [13, p. 16–25]. Такая неопределённость влияет на налогообложение, наследование, обращение взыскания, защиту инвесторов, банкротство криптоплатформ, применение законодательства о ценных бумагах и выбор применимого права при трансграничных операциях [13, p. 59–69].

Российское законодательство уже содержит несколько конструкций, связанных с цифровым оборотом. Статья 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации закрепляет категорию цифровых прав [1]. Федеральный закон о цифровых финансовых активах регулирует цифровые финансовые активы и цифровую валюту [2]. Закон об инвестиционных платформах предусматривает утилитарные цифровые права, которые могут удостоверять право требования передачи вещи, выполнения работ, оказания услуг или передачи исключительных прав [3]. Эти нормы важны, но они не охватывают всё разнообразие токенов, существующих в международной практике.

Российская доктрина также исходит из того, что криптоактивы нельзя механически включать в традиционные группы объектов гражданских прав. С. Л. Будылин обращает внимание на особую роль криптоактивов в гражданском обороте и на их отличие от классических имущественных объектов [6, с. 74–115]. Л. Ю. Василевская рассматривает токен как новый объект гражданских прав, значение которого раскрывается через связь цифровой записи с закреплённым за ней правом [7, с. 111–119]. М. А. Рожкова подчёркивает необходимость разграничивать цифровое право, цифровые права и цифровую валюту, поскольку смешение этих понятий создаёт риск неверной правовой оценки [8, с. 10–68].

Токен целесообразно понимать не как самостоятельную универсальную категорию, а как технологическую форму, в которой могут быть закреплены разные экономико-правовые функции. Биткоин, например, не имеет эмитента в обычном смысле и не выражает требования к конкретному должнику, но обладает рыночной стоимостью и свободно передаётся между участниками сети [10, с. 136–153; 12]. Утилитарный токен может давать доступ к цифровому сервису, но при активном обращении на вторичном рынке приобретать инвестиционные черты. Невзаимозаменяемый токен может выглядеть как цифровой коллекционный объект, хотя сам по себе далеко не всегда передаёт авторские права на связанный с ним файл [15, p. 1295–1305].

Распределённый реестр, лежащий в основе большинства токенов, поддерживается сетью участников, а не единым оператором. Такая архитектура затрудняет произвольное изменение

записей и позволяет передавать актив без привычного посредника [12; 14, p. 1–30]. Для права это создаёт новую проблему контроля. Владение закрытым ключом обычно даёт техническую возможность распорядиться токеном, но само по себе не всегда доказывает наличие законного права на актив [20].

Существенную роль играют и смарт-контракты. Они автоматически исполняют заранее заданные условия: переводят токены, распределяют доходы, учитывают голоса участников, блокируют или уничтожают цифровые активы. Однако программный код не заменяет право полностью. Ошибка в алгоритме, недобросовестное поведение стороны или спор о действительности операции всё равно требуют юридической оценки [14, p. 1–30]. А. И. Савельев справедливо отмечал, что смарт-контракт не уничтожает договорное право, а меняет способ исполнения обязательств и заставляет иначе смотреть на связь между волей, кодом и ответственностью [9, с. 32–60].

Наиболее распространённая классификация токенов строится по их назначению. Швейцарский орган надзора за финансовыми рынками первоначально выделял платёжные токены, утилитарные токены и токены, представляющие активы [22]. Позднее эта типология расширилась: в обороте появились инвестиционные токены, стейблкоины, невзаимозаменяемые и управленческие токены. Такое деление важно не как набор названий, а как способ увидеть различие правовых функций [13, p. 9–15; 16; 22].

Платёжные токены используются как средство обмена. Наиболее известным примером остаётся биткоин: он создаётся протоколом, передаётся между пользователями без банка и не предоставляет держателю требования к эмитенту [12]. При этом большинство криптовалют в строгом юридическом смысле не являются деньгами, поскольку не имеют статуса законного платёжного средства, официальной единицы счёта и публичного обеспечения [21]. Для российского права здесь принципиально важно различать цифровую валюту, законные платёжные средства и инструменты национальной платёжной системы [2; 5].

Инвестиционные токены по экономическому содержанию сближаются с ценными бумагами или иными финансовыми инструментами. Они могут предоставлять право на доход, участие в проекте, возврат вложений, долю в прибыли или иной имущественный интерес. Именно такие активы чаще всего привлекают внимание регуляторов, поскольку через них возможно привлечение средств от неопределённого круга лиц без соблюдения классических процедур эмиссии и раскрытия информации [16; 19]. В российском праве их оценка требует сопоставления режима цифровых финансовых активов с общими подходами законодательства о рынке ценных бумаг [2; 4].

Утилитарные токены обычно связываются с доступом к продукту или услуге. Но их название не всегда отражает реальное содержание. Если актив продаётся до запуска платформы, продвигается через ожидание будущего роста цены и свободно обращается на вторичном рынке, его «утилитарный» характер становится спорным [13, p. 10–11]. Российские утилитарные цифровые права частично напоминают эту конструкцию, однако они действуют в специальном режиме инвестиционных платформ и не совпадают полностью с зарубежным пониманием токенов доступа [3; 8, с. 10–68].

Стейблкоины создаются для поддержания стабильной стоимости относительно фиатной валюты, корзины активов или иного ориентира. Они могут быть обеспечены резервами либо построены на алгоритмической модели. Опыт TerraUSD в 2022 г. показал, что заявленная стабильность не исключает резкого обесценивания и системных рисков [13, p. 50–53]. Поэтому Регламент ЕС о рынках криптоактивов предусматривает специальные требования к токенам, привязанным к активам, и токенам электронных денег, включая правила о резервах, раскрытии информации и правах держателей [19].

Невзаимозаменяемые токены индивидуализированы и не могут быть заменены другим токеном того же вида. Они получили известность в сфере цифрового искусства и коллекционных объектов, но их правовая проблема шире. Покупатель может считать, что приобрёл цифровое произведение, хотя фактически получает только токен, связанный с файлом или ссылкой. Исключительные права при этом часто остаются у автора или правообладателя [15, p. 1295–1305].

Управленческие токены дают возможность голосовать по вопросам развития протокола или децентрализованной автономной организации. На первый взгляд они напоминают корпоративные права, но такая аналогия ограничена. Децентрализованная автономная организация часто не имеет статуса юридического лица и не подчиняется классической модели корпоративного управления [13, p. 52–55]. Поэтому остаётся открытым вопрос, кто отвечает за решения, принятые через такой механизм: разработчики, держатели токенов, участники голосования или пользователи протокола.

Один из очевидных путей квалификации токенов — отнесение их к ценным бумагам или финансовым инструментам. В США для инвестиционных токенов используется логика теста Хауи: приобретатель вкладывает средства, рассчитывает на прибыль и зависит от действий команды проекта [13, p. 16–19]. Для первичных размещений токенов это часто оправдано. Но актив, который используется только для доступа к сервису или как средство обмена, не должен автоматически попадать под весь массив требований, рассчитанных на инвестиционный рынок [16].

Европейский союз предложил более дифференцированный подход. Регламент ЕС о рынках

криптоактивов регулирует выпуск, публичное предложение и обращение криптоактивов, а также деятельность поставщиков услуг в этой сфере [19]. Он различает утилитарные токены, токены, привязанные к активам, и токены электронных денег. При этом Регламент в основном решает публично-правовые задачи и не создаёт полной частноправовой модели собственности, передачи и приоритета прав на токены [13, p. 37–40].

Другой путь — признание токенов объектами собственности. Он важен для наследования, залога, банкротства, обращения взыскания и защиты нарушенного права. Английская Комиссия по праву предложила рассматривать цифровые активы как новую категорию личного имущества — цифровые объекты [20]. Сходные вопросы возникают и в российской цивилистике: если токен имеет имущественную ценность, право должно понимать, как он передаётся, защищается, включается в конкурсную массу и наследуется [11; 18].

Договорная квалификация применима прежде всего к токенам доступа, когда существует эмитент или оператор, обязанный предоставить услугу. В децентрализованных протоколах эта модель работает слабее, поскольку обязанное лицо может отсутствовать или быть размыто между разработчиками, валидаторами и участниками управления [13, p. 23–25]. По этой причине ни вещная, ни договорная, ни денежная, ни инвестиционная квалификация не могут претендовать на универсальность.

Более убедительным представляется функциональный подход. Его смысл состоит в том, что токен оценивается не по названию и не только по технологической оболочке, а по той роли, которую он выполняет в конкретном правоотношении [13, p. 26–36]. На стадии выпуска один и тот же актив может служить средством привлечения финансирования, после запуска платформы — инструментом доступа к сервису, на вторичном рынке — объектом спекулятивных операций, а в децентрализованной организации — механизмом управления [13, p. 30–35].

В рамках такой модели можно выделить платёжную, инвестиционную, доступовую, управленческую и репрезентативную функции токена [13, p. 12–14]. Каждая из них требует разных правовых последствий. Инвестиционная функция предполагает раскрытие информации и защиту приобретателей; платёжная — внимание к расчётам и финансовому мониторингу; доступовая — применение договорных и потребительских механизмов; управленческая — обсуждение ответственности участников децентрализованных структур; репрезентативная — анализ связи токена с базовым активом [13, p. 30–32].

Особое значение имеет жизненный цикл токена. На ранней стадии важны ожидания приобретателей, реклама проекта и роль эмитента. На стадии обращения — ликвидность, вторичный рынок и степень децентрализации. В зрелой фазе необходимо учитывать, зависит ли стоимость актива от действий конкретной команды или формируется автономно. При банкротстве платформы решающим становится вопрос о правах держателей [13, p. 70–77].

В основном источнике предлагается динамическая модель классификации, включающая предварительную оценку характеристик токена, определение его преобладающей функции, установление правовых последствий, последующий мониторинг и возможную переклассификацию [13, p. 70–78]. Эта модель ценна тем, что не требует навсегда закреплять за токеном одну правовую природу. Если актив сначала выполнял инвестиционную функцию, а затем стал использоваться преимущественно для доступа к сервису или участия в управлении, правовой режим должен иметь возможность отразить такое изменение [13, p. 76–77].

Для оценки функции необходимо учитывать цель приобретения, разумные ожидания держателя, способ продвижения токена, наличие обязанного лица, степень децентрализации и фактическое использование актива [13, p. 33–36]. Формальное обозначение токена как утилитарного не должно иметь решающего значения, если в реальности он продавался как инвестиционный продукт. Такой подход снижает риск регуляторного арбитража, когда проект пытается уйти от более строгого режима за счёт удачного названия [13, p. 26–36].

Сложности особенно заметны в сфере децентрализованных финансов. Такие протоколы позволяют осуществлять кредитование, обмен, предоставление ликвидности и получение доходности без традиционного посредника. Операции выполняются смарт-контрактами, а управление часто строится через управленческие токены [23, p. 663–700]. Главный вопрос здесь связан с ответственностью: если значительную часть функций выполняет код, не всегда ясно, кто должен отвечать за нарушение — разработчики, держатели управленческих токенов, поставщики ликвидности или участники голосования [13, p. 56–58].

Токенизация реальных активов также требует осторожности. Если токен представляет право на недвижимость, произведение искусства, акцию или товар, нужно отдельно оценивать цифровой актив и базовое имущество. Передача токена не всегда означает автоматический переход права на базовый актив. Например, переход права на недвижимость требует соблюдения регистрационных процедур, и запись в блокчейне не заменяет государственную регистрацию [13, p. 65–67]. Похожая проблема возникает при невзаимозаменяемых токенах: владение токеном не всегда означает владение авторскими правами на связанный объект [15, p. 1295–1305].

Не менее важны вопросы банкротства криптоплатформ. Крах FTX, Celsius и Voyager показал, что пользователи не всегда понимают, являются

ли они собственниками переданных токенов или обычными кредиторами платформы. Если клиентские активы смешиваются с имуществом оператора, а договор позволяет платформе распоряжаться ими, держатели могут оказаться в положении необеспеченных кредиторов [13, p. 63–65]. Для российского рынка это особенно значимо: доверие к цифровой инфраструктуре невозможно без ясных правил хранения, обособления и защиты цифровых активов.

Для российского права функциональная модель могла бы стать основой более точного разграничения цифровых активов. Представляется целесообразным отдельно оценивать токены, выражающие инвестиционные права, токены доступа, стейблкоины, невзаимозаменяемые токены, управленческие токены и токенизированные реальные активы. При этом правовой режим должен учитывать не только публично-правовые требования к выпуску и обращению, но и частноправовые последствия: принадлежность, передачу, наследование, банкротство и защиту добросовестного приобретателя [6, с. 74–115; 11].

Правовая природа токенов уже не является сугубо теоретической проблемой. От её определения зависит защита инвесторов, устойчивость цифровых рынков, возможность токенизации имущества, развитие децентрализованных финансов и включение новых технологий в правовую систему. Поэтому наиболее убедительным выглядит не поиск единой статичной категории, а построение динамической функциональной модели. Она позволяет учитывать реальное многообразие цифровых активов и сохранять баланс между технологическими инновациями и правовой определённостью [13, p. 70–81].

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая : Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

[2] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 31, ч. I. — Ст. 5018.

[3] О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2019. — № 31. — Ст. 4418.

[4] О рынке ценных бумаг : Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 17. — Ст. 1918.

[5] О национальной платежной системе : Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 27. — Ст. 3872.

[6] Будылин С. Л. Криптоактивы: роль в гражданском обороте и правовая природа / С. Л. Будылин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2023. — № 5. — С. 74–115.

[7] Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права / Л. Ю. Василевская // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 5 (102). — С. 111–119.

[8] Рожкова М. А. Категории «цифровое право», «цифровые права» и «цифровая валюта» в российском праве / М. А. Рожкова // Право цифровой экономики — 2021 : ежегодник-антология / отв. ред. М. А. Рожкова. — Москва : Статут, 2021. — С. 10–68.

[9] Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права? / А. И. Савельев // Вестник гражданского права. — 2016. — № 3. — С. 32–60.

[10] Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав / А. И. Савельев // Закон. — 2017. — № 8. — С. 136–153.

[11] Санникова Л. В. Цифровые активы: правовой анализ : монография / Л. В. Санникова, Ю. С. Харитонова. — Москва : 4 Принт, 2020. — 303, [1] с.

[12] Antonopoulos, A. M. Mastering Bitcoin: Unlocking Digital Cryptocurrencies / A. M. Antonopoulos. — 2nd ed. — Sebastopol : O'Reilly Media, 2017.

[13] Arias-Barrera, L. C. The Legal Nature of Tokens: A Functional Typology for an Emergent Asset Class / L. C. Arias-Barrera. — 2025. — 92 p.

[14] De Filippi, P. Blockchain and the Law: The Rule of Code / P. De Filippi, A. Wright. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 2018.

[15] Fairfield, J. A. T. Tokenized: The Law of Non-Fungible Tokens and Unique Digital Property / J. A. T. Fairfield // Indiana Law Journal. — 2022. — Vol. 97. — P. 1261–1313.

[16] Financial Conduct Authority. Guidance on Cryptoassets // Policy Statement PS19/22. — London : FCA, 2019. — URL: https://www.fca.org.uk/publication/policy/ps19-22.pdf (дата обращения: 18.04.2026).

[17] Garrido, J. M. Digital Tokens: A Legal Perspective / J. M. Garrido // IMF Working Paper. — 2023. — WP/23/151. — URL: https://www.imf.org/en/publications/wp/issues/2023/07/28/digital-tokens-a-legal-perspective-537041 (дата обращения: 06.05.2026).

[18] Moringiello, J. M. The Property Law of Tokens / J. M. Moringiello, C. K. Odinet // Florida Law Review. — 2022. — Vol. 74. — P. 607–670.

[19] Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets // EUR-Lex : official website. — URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114/

oj/eng (дата обращения: 29.03.2026).

[20] UK Law Commission. Digital Assets: Final Report. — Law Com No. 412. — London : Law Commission, 2023. — URL: https://lawcom.gov.uk/project/digital-assets/ (дата обращения: 12.04.2026).

[21] UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law. — Rome : International Institute for the Unification of Private Law, 2023. — URL: https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2024/01/Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law-linked-1.pdf (дата обращения: 05.04.2026).

[22] Swiss Financial Market Supervisory Authority. Guidelines for Enquiries Regarding the Regulatory Framework for Initial Coin Offerings. — Bern : FINMA, 2018. — URL: https://www.finma.ch/en/~/media/finma/dokumente/dokumentencenter/myfinma/1bewilligung/fintech/wegleitung-ico.pdf?la=en (дата обращения: 24.04.2026).

[23] Zetzsche, D. A. DeFi: Data, Governance, Conflicts & Compound Risks / D. A. Zetzsche, D. W. Arner, R. P. Buckley // European Business Organization Law Review. — 2022. — Vol. 23. — P. 663–700.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation. Part One: Federal Law of November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1994. — No. 32. — Art. 3301.

[2] On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2020. — No. 31, Part I. — Art. 5018.

[3] On Attracting Investments Using Investment Platforms and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of August 2, 2019 No. 259-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2019. — No. 31. — Art. 4418.

[4] On the securities market: Federal Law of April 22, 1996 No. 39-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1996. — No. 17. — Art. 1918.

[5] On the national payment system: Federal Law of June 27, 2011 No. 161-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2011. — No. 27. — Art. 3872.

[6] Budylin S. L. Cryptoassets: Role in Civil Circulation and Legal Nature / S. L. Budylin // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. — 2023. — No. 5. — P. 74–115.

[7] Vasilevskaya L. Yu. Token as a New Object of Civil Rights: Problems of Legal Qualification of Digital Law / L. Yu. Vasilevskaya // Current Problems of Russian Law. - 2019. - No. 5 (102). - P. 111-119.

[8] Rozhkova M. A. Categories of «Digital Law», «Digital Rights» and «Digital Currency» in Russian Law / M. A. Rozhkova // Law of the Digital Economy - 2021: Yearbook-Anthology / ed. M. A. Rozhkova. - Moscow: Statut, 2021. - P. 10-68.

[9] Savelyev A. I. Contract Law 2.0: «Smart» Contracts as the Beginning of the End of Classical Contract Law? / A. I. Savelyev // Bulletin of Civil Law. — 2016. — No. 3. — P. 32–60.

[10] Saveliev, A. I. Cryptocurrencies in the System of Civil Rights Objects / A. I. Saveliev // Law. — 2017. — No. 8. — P. 136–153.

[11] Sannikova, L. V. Digital Assets: Legal Analysis: Monograph / L. V. Sannikova, Yu. S. Kharitonova. — Moscow: 4 Print, 2020. — 303, [1] p.

[12] Antonopoulos, A. M. Mastering Bitcoin: Unlocking Digital Cryptocurrencies / A. M. Antonopoulos. — 2nd ed. — Sebastopol: O'Reilly Media, 2017.

[13] Arias-Barrera, L. C. The Legal Nature of Tokens: A Functional Typology for an Emergent Asset Class / L. C. Arias-Barrera. — 2025. — 92 p.

[14] De Filippi, P. Blockchain and the Law: The Rule of Code / P. De Filippi, A. Wright. - Cambridge, MA: Harvard University Press, 2018.

[15] Fairfield, J. A. T. Tokenized: The Law of Non-Fungible Tokens and Unique Digital Property / J. A. T. Fairfield // Indiana Law Journal. — 2022. — Vol. 97. - P. 1261–1313.

[16] Financial Conduct Authority. Guidance on Cryptoassets // Policy Statement PS19/22. - London: FCA, 2019. - URL: https://www.fca.org.uk/publication/policy/ps19-22.pdf (access date: 04/18/2026).

[17] Garrido, J. M. Digital Tokens: A Legal Perspective / J. M. Garrido // IMF Working Paper. — 2023. — WP/23/151. — URL: https://www.imf.org/en/publications/wp/issues/2023/07/28/digital-tokens-a-legal-perspective-537041 (access date: 05/06/2026).

[18] Moringiello, J. M. The Property Law of Tokens / J. M. Moringiello, C. K. Odinet // Florida Law Review. — 2022. — Vol. 74. - P. 607–670.

[19] Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets // EUR-Lex: official website. — URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114/oj/eng (access date: 03/29/2026).

[20] UK Law Commission. Digital Assets: Final Report. —Law Com no. 412. - London: Law Commission, 2023. - URL: https://lawcom.gov.uk/project/digital-assets/ (access date: 04/12/2026).

[21] UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law. - Rome: International Institute for the Unification of Private Law, 2023. - URL: https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2024/01/Principles-on-Digital-Assets-and-Private-Law-linked-1.pdf (access date: 04/05/2026).

[22] Swiss Financial Market Supervisory Authority. Guidelines for Inquiries Regarding the Regulatory Framework for Initial Coin Offerings. - Bern : FINMA, 2018. - URL: https://www.finma.ch/en/~/media/finma/dokumente/dokumentencenter/myfinma/1bewilligung/fintech/wegleitung-ico.pdf?la=en (access date: 04/24/2026).

[23] Zetzsche, D. A. DeFi: Data, Governance, Conflicts & Compound Risks / D. A. Zetzsche, D. W. Arner, R. P. Buckley // European Business Organization Law Review. — 2022. — Vol. 23. - P. 663–700.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 15.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-3-42-44

ГРЕКОВ Никита Андреевич,
магистрант,
Сибирский институт управления – Филиал РАНХиГС,
630102, Новосибирская область,
г. Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6,
e-mail: mail@law-books.ru

СУЩНОСТЬ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматривается сущность и факторы формирования инвестиционной привлекательности организации. Автор анализирует различные подходы к определению инвестиционной привлекательности, представленные в трудах ведущих исследователей (Л.А. Филиппова, И.А. Бланка, А.Д. Шеремета, В.В. Ковалёва, Т.В. Тепловой, В.А. Чернова, Е.Н. Щербаковой, Н.Ю. Яшиной). Особое внимание уделяется специфике инвестиционной привлекательности экспортных организаций, формирующейся под воздействием внешних, внутренних и специфических факторов. В работе обосновывается необходимость применения динамических моделей оценки, учитывающих сценарные варианты развития внешнеэкономической ситуации, а также взаимовлияние различных групп факторов, создающих синергетический эффект. Автор приходит к выводу о многогранности сущности инвестиционной привлекательности, включающей финансовые, рыночные, управленческие, инновационные и социальные аспекты, и подчёркивает важность интегрального подхода, сочетающего количественные и качественные методы оценки.*

Ключевые слова: *инвестиционная привлекательность, факторы инвестиционной привлекательности, экспортная организация, внешнеэкономическая деятельность, финансовый анализ, инвестиционный анализ, оценка бизнеса, интегральный подход.*

GREKOV Nikita Andreevich,
Master's Student,
Siberian Institute of Management –
Branch of RANEPA

THE ESSENCE AND FACTORS SHAPING THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF AN ORGANIZATION

Annotation. *The article examines the essence and factors of formation of an organization's investment attractiveness. The author analyzes various approaches to defining investment attractiveness presented in the works of leading researchers (L.A. Filippov, I.A. Blank, A.D. Sheremet, V.V. Kovalev, T.V. Teplova, V.A. Chernov, E.N. Shcherbakova, N.Yu. Yashina). Special attention is paid to the specifics of investment attractiveness of export organizations, which is formed under the influence of external, internal and specific factors. The paper substantiates the need for applying dynamic assessment models that take into account scenario options for the development of the foreign economic situation, as well as the interaction of various groups of factors that create a synergistic effect. The author concludes that the essence of investment attractiveness is multifaceted, including financial, market, managerial, innovative and social aspects, and emphasizes the importance of an integral approach combining quantitative and qualitative assessment methods.*

Key words: *investment attractiveness, factors of investment attractiveness, export organization, foreign economic activity, financial analysis, investment analysis, business valuation, integral approach.*

Понимание инвестиционной привлекательности как важной составляющей инвестиционного анализа может различаться в зависимости от авторов и научных подходов. Рассмотрим основные концепции и точки зрения различных исследователей по этому вопросу.

Л.А. Филиппов, один из ведущих исследователей в данной области, определяет инвестиционную привлекательность как «совокупность объективных экономических, финансовых и качественных характеристик предприятия, которые определяют возможность и целесообразность вложения капитала с учётом доходности, рисков и перспектив развития». Он подчеркивает, что инвестиционная привлекательность охватывает как количественные показатели (прибыль, рентабельность, ликвидность), так и качественные факторы (уровень менеджмента, репутацию, инновационный потенциал) [32, с. 112].

И.А. Бланк акцентирует внимание на роли

инвестиционной привлекательности как «интегральной характеристики предприятия с позиций его инвестиционного развития». По его мнению, «оценка инвестиционной привлекательности позволяет не только определить текущую способность предприятия генерировать доход, но и спрогнозировать его устойчивость в долгосрочной перспективе». Бланк также подчеркивает важность учёта отраслевой специфики при формировании системы оценочных показателей [9, с. 87].

Т.В. Теплова рассматривает инвестиционную привлекательность как неотъемлемую часть стратегического финансового менеджмента. Она утверждает, что «инвестиционная привлекательность предприятия напрямую связана с его рыночной стоимостью и определяется способностью создавать стоимость для акционеров. Теплова подчеркивает необходимость учитывать факторы внешней среды – уровень инфляции, ставки налогообложения, состояние отраслевых рынков – при формировании итоговой оценки» [30, с. 68].

Анализ различных подходов к изучению инвестиционной привлекательности показывает, что данная категория рассматривается учеными в нескольких ключевых аспектах: как интегральная характеристика финансово-хозяйственной деятельности, как инструмент привлечения капитала, как сфера применения современных аналитических методов, а также как фактор стратегического развития предприятия. В совокупности эти концепции позволяют сформировать целостное представление об инвестиционной привлекательности как сложном и многомерном явлении, занимающем ключевое положение в системе инвестиционного менеджмента.

Инвестиционная привлекательность экспортной организации как многофакторная категория формируется под воздействием совокупности разнородных условий и обстоятельств. Внешние факторы, не зависящие от деятельности организации, включают макроэкономические (уровень инфляции, ставка рефинансирования, курс национальной валюты, налоговая нагрузка), политические и правовые (стабильность политической системы, межгосударственные соглашения, санкционные режимы), а также рыночные и отраслевые (ёмкость зарубежных рынков, уровень конкуренции, барьеры входа, требования к сертификации). Для экспортной организации волатильность национальной валюты выступает одновременно возможностью и риском.

Внутренние факторы находятся в зоне прямого контроля менеджмента: финансово-экономические (ликвидность, финансовая устойчивость, рентабельность, оборачиваемость), производственно-технологические (состояние основных фондов, наличие международных сертификатов качества), организационно-управленческие (квалификация персонала в сфере ВЭД, экспортная стратегия, система риск-менеджмента), ресурсные и рыночные (доступность сырья, логистическая инфраструктура, диверсификация экспортных рынков, долгосрочные контракты).

Особое место занимают специфические факторы, обусловленные экспортной деятельностью: валютные и курсовые риски, логистические и таможенные издержки, регуляторные и сертификационные требования, репутация на внешних рынках. Инвесторы положительно оценивают наличие политики управления валютными рисками, оптимизацию логистических издержек, соответствие международным стандартам (ISO, GMP+), устойчивые отношения с иностранными покупателями и страхование экспортных контрактов.

Специфика формирования инвестиционной привлекательности экспортной организации проявляется в том, что большинство перечисленных факторов находятся в зоне повышенной неопределённости. Изменение курса рубля, введение новых таможенных пошлин, ужесточение требований иностранных регуляторов могут существенно изменить инвестиционный профиль организации в краткосрочном периоде. В связи с этим при оценке инвестиционной привлекательности экспортной организации необходимо применять динамические модели, учитывающие сценарные варианты развития внешнеэкономической ситуации. Взаимовлияние различных групп факторов создаёт синергетический эффект, который может как усиливать, так и ослаблять инвестиционную привлекательность. Например, благоприятная ценовая конъюнктура на мировом рынке в сочетании с высоким качеством продукции и наличием долгосрочных контрактов многократно повышает вероятность привлечения инвестиций.

Таким образом, сущность инвестиционной привлекательности многогранна и включает в себя финансовые, рыночные, управленческие, инновационные и социальные аспекты. Разные авторы подчёркивают важность интегрального подхода, взаимодействия количественных и качественных методов оценки, а также роли современных технологий в создании эффективной системы анализа. Эти подходы позволяют целостно оценить значение инвестиционной привлекательности в системе корпоративных финансов и её влияние на экономическое развитие предприятия.

Значение инвестиционной привлекательности проявляется в повышении конкурентоспособности предприятия на рынке капитала, снижении стоимости привлекаемых ресурсов (кредитов, инвестиций), укреплении доверительных отношений с партнёрами, кредиторами и акционерами. Современные тенденции развития оценки инвестиционной привлекательности включают внедрение технологий больших данных и искусственного интеллекта, применение динамических моделей и сценарного анализа, учёт факторов устойчивого развития и ESG-критериев. Результатом такого

комплексного подхода становятся оптимизация инвестиционного процесса, повышение эффективности использования капитала, укрепление финансовой стабильности предприятия, создание благоприятных условий для долгосрочного роста.

Все вышеперечисленные аспекты в совокупности формируют надёжную основу для устойчивого социально-экономического развития субъекта хозяйствования и привлечения инвестиций в реальный сектор экономики.

Список литературы:

[1] Бланк И. А. Инвестиционный менеджмент : учебный курс / И. А. Бланк. - 7-е изд., перераб. и доп. - Москва : Эльга, 2024. - 448 с.

[2] Ковалёв В. В. Финансовый менеджмент: теория и практика / В. В. Ковалёв. - 4-е изд., перераб. и доп. - Москва : Проспект, 2024. - 1104 с.

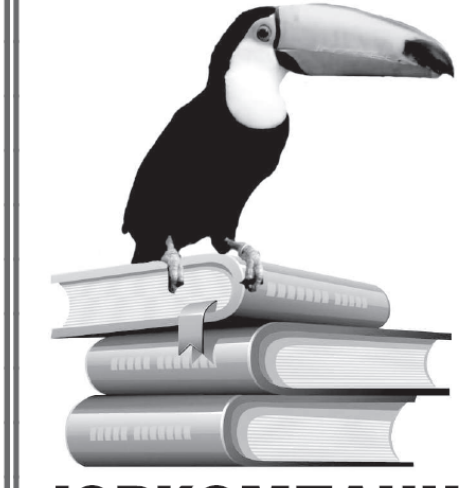
[3] Теплова Т. В. Инвестиции : учебник и практикум для вузов : в 2 ч. / Т. В. Теплова. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва : Юрайт, 2024. - 781 с.

References:

[1] Blank, I. A. Investment Management: A Study Course / I. A. Blank. - 7th ed., revised and expanded. - Moscow: Elga, 2024. - 448 p.

[2] Kovalev, V. V. Financial Management: Theory and Practice / V. V. Kovalev. - 4th ed., revised and expanded. - Moscow: Prospect, 2024. - 1104 p.

[3] Teplova, T. V. Investments: A Textbook and Workshop for Universities: In 2 Parts / T. V. Teplova. - 2nd ed., revised and expanded. - Moscow: Yurait, 2024. - 781 p.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

www.law-books.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 15.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-3-45-48

ИБИШЕВ Рамиль Абилович,
магистрант,
Уральский институт управления – филиал РАНХиГС,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: ramil.ibishev@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНИЦИАТИВНОГО БЮДЖЕТИРОВАНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования инициативного бюджетирования как одной из форм участия населения в осуществлении местного самоуправления. На основе анализа Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» и сложившейся практики субъектов РФ выявляются ключевые проблемы фрагментарности нормативной базы, недостаточной гарантированности прав граждан и низкой вовлечённости населения в бюджетный процесс. Особое внимание уделено коллизиям, возникающим при соотношении муниципального уровня и уровня субъекта РФ, а также дефициту единых стандартов конкурсного отбора инициативных проектов. В работе предложены направления совершенствования законодательства, включая установление минимальных федеральных гарантий, развитие цифровых инструментов и расширение финансовой самостоятельности муниципалитетов в рамках инициативного бюджетирования. Исследование опирается на официальные статистические данные Министерства финансов РФ, нормативно-правовые акты и результаты опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения.*

Ключевые слова: *инициативное бюджетирование, инициативные проекты, местное самоуправление, Федеральный закон № 33-ФЗ, субъекты РФ.*

IBISHEV Ramil Abilovich,
master's Degree Student,
Ural Institute of Management – Branch of RANEPA,
Ekaterinburg, Russia

CURRENT PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF PARTICIPATORY BUDGETING

Annotation. *The article examines current issues of legal regulation of participatory budgeting (initiative budgeting) as a form of public participation in local self-government. Based on the analysis of Federal Law No. 33-FZ of March 20, 2025 «On the General Principles of Organizing Local Self-Government in the Unified System of Public Authority» and the established practices of the constituent entities of the Russian Federation, the study identifies key problems, including the fragmentation of the regulatory framework, insufficient guarantees of citizens' rights, and low public engagement in the budget process. Special attention is paid to conflicts arising from the interaction between the municipal and regional levels, as well as the lack of uniform standards for the competitive selection of initiative projects. The paper proposes directions for improving legislation, including the establishment of minimum federal guarantees, the development of digital tools, and the expansion of financial independence of municipalities within the framework of participatory budgeting. The research is based on official statistical data from the Ministry of Finance of the Russian Federation, regulatory legal acts, and the results of a survey conducted by the Russian Public Opinion Research Center.*

Key words: *initiative budgeting, initiative projects, local self-government, Federal Law No. 33-FZ, constituent entities of the Russian Federation.*

Партисипаторное бюджетирование, получившее в России наименование «инициативное бюджетирование», представляет собой форму непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления путем выдвижения инициатив по целям расходования определенной части бюджетных средств [1, с. 9]. Несмотря на сравнительно короткий период существования в отечественном правовом поле — с момента внесения соответствующих изменений в федеральное законодательство в 2020 году, — данный институт демонстрирует устойчивый рост: по итогам 2024 года в Российской Федерации реализовано 37 351 инициативных проектов, что на 3 тысячи больше по сравнению с 2023, общей стоимостью 60,14 млрд рублей, а количество практик увеличилось до 705, из которых 471 реализуется непосредственно на муниципальном уровне [2, с.

9]. Такая динамика подтверждает востребованность механизма.

С 19 июня 2025 года вступил в силу Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» в соответствии с которым по-новому определено место инициативных проектов в системе форм участия населения в осуществлении местного самоуправления [3, с. 9]. Согласно пункту 4 части 2 статьи 42 нового закона, инициативные проекты отнесены к формам участия населения наряду с опросом, публичными слушаниями, собраниями граждан, территориальным общественным самоуправлением и старостами сельских населённых пунктов. Процедурные аспекты реализации инициативных проектов урегулированы статьей 49 «Инициативные проекты», вопросы финансового обеспечения — статьей 70. В соответствии с частью 3 статьи 49, правом выдвижения инициативных проектов обладают граждане, достигшие возраста восемнадцати лет.

Статьей 49 предусмотрены базовые требования к содержанию инициативного проекта, обязательность его предварительного обсуждения на сходе или собрании граждан, а также возможность дополнительного выявления мнения населения через опрос. Администрация муниципального образования обязана рассмотреть проект в 30-дневный срок и принять мотивированное решение о поддержке или об отказе, основания для которого теперь чётко перечислены: несоблюдение порядка, несоответствие законодательству, отсутствие полномочий, нехватка бюджетных средств, наличие более эффективного способа решения проблемы, а также непрохождение конкурсного отбора. Формальная определённость оснований отказа, безусловно, является шагом вперёд, однако практическая реализация перечисленных критериев может порождать споры, особенно в части оценки «более эффективного способа», поскольку методика такой оценки законом не установлена.

Финансовое обеспечение инициативных проектов в соответствии со статьей 70 формируется за счёт бюджетных ассигнований бюджета муниципального образования с учётом инициативных платежей граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, а также межбюджетных трансфертов из бюджета субъекта РФ. Принципиальной новеллой является норма о возврате инициативных платежей гражданам, если проект не реализован или остались неизрасходованные средства (часть 3 статьи 70). Вместе с тем определение порядка расчёта и возврата средств отнесено законодателем к компетенции представительного органа муниципального образования. Указанное правомочие создаёт риск отсутствия единообразия в муниципальном нормотворчестве, что влечёт дифференциацию правового положения граждан в зависимости от конкретного муниципалитета.

Ключевая правовая проблема, которая не была разрешена с принятием нового закона, заключается в отсутствии на федеральном уровне единых критериев конкурсного отбора инициативных проектов. Часть 12 статьи 49 передаёт установление порядка выдвижения, внесения, обсуждения, рассмотрения и проведения конкурсного отбора полностью на усмотрение представительного органа муниципального образования, а в отношении проектов, претендующих на софинансирование из бюджета субъекта РФ, — на уровень закона субъекта РФ (часть 13). В результате к настоящему моменту в 81 субъекте РФ действует 230 нормативных правовых актов, регулирующих процедуры инициативного бюджетирования, причём подходы к определению приоритетов, оценке социальной значимости, требованиям к софинансированию существенно различаются [2, с. 9]. Д.А. Смирнов отмечает, что определение понятия «инициативное бюджетирование» трактуется в субъектах РФ по-разному, а, по мнению Ю.В. Пятковской и Н.В. Васильевой, даже в пределах одного федерального округа наблюдаются значительные расхождения в регулировании [4; 5 с. 9]. Это порождает ситуацию, при которой жители разных территорий обладают неодинаковыми возможностями для реализации своих инициатив, что вступает в противоречие с конституционным принципом равенства прав граждан на осуществление местного самоуправления (статья 2 Федерального закона № 33-ФЗ).

Ещё одним проблемным аспектом остаётся зависимость муниципальных практик от региональных конкурсов. Как показывает анализ практик в ряде субъектов Российской Федерации, большинство инициативных проектов реализуется лишь при условии софинансирования из регионального бюджета. Например, в одном из муниципальных районов Приволжского федерального округа за период 2022–2024 гг. из 24 одобренных проектов только два получили поддержку исключительно за счёт местного бюджета, остальные прошли конкурсный отбор на уровне субъекта Федерации, при этом средняя доля региональной субсидии составляла около 55% стоимости проектов [6, с. 9]. В большом количестве муниципалитетов сроки приёма заявок на участие в конкурсе сжаты до 10–14 календарных дней, что объективно ограничивает возможности инициативных групп по подготовке качественных предложений [7; 8 с. 9-10]. Подобная практика, когда муниципальный этап фактически является лишь формальной ступенью к региональному конкурсу, а проекты, не поддержанные на областном уровне, остаются нереализованными, снижает мотивацию граждан к участию.

Низкая информированность населения об инициативном бюджетировании выступает серьёзным барьером для его развития. Согласно общероссийскому опросу Всероссийского центра изучения общественного мнения, проведённому в октябре 2021 года, только 52% респондентов были осведомлены о программе инициативного бюджетирования, причём уровень осведомлённо-

сти заметно вырос с 2018 года, когда о ней знали лишь 39% россиян [9, с. 10]. Каждый пятый гражданин признавал, что лично не сталкивался с информацией о таких проектах, а почти половина опрошенных (47%) никогда не слышала о данной программе вовсе. Среди ключевых причин низкой информированности населения 50% граждан называют недостаточное освещение инициативного бюджетирования в информационных источниках. При этом более половины россиян (56%) не готовы принимать участие в решении проблем муниципалитета и доверяют это профессионалам, что коррелирует с дефицитом доступной информации о механизмах гражданского участия. Как показывают исследования, инициативное бюджетирование способствует повышению прозрачности и открытости процесса распределения бюджетных средств и росту степени доверия к власти со стороны граждан, однако в полной мере этот потенциал раскрывается лишь при условии системного и доступного информирования населения [10, с. 10]. В этих условиях эффективная информационная работа становится не просто сопутствующим элементом, а необходимым условием для преодоления разрыва между формальным существованием института инициативного бюджетирования и реальной вовлечённостью в него граждан.

Решение обозначенных проблем видится в комплексном совершенствовании законодательства по нескольким направлениям. Во-первых, назрела необходимость принятия на федеральном уровне рамочного стандарта инициативного бюджетирования, который установил бы минимальные гарантии прав граждан: единые критерии оценки проектов (социальная эффективность, экономическая обоснованность, охват благополучателей), предельные сроки проведения конкурсных процедур, обязательность информирования населения о начале приёма заявок не менее чем за 30 календарных дней. Такой стандарт может быть реализован как в форме отдельного федерального закона, так и путём внесения изменений в Федеральный закон № 33-ФЗ — важно обеспечить его прямое действие на всей территории страны.

Во-вторых, целесообразно предоставить муниципальным образованиям право направлять на финансирование инициативных проектов часть средств местного бюджета вне зависимости от прохождения региональных конкурсов. Фиксация в местном бюджете доли (например, 1–5% расходной части), распределяемой с участием граждан, позволила бы преодолеть зависимость от областных субсидий и стимулировать инициативу «снизу». Подобная модель успешно апробирована в зарубежной практике, в частности, в бразильском Порту-Алегри, где доля партисипаторного бюджета достигала 20%[11, с 10].

В-третьих, особого внимания заслуживает цифровизация процедур инициативного бюджетирования. Создание муниципальных интернет-порталов с возможностью подачи заявок, сбора электронных подписей и онлайн-голосования позволит не только сократить административные барьеры, но и расширить круг участников, особенно среди молодёжи. По оценкам экспертов Центра инициативного бюджетирования Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов России, на начало 2025 года в стране насчитывалось 29 практик инициативного бюджетирования, реализуемых с помощью специализированных порталов, при этом в 18 субъектах РФ обеспечена возможность электронной подачи заявок на конкурс, однако их интеграция с единым порталом государственных услуг и распространение на все муниципальные образования остаются задачами на перспективу [2, с. 9].

Наконец, необходима системная просветительская работа, включающая внедрение школьного инициативного бюджетирования и формирование корпуса волонтёров, консультирующих граждан по вопросам оформления проектов, также стоит рассмотреть внедрение студенческого инициативного бюджетирования. Как показывают исследования, школьное инициативное бюджетирование является «точкой входа» в механизм и формирует бюджетную культуру с раннего возраста, что в долгосрочной перспективе способно повысить качество гражданского участия и укрепить доверие к публичным институтам [12, с. 10].

Таким образом, инициативное бюджетирование обладает значительным потенциалом как инструмент демократизации управления общественными финансами и повышения эффективности расходования бюджетных средств. С принятием Федерального закона № 33-ФЗ созданы необходимые правовые рамки, однако реализация этого потенциала требует дальнейшего совершенствования законодательства в направлении унификации базовых гарантий, расширения финансовой самостоятельности муниципалитетов и цифровой трансформации процесса. Только при комплексном подходе, сочетающем нормативные, организационные и информационные меры, инициативное бюджетирование сможет стать реальным, а не декларируемым механизмом участия граждан в решении вопросов местного значения.

Список литературы:

[1] Шевчук Н.А., Ивлева А.В. Перспективы развития партиципаторного бюджетирования в Алтайском крае // Экономика Профессия Бизнес. 2021. №1. С. 128-133.

[2] Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях // Министерство финансов Российской федерации: официальный сайт. 2025. URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/budget/policy/proactive_bud?id_65=313849-doklad_o_luchshikh_praktikakh_razvitiya_initsiativnogo_byudzhetirovaniya_v_subektakh_rossiiskoi_federatsii_i_munitsipalnykh_obrazovaniyakh (дата обращения: 06.05.2026).

[3] Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной

власти: федеральный закон от 20.03.2025 N 33-ФЗ (ред. от 09.04.2026). СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 06.05.2026).

[4] Смирнов Д.А. Финансово-правовое регулирование инициативного бюджетирования в субъектах РФ // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 148–155.

[5] Пятковская Ю.В., Васильева Н.В. Инициативное бюджетирование в Сибирском федеральном округе: сравнительно-правовое исследование // Baikal Research Journal. 2022. № 3. С. 1–11.

[6] Владимир Вагин представил примеры лучших практик инициативного бюджетирования 2024 года // Министерство финансов Российской федерации: официальный сайт. 2025. URL: https://www.nifi.ru/ru/news-ru/novosti/2773-vladimir-vagin-predstavil-primery-luchshikh-praktik-initsiativnogo-byudzhetirovaniya-2024-goda (дата обращения: 06.05.2026).

[7] Объявлен конкурсный отбор проектов по инициативному бюджетированию // Официальный сайт Администрации городского округа Лосино-Петровский. URL: https://www.lospet.ru/novosti/novosti-gorodskogo-okruga/obyavlen-konkursnyy-otbor-proektov-po-initsiativnomu-byudzhetirovaniyu/ (дата обращения: 06.05.2026).

[8] Объявление о проведении конкурсного отбора проектов инициативного бюджетирования в Московской области в 2026 году: распоряжение Министерства территориальной политики Московской области от 12.12.2025 №14 // Официальный сайт Министерства территориальной политики Московской области. URL: https://minter.mosreg.ru/download/document/12925938 (дата обращения: 06.05.2026).

[9] Результаты опроса россиян о программе инициативного бюджетирования // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iniciativnoe-bjudzhetirovanie-za-i-protiv (дата обращения: 06.05.2026).

[10] Вагин В. В. Теоретические аспекты развития инициативного бюджетирования в России // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2016. Т. 31 № 3. С. 105-114.

[11] Кабаннес Й. Влияние инициативного бюджетирования на базовые услуги: муниципальные практики и данные с мест // Окружающая среда и урбанизация. 2015. Т. 27. С. 257–284.

[12] Лукьянова Н. Г., Славгородская М. Ю., Несговоров С. К. Школьное инициативное бюджетирование в Санкт-Петербурге: достижения и точки роста // Финансовый журнал. 2025. Т. 17. № 2. С. 39–55.

References:

[1] Shevchuk N.A., Ivleva A.V. Prospects for the Development of Participatory Budgeting in the Altai Territory // Economics Profession Business. 2021. No. 1. pp. 128-133.

[2] Report on the best practices for the development of participatory budgeting in the constituent entities of the Russian Federation and municipalities // Ministry of Finance of the Russian Federation: official website. 2025. URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/budget/policy/proactive_bud?id_65=313849-doklad_o_luchshikh_praktikakh_razvitiya_initsiativnogo_byudzhetirovaniya_v_subektakh_rossiiskoi_federatsii_i_munitsipalnykh_obrazovaniyakh (date of access: 06.05.2026).

[3] On the General Principles of Organizing Local Self-Government in a Unified System of Public Authority: Federal Law of March 20, 2025, No. 33-FZ (as amended on April 9, 2026). SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (accessed: May 6, 2026).

[4] Smirnov, D.A. Financial and Legal Regulation of Participatory Budgeting in the Subjects of the Russian Federation // Legal Policy and Legal Life. 2021. No. 1. pp. 148–155.

[5] Pyatkovskaya, Yu.V., Vasilyeva, N.V. Participatory Budgeting in the Siberian Federal District: A Comparative Legal Study // Baikal Research Journal. 2022. No. 3. pp. 1–11.

[6] Vladimir Vagin presented examples of best practices in participatory budgeting for 2024 // Ministry of Finance of the Russian Federation: official website. 2025. URL: https://www.nifi.ru/ru/news-ru/novosti/2773-vladimir-vagin-predstavil-primery-luchshikh-praktik-initsiativnogo-byudzhetirovaniya-2024-goda (accessed: 06.05.2026).

[7] Competitive selection of participatory budgeting projects announced // Official website of the Administration of the Losino-Petrovsky urban district. URL: https://www.lospet.ru/novosti/novosti-gorodskogo-okruga/obyavlen-konkursnyy-otbor-proektov-po-initsiativnomu-byudzhetirovaniyu/ (date accessed: 06.05.2026).

[8] Announcement of a competitive selection of participatory budgeting projects in the Moscow Region in 2026: Order of the Ministry of Territorial Policy of the Moscow Region dated 12.12.2025 No. 14 // Official website of the Ministry of Territorial Policy of the Moscow Region. URL: https://minter.mosreg.ru/download/document/12925938 (date accessed: 06.05.2026).

[9] Results of a survey of Russians on the participatory budgeting program // Official website of VTsIOM. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iniciativnoe-bjudzhetirovanie-za-i-protiv (date accessed: 06.05.2026).

[10] Vagin V. V. Theoretical aspects of the development of participatory budgeting in Russia // Research Financial Institute. Financial Journal. 2016. Vol. 31 No. 3. pp. 105-114.

[11] Cabannes J. The impact of participatory budgeting on basic services: municipal practices and field data // Environment and Urbanization. 2015. Vol. 27. pp. 257-284.

[12] Lukyanova N. G., Slavgorodskaya M. Yu., Nesgovorov S. K. School participatory budgeting in St. Petersburg: achievements and growth points // Financial Journal. 2025. Vol. 17. No. 2. Pp. 39–55.

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 15.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-3-49-51

ПИЛИНЦОВ Андрей Викторович,
аспирант кафедры гражданского права и процесса
факультета права и безопасности
Уральского института управления –
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
ассистент кафедры гражданского права
Института государственного муниципального управления и права
Уральского государственного экономического университета,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ НАСТУПЛЕНИЙ ПОСЛЕДСТВИЙ РИСКА В ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Аннотация. *Настоящая статья посвящена анализу риска как одного из признаков инвестиционной деятельности. В ходе исследования автор пришёл к выводу о том, что для инвестиционной деятельности, как и для предпринимательской деятельности, свойственен рисковый характер. Вместе с тем, в инвестиционной деятельности рисковый характер проявляется иначе, нежели в предпринимательской деятельности.*

Ключевые слова: *инвестиции, инвестиционная деятельность, предпринимательская деятельность, риск, теория риска.*

PILINTSOV Andrey Viktorovich,
Postgraduate Student of the Department of Civil Law and Procedure
of the Faculty of Law and Security
of the Ural Institute of Management –
a branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Assistant of the Department of Civil Law
of the Institute of State and Municipal Administration and Law
of the Ural State University of Economics,
Yekaterinburg, Russia

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF RISK CONSEQUENCES DISTRIBUTION IN INVESTMENT LEGAL RELATIONS

Annotation. *This article is devoted to the analysis of risk as one of the features of investment activity. In the course of the research, the author came to the conclusion that investment activity, like entrepreneurial activity, is inherently risky in nature. At the same time, in investment activity, the risky nature manifests itself differently than in entrepreneurial activity.*

Key words: *инвестиции, инвестиционная деятельность, предпринимательская деятельность, риск, теория риска.*

Известный факт, что элемент риска присутствует практически в любой жизненной сфере человека.

Как отмечает Мансуров Г.З., на сегодняшний день разработано множество теорий риска. Вместе с тем, среди наиболее известных концепций в понимании категории риска можно выделить следующие три: 1) объективная; 2) субъективная; 3) дуалистическая [1, с. 6].

Горячкина Д.А. указывает, что такие представители объективной концепции теории риска в гражданском праве как Н.С. Малеин, А.А. Собчакопределяют риск как возможность наступления неблагоприятных последствий [2, с. 91].

Представителем субъективной концепции риска выступает В.А. Ойгензихт, который предлагал определять риск как психическое отношение лица к внутренним и внешним факторам, выражающееся в осознанном допущении отрицательных имущественных последствий [3, с. 77].

В свою очередь, дуалистическая концепция указывает на то, что риск стоит рассматривать в двух аспектах: субъективный и объективный. На сегодняшний день именно дуалистическая кон-

цепция к определению категории риска является наиболее распространённой в литературе [4, с. 7].

Анализируя вышеописанные точки зрения, стоит согласиться с дуалистическим подходом к определению понятия «риск», поскольку объективный и субъективный подходы в полной мере не могут отразить данную категорию. Так, например, анализируя определение предпринимательского риска, которое представлено в ст. 929 ГК РФ, можно, на первый взгляд, прийти к выводу о том, что гражданское законодательство исходит из риска как категории объективной, говоря, что предпринимательский риск – это риск убытков, возникших по независящим от предпринимателя причинам. В свою очередь, в ст. 933 ГК РФ установлено правило о том, что только сам предприниматель может застраховать свой предпринимательский риск. Тем самым, в ст. 933 ГК РФ подчёркивается субъективная природа риска. Также, при анализе предпринимательского риска невозможно обойтись без рассмотрения, п. 3 ст. 401 ГК РФ, согласно которой лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, отвечает за нарушение обязательств без вины. Законодателем подчёркивается тот факт, что предприниматель должен в ходе своей деятельности учесть риск того, что может не оказаться товара на рынке, контрагенты предпринимателя не исполнят надлежащим образом свои обязательства перед ним.

Как уже ранее было отмечено, категория риска характерна для различного рода правоотношений. Рассматривая риск как признак предпринимательской деятельности, возникает вопрос о том, обладает ли спецификой риск именно в предпринимательской деятельности?

Так, например, А.Г. Карапетов рассматривая признаки предпринимательской деятельности, говорит о том, что риск – не является характерной чертой для предпринимательской деятельности, поскольку риск характерен для всех видов деятельности человека [5, с. 301-302].

Вместе с тем, на риск как признак предпринимательской деятельности, по справедливому замечанию Ручкиной Г.Ф., указывали классики экономической науки: А. Смит, а также Р. Кантильон, который указывал, что риск торговли связан с неопределённостью спроса на товар [6, с. 119].

А.Н. Власова, анализируя риск как признак предпринимательской деятельности, указывала следующие черты такового:

1) риск предпринимательской деятельности возникает в момент начала осуществления предпринимательской деятельности и завершается с её прекращением;

2) риск в предпринимательской деятельности носит активный характер в связи с тем, что зависит от поведения самого предпринимателя;

3) предпринимательский риск включает в себя множество других рисков, которые неразрывно сопровождают предпринимательскую деятельность;

4) последствия предпринимательского риска носят сугубо негативный характер;

5) сам предпринимательский риск характерен не только для самого предпринимателя, но и для третьих лиц [7, с. 42-34].

В свою очередь, Д.А. Барыкин соглашается с тем, что предпринимательский риск представляет собой риск наступления убытков, но при этом, исследователь обращает важное внимание на то, что вероятность наступления того или иного результата происходит в процессе выбора того или иного альтернативного варианта решения [8, с. 34].

Проанализировав доктрину, а также законодательство можно отметить, что сам по себе риск являясь, в первую очередь, категорией экономической носит одинаковые свойства как в предпринимательской деятельности, так и в иных проявлениях жизнедеятельности человека. Вместе с тем, отличны правовые последствия реализации риска в зависимости от сферы деятельности человека. В случае с предпринимательской деятельностью правовые последствия от реализации риска – ответственность предпринимателя за действия третьих лиц, какие-либо внешние факторы экономического характера. Тем самым, предприниматель должен, по существу, предугадывать риски, которые не выходят за пределы чрезвычайных обстоятельств.

Этим отличается проявление риска в предпринимательской деятельности, от проявления риска в деятельности инвестиционной, где реципиент инвестиций, при отсутствии противоправных деяний со своей стороны, не несёт имущественной ответственности перед инвестором в случае, если будет отсутствовать ожидаемый инвестором эффект. Так, например, если поставщик в силу договора допустит просрочку поставки товара в адрес покупателя, из-за того, что завод-изготовитель несвоевременно закончил производство необходимого для поставки товара, то имущественную ответственность перед покупателем, в первую очередь будет нести поставщик.

В случае же с инвестиционными отношениями реципиент инвестиций перед инвестором не будет нести имущественную ответственность как предприниматель перед своими контрагентами. В данном случае правовые и экономические последствия риска неисполнения обязательств контрагентов реципиента инвестиций будет нести сам инвестор.

Список литературы:

[1] Мансуров Г. З. Право предпринимательских рисков / Г. З. Мансуров. – Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2024. – 117 с.

[2] Горячкина Д. А. К вопросу о категории «Риск» в теории гражданского права. // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kategorii-risk-v-teorii-grazhdanskogo-prava (дата обращения: 24.03.2026).

[3] Ойгензихт В. А. Проблема риска в гражданском праве. (Часть общая) / В. А. Ойгензихт; М-во нар. образования Таджикской ССР, Таджикский гос. ун-т им. В. И. Ленина. – Душанбе:Ирфон, 1972. – 224 с.

[4] Копылов В. А. Риск в предпринимательской деятельности: диссертация. кандидата юридических наук: 12.00.03. – Волгоград, 2003. 178 с. – 2003. – 178 с.

[5] Асосков А. В., Байбак В. В., Бевзенко Р. С. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0]. 2020.

[6] Ручкина Г. Ф. Риск в предпринимательской деятельности и его правовое отражение. // Экономика. Налоги. Право. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/risk-v-predprinimatelskoy-deyatelnosti-i-ego-pravovoe-otrazhenie (дата обращения: 16.02.2026).

[7] Власова А. С. Риск как признак предпринимательской деятельности: диссертация. кандидата юридических наук: 12.00.03. – Москва, 2009. 209 с. – 2009. – 209 с.

[8] Барыкин Д. А. Страхование предпринимательских рисков: Правовой аспект: диссертация. кандидата юридических наук: 12.00.03. -– Санкт-Петербург, 2002. – 177 с. – 2002. – 177 с.

References:

[1] Mansurov G. Z. Law of Entrepreneurial Risks / G. Z. Mansurov. – Ekaterinburg: Ural State University of Economics, 2024. – 117 p.

[2] Goryachkina D. A. On the Category of «Risk» in the Theory of Civil Law. // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kategorii-risk-v-teorii-grazhdanskogo-prava (date of access: 24.03.2026).

[3] Eugenzikht V. A. The Problem of Risk in Civil Law. (General Part) / V. A. Eugenzikht; Ministry of People's Education of the Tajik SSR, Tajik State University named after V. I. Lenin. – Dushanbe: Irfon, 1972. – 224 p.

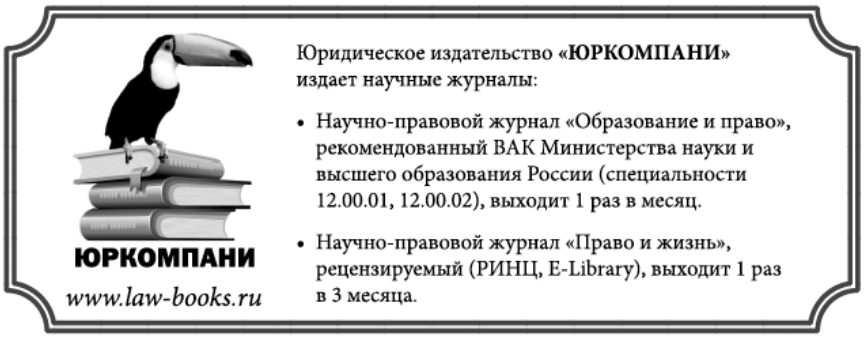
[4] Kopylov V. A. Risk in Entrepreneurial Activity: Dissertation. Candidate of Legal Sciences: 12.00.03. – Volgograd, 2003. 178 p. – 2003. – 178 p.

[5] Asoskov A. V., Baibak V. V., Bevzenko R. S. Fundamental Provisions of Civil Law: Article-by-Article Commentary to Articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic publication. Edition 1.0]. 2020.

[6] Ruchkina G. F. Risk in Entrepreneurial Activity and Its Legal Reflection. // Economy. Taxes. Law. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/risk-v-predprinimatelskoy-deyatelnosti-i-ego-pravovoe-otrazhenie (date of access: 16.02.2026).

[7] Vlasova A. S. Risk as a Feature of Entrepreneurial Activity: Dissertation. Candidate of Legal Sciences: 12.00.03. – Moscow, 2009. 209 p. – 2009. – 209 p.

[8] Barykin D. A. Insurance of Entrepreneurial Risks: Legal Aspect: Dissertation. Candidate of Legal Sciences: 12.00.03. -– St. Petersburg, 2002. – 177 p. – 2002. – 177 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 15.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-3-52-55

ТУКМАКОВА Елизавета Алексеевна,
магистрант, 1 курс,
факультет Политико-правового управления,
кафедра конституционного и международного права,
Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина,
Саратов, Россия,
e-mail: Tukmakovaliza2209@yandex.ru

ЦЕНЗУРА И КОНТРОЛЬ ЗА ИНФОРМАЦИЕЙ

Аннотация. *В работе анализируются проблемы правового регулирования блокировок информации в России. На основе статистики Роскомнадзора за 2024–2025 годы и сравнительного анализа с европейским Законом о цифровых услугах (DSA) выявлены ключевые недостатки: блокировка целых сайтов из-за единичного фрагмента контента, отсутствие досудебного обжалования и компенсации за ошибочные блокировки, а также правовая неопределённость понятия «средства обхода блокировок». Предлагается комплекс изменений в Федеральный закон № 149-ФЗ: точечное удаление запрещённой информации, административный порядок обжалования, возмещение убытков и легальное определение VPN с разграничением корпоративных сервисов. Реализация предложений позволит сделать регулирование более пропорциональным и прозрачным.*

Ключевые слова: *цензура, блокировка информации, Роскомнадзор, VPN-сервисы, средства обхода блокировок, Федеральный закон № 149-ФЗ, Digital Services Act, точечное удаление контента, досудебное обжалование, компенсация убытков, свобода доступа к информации.*

TUKMAKOVA Elizaveta Alekseevna,
Graduate student,
Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin,
Saratov, Russia

CENSORSHIP AND INFORMATION CONTROL

Annotation. *The paper examines legal issues of content blocking regulation in Russia. Based on Roskomnadzor statistics for 2024–2025 and a comparative analysis with the EU Digital Services Act (DSA), key shortcomings are identified: blocking entire websites due to a single content fragment, lack of pre-trial appeal and compensation for erroneous blocks, and legal uncertainty of the concept of "circumvention tools." A set of amendments to Federal Law No. 149-FZ is proposed: targeted removal of prohibited information, administrative appeal procedure, damages compensation, and a legal definition of VPN differentiating corporate services. Implementing these proposals would make regulation more proportionate and transparent.*

Key words: *censorship, information blocking, Roskomnadzor, VPN services, circumvention tools, Federal Law No. 149-FZ, Digital Services Act, targeted content removal, pre-trial appeal, damages compensation, freedom of access to information.*

В условиях стремительного развития цифровых технологий и роста объёма информации в сети Интернет вопросы правового регулирования цензуры и доступа к информационным ресурсам приобретают особую актуальность. Государство вынуждено искать баланс между необходимостью защиты общественных интересов (конституционного строя, нравственности, здоровья граждан) и соблюдением конституционных прав на свободу слова и доступ к информации.

Цель работы - проанализировать текущее состояние правового регулирования ограничения доступа к информации и предложить пути совершенствования законодательства в части: процедур блокировки доменных имён; регулирования использования VPN-сервисов и иных средств обхода блокировок.

Основой регулирования выступает Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в частности ст. 15.1, предусматривающая создание Единого реестра доменных имён, указателей страниц сайтов и сетевых адресов, содержащих запрещённую информацию (далее – Реестр). Основанием для включения сведений в Единый реестр доменных

имён, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», является распространение информации, запрещенной в Российской Федерации.

Основания для включения в Реестр различаются по порядку принятия решения: внесудебный порядок (по решению Роскомнадзора); судебный порядок; внесудебный порядок по требованию Генеральной прокуратуры. Помимо этого, яркой тенденцией последнего времени является переход от блокировки отдельных материалов к пресечению деятельности средств обхода блокировок.

Статистические данные, опубликованные Роскомнадзором в ежегодных отчетах за 2024 и 2025 годы, наглядно демонстрируют динамику правоприменения и подтверждают смену приоритетов надзорного органа.

В 2025 году по требованию Роскомнадзора было удалено или заблокировано 1 289 000 материалов с запрещённой информацией. Это на 59% больше, чем в 2024 году, когда показатель составил 810,5 тыс. материалов. В том числе средства обхода блокировок — более 93 тыс. единиц, рост на 1235% по сравнению с 2024 годом. Это связано с изменением приоритетов правового регулирования: государство стремится обеспечить не только удаление конкретного запрещенного контента, но и пресечение технологических способов доступа к нему.

Текущее регулирование (ст. 15.1 ФЗ №149-ФЗ) обязывает провайдера хостинга при обнаружении запрещённой информации уведомить владельца сайта, а при его бездействии – ограничить доступ ко всему ресурсу. Это порождает ряд проблем: потеря легального контента, экономический ущерб для владельцев сайтов, непропорциональность мер (блокировка всего сайта из-за незначительного фрагмента) и технические сложности восстановления после разблокировки. Вопрос о том, что провайдер должен удалять только конкретную информацию, а не всю страницу целиком, имеет смысл с точки зрения баланса между защитой прав граждан и сохранением легального контента. Однако текущее законодательство РФ ориентировано на удаление всей страницы или ограничение доступа к ресурсу в целом, если на нём размещена запрещённая информация.

Предлагается внести изменения в Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»:

Дополнить статью 15.1 частью 7.1 следующего содержания: «7.1. В случае выявления информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено, оператор реестра направляет провайдеру хостинга требование об уведомлении владельца сайта с указанием конкретного URL-адреса страницы и фрагмента контента, подлежащего удалению. Владелец сайта обязан удалить указанный фрагмент информации либо ограничить к нему доступ в течение 24 часов с момента получения уведомления». Дополнить статью 15.1 частью 8.1: «8.1. При удалении владельцем сайта запрещённого фрагмента информации или ограничении к нему доступа провайдер хостинга обязан подтвердить факт устранения нарушения оператору реестра в течение 12 часов. Оператор реестра в течение 6 часов проверяет факт устранения нарушения и при подтверждении исключает доменное имя или указатель страницы из Единого реестра запрещённой информации».

Внедрение предложенного механизма точечного удаления запрещённой информации позволит значительно сократить количество случаев полной блокировки сайтов, применяя её лишь в крайних случаях. Владельцы интернет-ресурсов перестанут нести экономические убытки из-за отключения всего сайта по причине единичного нарушения, а регулирование станет более точным и пропорциональным, воздействуя исключительно на противоправный фрагмент контента. Кроме того, снизится административная и техническая нагрузка на провайдеров хостинга и Роскомнадзор, поскольку отпадёт необходимость в массовых блокировках и последующих разблокировках целых доменов. Пользователи, в свою очередь, сохранят беспрепятственный доступ к легальной информации, которая ранее нередко исчезала вместе с заблокированным ресурсом. В конечном счёте, реализация этих изменений сделает российскую систему интернет-регулирования более прозрачной, сбалансированной и заслужит большее доверие как со стороны бизнес-сообщества, так и со стороны обычных граждан.

Следующее предложение заключается в создании механизма досудебного обжалования блокировки. В настоящее время владелец сайта может обжаловать решение только в судебном порядке в соответствии с Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации, что требует значительных временных и финансовых затрат, особенно для физических лиц и малого бизнеса. Целесообразно разработать и внедрить административную процедуру рассмотрения жалоб в Роскомнадзоре со сроком рассмотрения 10 рабочих дней, после чего решение может быть обжаловано в суде.

Для понимания места российской модели регулирования в мировом контексте необходимо обратиться к зарубежному опыту, который демонстрирует общемировой тренд ужесточения контроля над цифровой средой, однако с разной идеологической окраской и procedural-гарантиями. Наиболее показательным является опыт Европейского Союза, где с 17 февраля 2024 года в полном объеме применяется Регламент (ЕС) 2022/2065, известный как Закон о цифровых услугах или Digital Services Act, сокращенно DSA. В отличие от российского подхода, где инициатива

и решение об ограничении доступа исходят от государства в лице Роскомнадзора или суда, европейская модель возлагает основную ответственность на сами интернет-платформы.

Если сравнивать российскую и европейскую модели по ключевым параметрам, то можно выделить несколько принципиальных различий. В российской системе судебный порядок предусмотрен только для категории экстремистских материалов, а для большинства оснований действует внесудебный порядок по решению Роскомнадзора; в Европе же преобладает внесудебный порядок с решением платформы, но с обязательным правом пользователя на обжалование и человеческий пересмотр алгоритмических решений. Наконец, европейское законодательство предусматривает компенсацию за ошибочную блокировку и восстановление доступа с объяснением причин, тогда как российское право такого механизма не содержит.

В Европейском Союзе Регламент о цифровых услугах (Digital Services Act, DSA) прямо устанавливает, что провайдер онлайн-платформы, нарушивший свои обязательства, несет ответственность за любой причиненный получателям услуги ущерб или убытки. Более того, DSA предусматривает трехуровневую систему восстановления нарушенных прав: во-первых, платформа обязана создать внутреннюю систему рассмотрения жалоб, позволяющую пользователю оспорить блокировку; во-вторых, предусмотрено внесудебное урегулирование споров с участием независимых посредников; в-третьих, сохраняется право на судебную защиту. Особо значимым является положение о том, что при удовлетворении жалобы платформа обязана восстановить доступ к контенту и, в соответствующих случаях, предоставить компенсацию. Российское законодательство, напротив, не содержит аналогичных норм. Ни Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», ни Кодекс административного судопроизводства РФ не предусматривают права владельца сайта или пользователя на компенсацию убытков, причиненных неправомерным включением информации в Единый реестр запрещенной информации или несвоевременным исключением из него. В лучшем случае возможна отмена блокировки после длительного судебного разбирательства, но понесенные убытки - упущенная выгода, репутационные потери, расходы на восстановление доступа - остаются некомпенсированными. Такое положение дел не соответствует общеправовому принципу, закрепленному в статье 53 Конституции РФ, согласно которому каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти. Ошибочная блокировка, осуществленная во внесудебном порядке Роскомнадзором или на основании решения суда, впоследствии отмененного, представляет собой именно такой вред. Отсутствие механизма компенсации снижает стимулы для должностных лиц к тщательной проверке информации перед блокировкой и оставляет добросовестных правообладателей и граждан без защиты. В связи с изложенным предлагается внести следующие изменения в законодательство Российской Федерации. Дополнить Федеральный закон № 149-ФЗ новой статьей 15.5 следующего содержания: «Владелец сайта в сети «Интернет», права и законные интересы которого были нарушены вследствие неправомерного включения доменного имени, указателя страницы сайта или сетевого адреса в реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, содержащих информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, либо вследствие несвоевременного исключения из указанного реестра, имеет право на возмещение убытков в полном объеме. Порядок возмещения убытков устанавливается Правительством Российской Федерации». Реализация данной нормы потребует также внесения изменений в статью 1069 Гражданского кодекса РФ, уточняющую основания ответственности за вред, причиненный государственными органами.

Помимо этого, яркой тенденцией последнего времени является переход от блокировки отдельных материалов к пресечению деятельности средств обхода блокировок, таких как VPN-сервисы и прокси-серверы. По данным Роскомнадзора, в 2025 году было заблокировано 258 VPN-сервисов, что на 31% больше, чем в 2024 году (197 сервисов). В действующем законодательстве отсутствует чёткое определение этого понятия, что может приводить к неоднозначности в правоприменении. В Критериях Роскомнадзора, утверждённых приказом от 27.02.2023 №25, упоминаются «средства обхода блокировок» в контексте запрещённой информации (например, описание действий, позволяющих получить доступ к заблокированной информации, информация о способах и методах обхода блокировок). Однако само понятие не раскрыто в федеральном законе.

Например, корпоративные VPN-сервисы для удаленной работы сотрудников технически могут использоваться для обхода блокировок, но их основной функциональной целью является обеспечение безопасного удаленного доступа к корпоративной сети. Если под блокировку попадут корпоративные VPN-сервисы, это приведёт к ряду серьёзных негативных последствий. В первую очередь произойдут сбои в работе бизнеса: компании не смогут обеспечить безопасный удалённый доступ сотрудников к внутренним ресурсам - почте, CRM, базам данных и файловым хранилищам, что парализует рабочие процессы, особенно в распределённых командах и филиалах. Кроме того, возникнет прямая угроза информационной безопасности: без VPN сотрудники

будут вынуждены использовать незащищённые каналы связи, что повышает риск утечки конфиденциальных данных, коммерческой тайны и персональных данных клиентов. Наконец, неизбежны экономические потери: приостановка бизнес-процессов из-за недоступности корпоративных систем напрямую скажется на доходах компаний, причём малый и средний бизнес, который менее устойчив к сбоям, пострадает особенно сильно. Предлагается дополнить статью 2 Закона № 149-ФЗ пунктом 22[1] следующего содержания: «Средство обхода блокировок - программное обеспечение или техническое устройство, основной функциональной целью которого является обеспечение доступа к информации, доступ к которой ограничен в установленном порядке, при отсутствии иного предназначения». Это определение пытается разграничить сервисы, специально созданные для обхода блокировок, и технологии, у которых основная цель — не связана с обходом ограничений (например, корпоративные VPN для удалённого доступа к корпоративной сети).

В законодательстве уже есть нормы, касающиеся использования технологий для доступа к информации. Например, статья 15.8 ФЗ №149-ФЗ обязывает владельцев VPN-сервисов по требованию Роскомнадзора подключаться к государственной информационной системе и ограничивать доступ к заблокированным ресурсам. При разработке нового определения важно учитывать баланс между обеспечением информационной безопасности и защитой законных интересов бизнеса и граждан.

Список литературы:

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.

[2] Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в редакции от 29 декабря 2025 года № 569-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 31 (ч. I). — Ст. 3448.

[3] Федеральный закон от 8 августа 2024 года № 216-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2024. — № 33. — Ст. 5127.

[4] Отчёт о деятельности Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) за 2024 год // Официальный сайт Роскомнадзора. — URL: https://rkn.gov.ru/ (дата обращения: 08.05.2026).

[5] Наумов В. Б. Право и интернет: очерки теории и практики / В. Б. Наумов. — Москва: Книжный дом «Университет», 2022. — 24 с.

[6] Рассолов И. М. Информационное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / И. М. Рассолов. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 407 с.

[7] Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) // Official Journal of the European Union. — 2022. — L 277. — P. 1–102.

References:

[1] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2002. — No. 1 (Part 1). — Art. 1.

[2] Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ «On Information, Information Technologies and the Protection of Information» (as amended on December 29, 2025 No. 569-FZ) // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 2006. — No. 31 (Part I). — Art. 3448.

[3] Federal Law of August 8, 2024 No. 216-FZ «On Amendments to the Federal Law «On Information, Information Technology, and Information Protection» and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. — 2024. — No. 33. — Art. 5127.

[4] Report on the Activities of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor) for 2024 // Official website of Roskomnadzor. — URL: https://rkn.gov.ru/ (date accessed: 08.05.2026).

[5] Naumov V. B. Law and the Internet: Essays on Theory and Practice / V. B. Naumov. — Moscow: Book House «University», 2022. — 24 p.

[6] Rassolov I. M. Information Law: A Textbook for University Students Majoring in Jurisprudence / I. M. Rassolov. — 5th ed., revised and enlarged. — Moscow: Yurait Publishing House, 2024. — 407 p.

[7] Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) // Official Journal of the European Union. — 2022. — L 277. — P. 1–102.

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 15.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-3-56-58

БОРОХОВА Наталья Евгеньевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Российский государственный университет правосудия,
Уральский филиал, Челябинск, Россия,
454080, г. Челябинск, ул. Энгельса, д.61-А, кв. 15,
тел. (сот.): +7 (951) 230 5154,
e-mail: borohovan@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ АДВОКАТСКОГО ОПРОСА

Аннотация. *В статье поднимаются дискуссионные вопросы адвокатского опроса. Автор обращает внимание на отсутствие правовой регламентации адвокатского опроса, что на практике создает препятствия для приобщения его результатов к материалам уголовного дела. Для разрешения проблемы предлагается не только законодательно закрепить форму протокола опроса, но признать его иным доказательством по уголовному делу. По мнению автора, это будет способствовать усилению состязательных начал на стадии предварительного расследования.*

Ключевые слова: *адвокатский опрос, иные доказательства, состязательность, права защитника.*

BOROKHOVA Natalia Evgenievna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines,
Russian State University of Justice,
Ural Branch, Chelyabinsk, Russia

OPTIMIZATION OF EXPORT PROMOTION MECHANISMS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF STRUCTURAL CONSTRAINTS

Annotation. *In this article, the author examines controversial issues related to the interrogation of a lawyer. The author draws attention to the lack of legal regulation of interrogation by a lawyer, which in practice creates obstacles to the inclusion of its results in criminal case materials. To address this issue, it is proposed not only to legally establish the form of the interrogation report but also to recognize it as additional evidence in criminal cases. The author believes this will strengthen the adversarial principle during the preliminary investigation.*

Key words: *interrogation by a lawyer, other evidence, adversarial proceedings, defense attorney rights.*

УПК РФ, предусмотрев право адвоката собирать доказательства путем опроса лиц, сделал некогда большой шаг вперед с точки зрения обеспечения состязательных начал на стадии предварительного расследования. Досадно, что за 25 лет существования УПК РФ, дальнейшее развитие данное направление так и не получило. В адвокатских кругах периодически поднимаются амбициозные темы «адвокатского расследования», но они так и остаются футуристичными проектами без шансов на законодательное воплощение. Разумеется, рассуждения о возможности проведения адвокатом процессуальных действий, посягающих на конституционные права граждан, вряд ли можно посчитать реалистичными, но регламентация использования адвокатского опроса в рамках уголовного процесса может стать вполне выполнимой задачей. Запрос на такого рода изменения есть, так как адвокаты желают иметь возможность активно реализовывать право на защиту своего доверителя, выходя за пределы привычного для них сбора справок и характеристик. Этим объясняется актуальность поднятой темы.

Для начала следует определить, чем существующее положение закона не устраивает правоприменителей.

Первое, на что следует обратить внимание, это отсутствие правовой регламентации адвокатского опроса. Если требования к адвокатскому запросу четко урегулированы Приказом Министерства Юстиции РФ от 14.12. 2016 г. №288 [1], то форма адвокатского опроса оставлена законодателем без внимания. Адвокаты закрепляют результаты опроса так, как считают нужным. Во многих случаях, за основу берется форма протокола допроса свидетеля за исключением тех структурных элементов, которые адвокат заполнять не вправе. По мнению некоторых, отсутствие процессуальной формы опроса трактуется

органами предварительного расследования, как несоответствие закону, что не позволяет приобщить документ к материалам уголовного дела.

Во-вторых, результаты опроса признаются лишь собранными адвокатом сведениями, но не доказательствами. Для приобретения доказательственной силы сведения должны быть оценены следователем, дознавателем, судом, с точки зрения их относимости к тем обстоятельствам, которые подлежат установлению по делу. После положительного ответа на первый вопрос требуется придать сведениям надлежащую процессуальную форму. То есть опрошенное лицо должно быть вызвано и допрошено с соблюдением всех тех требований, которые установлены законом. На практике применение данных положений вызывает определенные сложности. Известно, что п.3 ч.2 ст. 38 УПК признает право следователя самостоятельно определять ход расследования, и, соответственно, по собственному усмотрению оценивать относимость доказательств, представляемых стороной защиты. Это приводит к ситуации, когда ходатайства защиты о приобщении к делу доказательств, отклоняются. Положения ч. 2.2 ст. 159 УПК, устанавливающие, что защитнику не может быть отказано в приобщении доказательств, не оказывают при этом решающего значения при принятии процессуального решения. Разумеется, подобная ситуация лишь подтверждает факт того, что равенство сторон на стадии предварительного расследования, также как и состязательность практически отсутствуют.

И.Н. Чеботарева указывает, что доказательственную деятельность защитника нельзя назвать собиранием доказательств, так как он лишен возможности использовать эффективные средства, такие как следственные действия. Полученная защитником информация к числу доказательств не относится, так как законодателем не установлена процессуальная форма опроса [2]. Эта точка зрения является распространенной не только среди процессуалистов, но и среди правоприменителей. Удивительно, но данный подход можно обнаружить и при изучении отдельных актов органов адвокатского самоуправления. Например, в разъяснениях Совета адвокатской палаты г. Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката делается акцент на отсутствии «требуемой законом процессуальной формы» для опроса. Для того, чтобы результаты опроса стали доказательством необходим допрос лица, который дознаватель, следователь или суд проведут по ходатайству адвоката. Интересно, что данные разъяснения вводят еще одно дополнительное ограничение для адвоката, которое в УПК не содержится. «Опрашивать лиц, уже допрошенных в качестве свидетелей, адвокат не вправе. Они являются участниками судопроизводства и адвокат должен получать от них интересующие сведения при проведении следственных действий» [3]. Думается, подобное положение является толкованием ч.3 ст. 86 УПК, а именно понятия «лица», которых может опрашивать адвокат с их согласия. Сложно понять аргументацию представителей адвокатского сообщества, которые добровольно отходят от расширительного толкования понятия «лица» в пользу более узкого - «лица, не являющиеся участниками уголовного судопроизводства». Осталось попросить закрепить это положение в законодательстве для того, чтобы сделать возможности защиты еще более скромными.

В этом смысле позиция Конституционного Суда РФ является в большей степени прогрессивной. В своем Определении 04.04.2006 N 100-О есть пояснение: «Само по себе отсутствие процессуальной регламентации формы проведения опроса и фиксации его результатов не может рассматриваться как нарушение закона и основание для отказа в приобщении результатов к материалам дела» [4]. Конституционный Суд РФ рассматривает полученные адвокатом сведения, как основание для дальнейших процедур (допроса или иных следственных действий). Сведения предполагается проверить и оценить «как и любые другие доказательства» с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в их совокупности - достаточности. Значит ли это, что Конституционный Суд РФ признает собранные защитником сведения доказательствами, как это следует из приведенной цитаты? К сожалению, точного ответа на вопрос в данном Определении нет. Конечно, хотелось бы, чтобы позиция суда была выражена более конкретно, как это делает, к примеру, в своем исследовании правовой природы адвокатского опроса Р.Я. Мамедов. С его точки зрения, адвокатский протокол опроса имеет доказательственную силу, являясь «иным доказательством», в связи с чем, он должен быть приобщен к материалам уголовного дела [5]. При этом, в отличие от мнения И.Н. Чеботаревой он считает, что свою деятельность по собиранию доказательств защитник осуществляет не за пределами уголовного судопроизводства, а в рамках уголовного дела с того момента, как он принял на себя защиту и был допущен к участию в деле. Думается, что данная точка зрения, в большей степени, отвечает интересам адвокатского сообщества, чем предложения унифицировать форму бланка адвокатского опроса. Участники дискуссии на страницах периодического издания «Адвокатская газета», анализируя вопросы процедуры получения адвокатом информации путем опроса, чаще всего высказывались в пользу решения именно формальных вопросов: единой процедуры и оформления результатов опроса, что, само по себе, вряд ли повлияет на практику рассмотрения ходатайств защитника следователем и судом [6].

Следует отметить, что практика отнесения

протоколов опроса защитником к «иным документам» по смыслу п.6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ не является распространенной. Есть случаи, когда, действительно, протокол приобщается к материалам уголовного дела с подобной формулировкой. Во многих случаях, следователи относят протокол к «материалам», но не к доказательствам. Третий вариант, довольно частый, - отказ в приобщении протокола с приведением разного рода аргументов. Интересно, что позиция Верховного Суда РФ по данному вопросу скорее скептическая. Например, в своем определении от 13.08.2025 по делу № 5-УД25-58СП-А1, указывает прямо: адвокатские опросы «к числу доказательств не относятся» [7]. Такое разнообразие принимаемых процессуальных решений не способствует появлению состязательных начал на стадии предварительного расследования.

Думается, есть необходимость закрепления не только процессуальной формы адвокатского опроса, но законодательного отнесения протокола опроса к числу иных доказательств. Подобное решение стало бы уверенным шагом вперед на пути обеспечения права гражданина на эффективную защиту.

Список литературы:

[1] Приказ Министерства Юстиции РФ от 14 декабря 2016 г. №288 «Об утверждении требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса» (с изменениями и дополнениями) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209480/ (дата обращения: 13.06.2026).

[2] Чеботарева И.Н. Уголовно-процессуальное значение сведений, собранных адвокатом-защитником в результате опроса лица с его согласия/ И.Н. Чеботарева //Уголовное судопроизводство. 2010. №1. С. 27-32.

[3] Разъяснения №1 Совета адвокатской палаты г. Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката// Специальный выпуск Вестника Адвокатской палаты г. Москвы. М., 2024, С. 108-109.

[4] Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2006 N 100-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бугрова Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60927/ (дата обращения: 14.06.2026).

[5] Мамедов Р.Я. Опрос лиц с их согласия защитником как способ собирания доказательств в уголовном процессе/ Р.Я. Мамедов// Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2016. С. 161-164.

[6] Трубецкой Н. Дисциплинарная практика при реализации адвокатом права на опрос лица с его согласия/ Н. Трубецкой // Адвокатская газета. 2022. №14.

[7] Определение Верховного Суда РФ от 13.08.2025 г. по делу № 5-УД25-58СП-А1 на приговор Московского городского суда от 13.03.2024 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=864035 (дата обращения: 14.06.2026).

References:

[1] Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of December 14, 2016 No. 288 «On Approval of Requirements for the Form, Procedure for Registration and Forwarding of an Attorney's Request» (with amendments and additions) // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209480/ (date of access: June 13, 2026).

[2] Chebotareva I.N. Criminal-procedural significance of information collected by a defense attorney as a result of questioning a person with his consent / I.N. Chebotareva // Criminal proceedings. 2010. No. 1. Pp. 27-32.

[3] Explanations No. 1 of the Council of the Moscow Bar Association on issues of professional ethics of an attorney // Special issue of the Bulletin of the Moscow Bar Association. M., 2024, pp. 108-109.

[4] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04.04.2006 N 100-O «On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Alexander Anatolyevich Bugrov regarding the violation of his constitutional rights by paragraph 2 of part three of Article 86 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60927/ (date of access: 14.06.2026).

[5] Mamedov R. Ya. Questioning of persons with their consent by the defense attorney as a method of collecting evidence in criminal proceedings / R. Ya. Mamedov // Gaps in Russian legislation. Legal journal. 2016. pp. 161-164.

[6] Trubetskoy N. Disciplinary practice in the exercise by a lawyer of the right to question a person with his consent / N. Trubetskoy // Advocate newspaper. 2022. No. 14.

[7] Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of August 13, 2025 in case No. 5-UD25-58SP-A1 on the verdict of the Moscow City Court of March 13, 2024 // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=864035 (date of access: June 14, 2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 15.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-3-59-63

АСКАРОВ Зохиджон Садикжанович,
кандидат юридических наук, доцент,
Санкт-Петербургский Политехнический университет им. Петра Великого,
e-mail: askarov_zs@spbstu.ru

ЗИНЧЕНКО Ангелина Сергеевна,
студент,
Санкт-Петербургский Политехнический университет им. Петра Великого,
e-mail: angelinarrrrr@mail.ru

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ МНИМЫХ И ПРИТВОРНЫХ СДЕЛОК: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ЗАЩИТА ПРАВ УЧАСТНИКОВ

Аннотация. *В статье исследуется правовая природа мнимых и притворных сделок, а также произведен анализ положений статьи 170 Гражданского кодекса. Особое внимание уделяется применению реституции к мнимым и притворным сделкам, в том числе в связи с возможностью формального исполнения мнимой сделки, с учетом позиций высших судебных инстанций. Рассматривается соотношение применения двух конкурирующих механизмов – реституции и виндикации, а также положение добросовестного приобретателя и кредиторов должника.*

Ключевые слова: *мнимые сделки, притворные сделки, фиктивные сделки, кредитор, добросовестный приобретатель, недействительность.*

ASKAROV Zokhidjon Sadikzhanovich,
C*andidate of Law Sciences, Associate Professor,*
St. Petersburg Polytechnic University
of Peter the Great

ZINCHENKO Angelina Sergeevna,
student,
St. Petersburg Polytechnic University
of Peter the Great

INVALIDITY OF FRAUDULENT AND FEIGN TRANSACTIONS: LEGAL BASIS AND PROTECTION OF THE RIGHTS OF PARTICIPANTS

Annotation. *The article examines the legal nature of fictitious and feigned transactions, and analyzes the provisions of Article 170 of the Civil Code. Special attention is paid to the application of restitution to imaginary and sham transactions, including the possibility of formal execution of an imaginary transaction, taking into account the positions of higher judicial authorities. The article examines the relationship between the application of two competing mechanisms – restitution and vindication, as well as the position of the bona fide purchaser and the debtor's creditors.*

Key words: *imaginary transactions, sham transactions, fictitious transactions, creditor, bona fide purchaser, invalidity.*

Институт недействительности сделок занимает центральное место в механизме гражданско-правового регулирования, обеспечивая защиту прав и свобод участников гражданского оборота. Следует отметить, что гражданское законодательство не содержит правовое определение недействительной сделки, однако, определяет виды недействительных сделок в статьях 166-181 Гражданского кодекса Российской Федерации [4].

Термин «недействительная сделка» подвергается спорам в юридической литературе, например, М.М. Агарков [2, с.2] высказывает мнение о недопустимости применения понятия «сделка», поскольку в таком случае, действие направлено на создание какого-либо правового результата, но не может его порождать. Полагается, что в таком случае вернее определять явление как «недействительность волеизъявления». Другой ученный-юрист И.Б. Новицкий [6, с. 247] оспаривает точку зрения М.М. Агаркова и признает недействительную сделку как факт, и, хоть и не порождает нужные правовые последствия, но порождает иные, например, передача полученного по сделке в собственность государства, возвратить приобретенное тому, от кого оно получено и

так далее. А О.С. Иоффе [5] вполне обосновывает употребление спорного термина и определяет его как «удачное в практическом отношении».

Недействительность сделки означает, что правовое действие не создает присущих данному виду сделки правового последствия. Законодатель, в статье 166 Гражданского кодекса Российской Федерации [4], предусматривает разделение недействительных сделок на оспоримые и ничтожные. Принципиальное различие в правовой природе этих конструкций проявляется в механизме их аннулирования: дефект оспоримой сделки нуждается в судебном признании ее таковой, тогда как порок ничтожной сделки настолько существенен, что закон признаёт её изначально недействительной, не ставя это в зависимость от усмотрения суда. Правила о мнимых и притворных сделках законодательно закреплены в статье 170 Гражданского кодекса [4] и относятся к категории ничтожных сделок.

Правовая природа мнимых и притворных сделок является спорным вопросом в правовой доктрине. Так, О.С. Иоффе [5, с. 291относил их к разновидности особых противозаконных сделок, отмечая, что воля сторон направлена исключительно на введение в заблуждение третьих лиц. Ф.С. Хейфец отмечал, что природа таких сделок обусловлена внутренним расхождением воли и волеизъявления сторон, отрицая противоправный характер, предложенный предыдущим автором. Современная судебная практика и большинство цивилистов относят мнимые и притворные сделки к категории сделок с «пороком воли».

Пункт 1 статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации [4] закрепляет понятие мнимой сделки – сделка, совершенная лишь для вида. Механизм такой сделки заключается в сокрытии истинного намерения сторон, то есть, данное соглашение не порождает правовых последствий, а также обязанности по ее исполнению. Одной из наиболее распространенных схем совершения мнимой сделки является договор купли-продажи имущества, который не подлежит реальному исполнению. Например, собственник-должник, предвидя процедуру банкротства заключает договор купли продажи недвижимости со своим родственником, сохраняя за правомочие владения. Таким образом, происходит ситуация, когда право собственности формально переходит другому лицу, но собственник пользуется и владеет имуществом также, как и до совершения порочной сделки, при этом, имущество выбывает из конкурсной массы, нарушая права кредиторов должника. Постановление Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации [9] указывает, что неисполнение своих обязательств одной из сторон не указывает на мнимый характер сделки.

Пункт 2 статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации [4] закрепляет понятие притворной сделки, определяя, что она совершается с целью прикрыть иную волю сторон, которую стороны стараются скрыть. Таким образом, можно проследить двойственную природу механизма: снаружи правоотношение оформлено в виде одной сделки – прикрывающая сделка, а внутри содержит совершенно другое правоотношение – прикрываемая сделка. Первая оформлена лишь формально, создавая видимость правильных правовых последствий для третьих лиц, в тоже время, вторая сделка закрепляет правоотношения на более выгодных правовых условиях для сторон. В таком случае, законодатель предписывает правило применения норм, относящихся к прикрываемой сделке. Кроме того, Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации № 25 [8] закрепляет возможность совершения цепочки сделок для более сложной и запутанной схемы отчуждения имущества от первоначального отчуждателя к конечному приобретателю, которая может быть квалифицирована как единая притворная сделка. Помимо правила о цепочке сделок, Постановление Пленума Верховного суда определяет, что для признания сделки притворной необходима воля всех участников сделки, то есть, если одна из сторон не знала о ее порочности, квалификация сделки притворной не возможна.

Существует мнение о том, что притворная сделка является разновидностью мнимой сделки. Такой позиции придерживается И.Ю. Павлова [7]. Однако, такая позиция не представляется обоснованной, поскольку законодатель четко разграничивает понятия механизмов данных сделок в статье 170 Гражданского кодекса Российской Федерации [4].

Последствия недействительности сделок закреплены в статье 167 Гражданского кодекса Российской Федерации [4]. Законодательно закреплено, что недействительные сделки не влекут за собой правовых последствий, кроме тех, что связаны с их недействительностью. Кроме того, норма закрепляет применение механизма двусторонней реституции, то есть стороны сделки обязаны возвратить друг другу все полученное по недействительной сделке. Однако, применение реституции в контексте мнимы и притворных сделок значительно ограничено. Невозможность реституции при мнимой сделке подчеркивается Президиумом ВАС РФ в постановлении по делу № А70-5326/2011 [10] и Верховным судом РФ в определении от 20.02.2021 года по делу № 305-ЭС20-3766 [11]. Суды закрепляют, что мнимая сделка не исполняется сторонами, а значит применение двусторонней реституции невозможно, поскольку возвращать в первоначальное состояние нечего. Однако, как следует из Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации № 25 [8], стороны могут приступить к формальному исполнению сделки, например, в сделках с недвижимостью может быть оформлен переход права собственности в Едином государ-

ственном реестре недвижимости. В таком случае, применение реституции является обоснованным, однако ее смысл заключается только в восстановлении правового положения недвижимости с точки зрения регистрационного аспекта.

Применительно к притворным сделкам, законодатель предусматривает специальное последствие – применение норм, относящихся к прикрываемой сделке. Таким образом, если стороны оформили договор купли-продажи посредством договора дарения, применяются правила, регулирующие куплю-продажу, а второй договор будет ничтожным. Применение реституционного механизма также ограничивается Постановлением Пленума Верховного суда Российской Федерации № 25 [8], отмечая, что реституция не применяется к притворным сделкам. Прикрываемая сделка может также оказаться недействительной в силу каких-либо обстоятельств, например, несоблюдение нотариальной формы, или заключение сделки с нарушениями требований закона, например, с недееспособным лицом. В таком случае, пороки сделки не «исцеляются» юридически правильной внутренней сделкой, а значит не может быть признана действительной. Верховный суд Российской Федерации разъяснил, что в случае недействительности прикрываемой сделки, реституция применяется в соответствии со статьей 167 Гражданского кодекса [4], порождая у сторон обязанности по возврату полученного по сделке. Таким образом, можно сделать вывод, что применение реституции к притворной сделке возможно только в случае признания недействительности прикрываемой сделки. Однако, вывод о неприменении реституционного механизма к фиктивным сделкам не является абсолютно обоснованным, поскольку судебная практика иллюстрирует тенденции к расширению применения этого механизма в контексте рассматриваемых сделок.

Следует подчеркнуть, что реституционный механизм носит не направлен на наказание сторон порочной сделки, а носит исключительно восстановительный характер, что обеспечивает стабильность гражданского оборота.

Институт недействительности мнимых и притворных сделок является своеобразным механизмом защиты прав участников гражданского оборота, но при этом порождает множество правовых рисков для субъектов.

Посредством признания сделок мнимыми или притворными может осуществляться зашита прав кредиторов должника-собственника. Институт позволяет кредитору вернуть спорное имущество в конкурсную массу должника, в случае, если оно было выведено из собственности в период или перед процедурой банкротства. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации [8] в пункте 78 закрепляет, что требование о признании недействительной ничтожной сделки от иного лица, может быть удовлетворено, если лицо имеет охраняемый законом интерес в признании этой сделки недействительной. Таким образом, кредитор, чьи права были нарушены выводом активов из конкурсной массы, может восстановить их через механизм признания сделки недействительной по статье 170 Гражданского кодекса [4].

Кроме того, признание фиктивности сделок выступает механизмом защиты прав супругов при бракоразводном процессе. Такую схему отмечает Бежецкий А.Ю. [3], отмечая, что один из супругов при приобретении имущества, может оформить правоотношение посредством договора дарения для обхода общей долевой собственности. Пострадавший супруг может подать иск о признании договора дарения притворным.

Таким образом, любое лицо, чьи права каким-либо образом были затронуты порочной сделкой, может обратиться в суд, в целях восстановления своего нарушенного права. В целях минимизирования злоупотребления этой конструкцией, законодатель предусматривает правило о недобросовестности заявителя. В случае, если поведение лица дает основания полагать, что оно действует недобросовестно, признание сделки недействительной не представляется возможным. В вопросе признания сделки мнимой, или притворной, суд обязан всесторонне изучить поведение сторон судебного процесса, поскольку злоупотребление и обман возможны со стороны различных субъектов.

Специальным механизмом защиты прав собственника является виндикация, то есть право собственника истребовать свое имущество из чужого незаконного владения, что закреплено статьей 301 Гражданского кодекса Российской Федерации [4]. Стоит отметить, что данный механизм ограничен положениями статьи 302 Гражданского кодекса [4], определяя, что виндикационный иск не может быть применен к добросовестному приобретателю, если имущество выбыло из владения по воле собственника. Следуя правовой природе мнимых и притворных сделок, можно сделать вывод, что выбытие имущества из владения собственника не может произойти иначе, чем по его воле, поскольку в таком случае будет квалифицирована по другим основаниям Гражданского кодекса.

В правовой доктрине определяется конкуренция двух конкурирующих механизмов – виндикации и реституции. Скловский К.И. [12] считает, что разница между этими двумя механизмами принципиальна, а значит основания их применения должны иметь строго регламентированный порядок. Однако, есть иная точка зрения, которая определяет строгий механизм применения виндикации и реституции, как нарушение статьи 45 Конституции Российской Федерации [1]. Стоит отметить, что применение этих средств защиты нарушенных прав имеют принципиальное различие. Реституция может быть применима ис-

ключительно к сторонам сделки, а виндикация применяется к иному лицу, у которого находится имущество собственника.

В соответствии со статьей 302 Гражданского кодекса [4] виндикация не применима к добросовестному приобретателю, который может появиться в системе мнимых и притворных сделок. В данной ситуации не подлежит применению и реституция, поскольку добросовестны приобретатель не является стороной сделки. Следовательно, добросовестный приобретатель оказывается защищенным от притязаний со стороны собственника, а также от требований о применении последствий недействительности сделки.

Однако, существует важное исключение из общего правила. В случае признания судом цепочки сделок единой притворной сделкой, конечный приобретатель не признается добросовестным, что, соответственно приводит к применению реституции. В такой конструкции все собственники (номинальные), признаются звеньями одной притворной системы, а конечный приобретатель – бенефициаром. При этом, положение добросовестного приобретателя существенно осложняет положение кредиторов, поскольку, в таком случае, возврат имущества в конкурсную массу должника не возможен.

Таким образом, институт недействительных сделок представляет собой сложный механизм, включающий в себя мнимые и притворные сделки, регулируемые статьей 170 Гражданского кодекса [4]. Фиктивные сделки представляют собой особый механизм защиты нарушенных прав участников гражданского оборота, однако, при этом, может создавать существенные правовые риски. Предусматриваются механизмы защиты нарушенных прав – последствия недействительности сделки по ст. 167 Гражданского кодекса Российской Федерации [4], а также механизм виндикации. Оба этих механизма значительно ограничены в применении к мнимым и притворным сделкам, а также носят восстановительный характер, направлены на восстановление положения, существовавшего до заключения сделки.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 01.05.2026).

[2] Агарков М.М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. – 1946. – № 3–4. – С. 2–5.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[4] Иоффе О.С. Советское гражданское право. – М., 1967. – 291 с.

[5] Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность: учеб. пособие. – М.: Госюриздат, 1954. – 247 с.

[6] Павлова И.Ю. Недействительность сделок в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 31 с.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 01.05.2026).

[8] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 08.02.2005 № 10505/04 по делу № А40-43710/04 // СПС Гарант. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12039147/ (дата обращения: 01.05.2026).

[9] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.10.2012 № 7204/12 по делу № А70-5326/2011 // СПС Гарант. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70204178/ (дата обращения: 01.05.2026).

[10] Определение Верховного Суда РФ от 20.02.2021 № 305-ЭС20-3766(2) по делу № А40-125529/2017 // СПС Гарант. – URL: https://base.garant.ru/400371253/ (дата обращения: 01.05.2026).

[11] Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. – 5-е изд., перераб. – М.: Статут, 2010. – 893 с.

[12] Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. – М., 2000. – 84 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993: with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020 // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://pravo.gov.ru (date of access: 01.05.2026).

[2] Agarkov M.M. The Concept of a Transaction under Soviet Civil Law // Soviet State and Law. – 1946. – No. 3–4. – Pp. 2–5.

[3] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 24.07.2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.

[4] Ioffe O.S. Soviet civil law. – Moscow, 1967. – 291 p.

[5] Novitsky I.B. Transactions. Statute of Limitations: textbook. – Moscow: Gosyurizdat, 1954. – 247 p.

[6] Pavlova I.Yu. Invalidity of transactions in Russian civil law: author's abstract. diss. ... candidate of legal sciences. – Moscow, 2004. – 31 p.

[7] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015, No. 25 «On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code

of the Russian Federation» // SPS ConsultantPlus. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (date accessed: 01.05.2026).

[8] Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 08.02.2005 No. 10505/04 in case No. A40-43710/04 // SPS Garant. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12039147/ (date accessed: 01.05.2026).

[9] Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 18.10.2012 No. 7204/12 in case No. A70-5326/2011 // SPS Garant. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70204178/ (date of access: 01.05.2026).

[10] Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 20.02.2021 No. 305-ES20-3766(2) in case No. A40-125529/2017 // SPS Garant. – URL: https://base.garant.ru/400371253/ (date of access: 01.05.2026).

[11] Sklovsky K.I. Property in Civil Law. – 5th ed., revised. – Moscow: Statut, 2010. – 893 p.

[12] Kheifets F.S. Invalidity of Transactions under Russian Civil Law. – M., 2000. – 84 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 15.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-3-64-66

ТУКМАКОВА Елизавета Алексеевна,
магистрант, 1 курс,
факультет Политико-правового управления,
кафедра конституционного и международного права,
Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина,
Саратов, Россия,
e-mail: Tukmakovaliza2209@yandex.ru

САМОЗАЩИТА И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности трансформации права на самозащиту в условиях цифровизации общества и активного внедрения технологий искусственного интеллекта. Анализируются современные формы реализации самозащиты с использованием интеллектуальных систем безопасности, включая видеонаблюдение, автоматизированные системы контроля и программные средства защиты от киберугроз. Особое внимание уделяется проблемам правового регулирования, связанным с отсутствием чёткого правового статуса технологий, распределением ответственности за действия искусственного интеллекта, а также рисками нарушения прав и свобод третьих лиц. Обосновывается необходимость разработки комплексной нормативной базы, направленной на обеспечение баланса между эффективностью самозащиты и соблюдением прав человека.*

Ключевые слова: *самозащита, искусственный интеллект, правовое регулирование, цифровизация, персональные данные, необходимая оборона, технологии безопасности.*

TUKMAKOVA Elizaveta Alekseevna,
Graduate student,
Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin,
Saratov, Russia

SELF-PROTECTION AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE: PROSPECTS FOR LEGAL REGULATION

Annotation. *The article examines the transformation of the right to self-defense in the context of digitalization and the active implementation of artificial intelligence technologies. It analyzes modern forms of self-defense realized through intelligent security systems, including video surveillance, automated control systems, and cybersecurity tools. Particular attention is paid to the problems of legal regulation, such as the lack of a clear legal status of technologies, the issue of liability for actions performed by artificial intelligence, and the risks of violating the rights and freedoms of third parties. The necessity of developing a comprehensive legal framework aimed at balancing the effectiveness of self-defense and the protection of human rights is substantiated.*

Key words: *self-defense, artificial intelligence, legal regulation, digitalization, personal data, necessary defense, security technologies.*

Современное развитие общества характеризуется активным внедрением цифровых технологий, включая системы искусственного интеллекта, в различные сферы общественных отношений. Одной из таких сфер является обеспечение безопасности личности и реализация права граждан на самозащиту. Традиционно данное право рассматривалось в контексте физического противодействия противоправным посягательствам, однако в условиях цифровизации оно приобретает новые формы и содержание. Использование интеллектуальных систем видеонаблюдения, автоматизированных охранных комплексов и программных решений для предотвращения угроз формирует новую модель самозащиты, требующую научного осмысления и правового регулирования.

Актуальность темы обусловлена тем, что развитие технологий существенно опережает действующее законодательство, что приводит к возникновению правовых пробелов и коллизий. В связи с этим возникает необходимость анализа

влияния искусственного интеллекта на реализацию права на самозащиту, а также определения перспектив совершенствования правового регулирования в данной сфере.

Право на самозащиту закреплено в российском законодательстве и рассматривается как важнейший элемент механизма защиты прав и свобод человека. В частности, положения о необходимой обороне содержатся в статье 37 Уголовного кодекса Российской Федерации, согласно которой не является преступлением причинение вреда посягающему лицу при защите личности и прав обороняющегося или иных лиц, если не было допущено превышения пределов необходимой обороны [2]. Данное положение традиционно интерпретируется применительно к действиям человека, осуществляемым в условиях непосредственной угрозы.

В современной юридической науке самозащита рассматривается в более широком контексте - как часть общей системы правозащитной деятельности. Так, Д.С. Велиева подчёркивает, что защита прав человека представляет собой комплексную деятельность, направленную на устранение препятствий в реализации прав и восстановление нарушенных прав, при этом сама правозащитная деятельность возникает именно в связи с фактом нарушения прав и свобод личности [7]. Данный подход позволяет рассматривать самозащиту не изолированно, а как элемент единого механизма обеспечения прав человека, в котором важную роль играет как государство, так и сам субъект права.

Указанная позиция имеет особое значение в условиях цифровизации, когда защита прав всё чаще осуществляется с использованием технических средств. Искусственный интеллект и автоматизированные системы безопасности фактически расширяют возможности субъекта по защите своих прав без непосредственного обращения к государственным органам. В этом смысле технологическая самозащита может рассматриваться как логическое продолжение идей, сформулированных в теории правозащитной деятельности.

Вместе с тем, как следует из научных подходов, включая позицию Д.С. Велиевой, эффективность защиты прав человека во многом зависит от согласованности всех элементов правозащитного механизма [7]. Это означает, что использование искусственного интеллекта не может рассматриваться как полностью автономный инструмент, а должно быть встроено в общую систему правового регулирования и контроля.

В условиях цифровой трансформации общества происходит изменение содержания и способов реализации данного права. Современные технологии позволяют не только реагировать на уже возникшую угрозу, но и предотвращать её на ранних стадиях. В этом контексте особую роль играет искусственный интеллект, представляющий собой совокупность технологий, способных анализировать данные, выявлять закономерности и принимать решения без непосредственного участия человека.

Использование искусственного интеллекта в системах безопасности проявляется в различных формах. Наиболее распространёнными являются системы видеонаблюдения с функцией распознавания лиц, интеллектуальные сигнализации, анализирующие поведение объектов, а также автоматизированные системы контроля доступа. Кроме того, широкое распространение получают программные средства защиты от киберугроз, которые способны самостоятельно выявлять и блокировать вредоносную активность. Таким образом, самозащита приобретает превентивный характер, что отличает её от классической модели необходимой обороны.

Несмотря на очевидные преимущества использования технологий, их внедрение сопровождается рядом серьёзных правовых проблем. Прежде всего, следует отметить отсутствие комплексного правового регулирования применения искусственного интеллекта в сфере самозащиты. На сегодняшний день российское законодательство не содержит норм, прямо регулирующих использование интеллектуальных систем для защиты прав граждан. Это приводит к неопределённости в вопросах допустимости их применения и пределов вмешательства в частную жизнь.

Одной из ключевых проблем является определение ответственности за действия, совершённые с использованием искусственного интеллекта. В случае причинения вреда возникает вопрос о том, кто должен нести юридическую ответственность: владелец системы, её разработчик или иное лицо.

В научной литературе высказываются различные точки зрения по данному вопросу, однако единый подход на сегодняшний день отсутствует. Представляется, что наиболее обоснованной является концепция распределённой ответственности, учитывающая степень участия каждого субъекта в создании и эксплуатации системы.

Особого внимания заслуживает проблема соблюдения прав и свобод третьих лиц при использовании технологий самозащиты. В частности, применение систем распознавания лиц связано с обработкой персональных данных, что требует соблюдения положений Федерального закона «О персональных данных» [3]. Нарушение установленных требований может привести к существенным ограничениям права на неприкосновенность частной жизни, закреплённого в Конституции Российской Федерации [1].

Кроме того, возникает вопрос о допустимости автоматизированного принятия решений в ситуациях, требующих оценки конкретных обстоятельств. В отличие от человека, искусственный интеллект действует на основе заранее заданных алгоритмов и не способен учитывать все нюансы

конкретной ситуации. В связи с этим представляется необходимым закрепление на законодательном уровне принципа обязательного контроля со стороны человека за функционированием таких систем.

Перспективы развития правового регулирования в данной сфере связаны с необходимостью формирования комплексного подхода к использованию искусственного интеллекта. В первую очередь требуется разработка специальных нормативных актов, устанавливающих правовые основы применения интеллектуальных систем в целях самозащиты. Такие акты должны определять требования к безопасности технологий, условия их использования, а также механизмы защиты прав граждан.

Важным направлением является также совершенствование законодательства о персональных данных с учётом особенностей функционирования интеллектуальных систем. Необходимо обеспечить баланс между эффективностью использования технологий и соблюдением прав человека. В этом контексте особое значение приобретает внедрение принципов прозрачности и подотчётности алгоритмов.

Следует отметить, что определённый интерес представляет зарубежный опыт регулирования искусственного интеллекта. В ряде государств уже предпринимаются попытки разработки специальных правовых режимов, направленных на регулирование использования подобных технологий. Изучение и адаптация таких подходов может способствовать формированию эффективной национальной модели правового регулирования.

Таким образом, развитие искусственного интеллекта оказывает существенное влияние на содержание и формы реализации права на самозащиту. Технологии позволяют повысить эффективность защиты прав граждан, однако одновременно создают новые правовые риски, связанные с ответственностью, соблюдением прав третьих лиц и возможностью превышения пределов допустимой защиты.

В условиях отсутствия комплексного регулирования возникает необходимость разработки соответствующей нормативной базы, обеспечивающей баланс между интересами безопасности и соблюдением прав и свобод человека. Решение данной задачи требует комплексного подхода, учитывающего как национальные особенности правовой системы, так и международный опыт.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст.2954.

[3] Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч.I). Ст.3451.

[4] Баранов А.А. Искусственный интеллект и право: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2021. № 5. С. 45–56.

[5] Гаджиев Г.А. Цифровизация и права человека // Государство и право. 2020. № 9. С. 12–23.

[6] Талапина Э.В. Право и искусственный интеллект: современные вызовы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 4–15.

[7] Велиева Д. С. Обеспечение баланса частных и публичных интересов в правозащитной деятельности // Конституционные идеалы и ценности в практической демократии. Саратов, 2016. С. 84–87.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 31. Article 4398.

[2] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on February 20, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Article 2954.

[3] Federal Law of the Russian Federation of July 27, 2006 No. 152-FZ «On Personal Data» (as amended on June 24, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part I). Article 3451.

[4] Baranov A.A. Artificial Intelligence and Law: Problems and Prospects // Journal of Russian Law. 2021. No. 5. pp. 45–56.

[5] Gadzhiev G.A. Digitalization and Human Rights // State and Law. 2020. No. 9. pp. 12–23.

[6] Talapina E.V. Law and Artificial Intelligence: Modern Challenges // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. No. 3. pp. 4–15.

[7] Velieva D.S. Ensuring a Balance of Private and Public Interests in Human Rights Activities // Constitutional Ideals and Values in Practical Democracy. Saratov, 2016. pp. 84–87.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 15.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-3-67-73

ШВАЛЕВ Константин Дмитриевич,
аспирант, Уральский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: k.shvalev@yandex.ru

Научный руководитель:
ЧОРНОВОЛ Евгений Петрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Уральского института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Почетный работник высшего профессионального образования России,
Екатеринбург, Россия,
e-mail: echornovol@mail.ru

ИСКЛЮЧЕНИЕ ИМУЩЕСТВА ИЗ КОНКУРСНОЙ МАССЫ В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ НАСЛЕДОДАТЕЛЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация. *В статье исследуются теоретические и практические проблемы исключения имущества из конкурсной массы в деле о банкротстве наследодателя, в частности, жилого помещения. При этом речь идет не столько о защите прав этого лица, сколько о защите прав наследников и иных лиц, имеющих те или иные права и интересы по отношению к наследственному имуществу. Анализируется противоречивая судебная практика по вопросам значения совместного проживания наследника с наследодателем, исключения из конкурсной массы доли в праве собственности на жилое помещение, а также возможности предоставления наследникам замещающего жилья. Методология исследования основывается на диалектическом методе познания в рамках материалистического подхода в сочетании с частнонаучными методами изучения социальных и правовых явлений: анализа и синтеза, наблюдения и сравнения, моделирования и конструирования соответствующих правоположений. На основании проведенного изыскания сформулирован вывод о необходимости функционального, а не формального подхода к исполнительскому иммунитету относительно жилого помещения, исходя из баланса интересов кредиторов наследодателя и наследников, нуждающихся в защите права на жилье. Положения и выводы анализа данной проблемы могут использоваться в правотворческой и правоприменительной практике соответствующих правоположений, научной деятельности, а также учебном процессе подготовки юристов.*

Ключевые слова: *банкротство наследодателя, наследственная масса, конкурсная масса, состав и пределы объема подлежащих исполнению обязательств наследодателя, исполнительский иммунитет, единственное жилье, наследники, доля в праве собственности на жилье, лица, совместно проживавшие с наследодателем, баланс интересов кредиторов и наследников, замещающее жилье.*

SHVALEV Konstantin Dmitrievich,
Postgraduate Student, Ural Institute of Management –
Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
Yekaterinburg, Russia

Academic Supervisor:
CHORNOVOL Evgeny Petrovich,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure,
Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Honored Worker of Higher Professional Education of Russia,
Yekaterinburg, Russia

EXCLUSION OF PROPERTY FROM THE BANKRUPTCY ESTATE IN A TESTATOR'S BANKRUPTCY PROCEEDING: THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES

Annotation. *This article examines the theoretical and practical issues of excluding property from the bankruptcy estate of a testator, specifically residential premises. This article focuses not so much on protecting the rights of this person, but rather on protecting the rights of heirs and other persons with certain rights and interests in the inherited property. It analyzes conflicting judicial practice regarding the significance of cohabitation between the heir and the testator, the exclusion of a share in the ownership of residential premises from the bankruptcy estate, and the possibility of providing heirs with substitute housing. The research methodology is based on the dialectical method of cognition within the framework of a materialistic approach, combined with specific scientific methods of studying social and legal phenomena: analysis and synthesis, observation and comparison, modeling, and the construction of relevant legal provisions. Based on the conducted research, a conclusion is formulated regarding the need for a functional, rather than formal, approach to enforcement immunity with respect to residential premises, based on the balance of interests of the testator's creditors and the heirs who require protection of their right to housing. The provisions and conclusions of the analysis of this problem can be used in law-making and law enforcement practice of relevant legal provisions, scientific activities, as well as in the educational process of training lawyers.*

Key words: *bankruptcy of the testator, inheritance estate, bankruptcy estate, composition and limits of the volume of the testator's obligations subject to execution, executive immunity, sole housing, heirs, share in the right of ownership of housing, persons who lived together with the testator, balance of interests of creditors and heirs, replacement housing.*

Практические и теоретические аспекты проблемы исключения имущества из конкурсной массы занимают особое место в деле о банкротстве наследодателя. С одной стороны, сама процедура банкротства умершего должника направлена на консолидацию наследственного имущества и его использование для удовлетворения требований кредиторов наследодателя. С другой стороны, законодатель в силу индивидуального и общественного начал наследственного права, на которые обратил внимание выдающийся русский цивилист И. А. Покровский [4, с. 308] еще в начале XX в., в ракурсе конституционного принципа социальной сущности Российской государственности не вправе игнорировать социальную функцию исполнительского иммунитета, связанную с защитой права наследников и иных лиц на отдельные виды имущества, и прежде всего, жилое помещение, а также земельный участок, на котором оно расположено, входящих в наследственную массу, за счет которой формируется конкурсная масса.

Специфика банкротства наследственной массы состоит в том, что должник как физическое лицо уже умер, а потому защита жилищных прав переносится на наследников и иных лиц, для которых жилое помещение, входящее в состав наследства, может являться единственным пригодным для постоянного проживания. Именно это обстоятельство отличает рассматриваемую процедуру как от обычного банкротства гражданина, так и от классической модели исполнения обязательств наследодателя в рамках универсального правопреемства.

Законодатель, развивая идею исполнительского иммунитета применительно к наследственной массе, закрепил специальное регулирование в п. 7 ст. 223.1 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон о банкротстве), установив возможность исключения из конкурсной массы жилого помещения (его частей), если оно является единственным пригодным для постоянного проживания для гражданина-должника и совместно проживающих с ним членов семьи, а также соответствующего земельного участка, за исключением случаев ипотеки. При этом указанная норма предусматривает дифференцированный подход в зависимости от стадии наследственного процесса.

До истечения срока принятия наследства имущество не включается в конкурсную массу, если в нем проживают лица, имеющие право на обязательную долю, и для них данное жилье является единственным пригодным для проживания. По истечении этого срока решающим стано-

вится критерий признания жилья единственным уже для наследника. Тем самым законодатель вводит модифицированный исполнительский иммунитет, адаптированный к процедуре банкротства наследодателя и отличающийся от классической конструкции, закрепленной в абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ. В этой связи заслуживает внимания вывод Ю. С. Поварова о том, что «рассмотренное нормирование являет собой попытку сбалансированного учета интересов кредиторов и наследников умершего гражданина-банкрота (в одних случаях предпочтение отдается кредиторам, в других — наследникам)» [3, с. 270].

Аналогия с п. 3 ст. 213.25 Закона о банкротстве, допускающим исключение из конкурсной массы единственного жилья живого гражданина-должника, позволяет говорить о стремлении законодателя сохранить единый социально-правовой стандарт защиты права на жилище. При этом касательно банкротства умершего должника законодатель ориентируется прежде всего на наследников, что отличает данную конструкцию от исполнительского иммунитета в общем гражданском процессе.

В обычном исполнительном производстве исполнительский иммунитет защищает самого должника и членов его семьи. В банкротстве наследодателя акцент защиты переносится на наследников и иных лиц, состоявших в той или иной правовой связи с наследодателем. Вследствие данного обстоятельства правоприменительные органы не вправе механически интерпретировать положения п. 7 ст. 223.1 Закона о банкротстве, а исходить из их функционального назначения. Как справедливо отмечает С. Д. Рабина, «законодатель не указывает, должны ли входить наследники в круг членов семьи умершего и должны ли такие наследники совместно с наследодателем проживать. Вероятно, такая редакция выбрана не случайно, ведь наследодатель мог оставить завещание и назначить в нем наследников, не являющихся членами его семьи, но являющихся близкими людьми для наследодателя» [5, с. 16].

Действительно, если лица, претендующие на обязательную долю в наследстве, в большинстве случаев являются членами семьи наследодателя, то наследники по завещанию совсем не обязательно должны относиться к данной категории. При таких обстоятельствах возникает вопрос о критериях применения исполнительского иммунитета при банкротстве умершего должника. К примеру, может ли наследник, для которого квартира наследодателя является единственным жильем, претендовать на исключение ее из конкурсной массы, если при этом он не является членом семьи должника и не проживал с ним совместно?

С. Д. Рабина полагает, что «исполнительский иммунитет для наследников и членов семьи наследодателя распространяется на лиц, проживавших с наследодателем и продолжающих проживать в данном жилом помещении» [5, с. 17]. При этом в качестве обоснования данной точки зрения она приводит ссылку на постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.07.2021 № Ф07-4930/2021 по делу № А56-52892/2019, согласно которому признается ошибочным «вывод судов первой и апелляционной инстанций о том, что исполнительский иммунитет на реализацию единственного пригодного для постоянного проживания жилого помещения установлен лишь в отношении должника, но не иных лиц». Представляется, что приведенная аргументация автора недостаточно убедительна. Более того, полагаем, что такой формальный подход к исключению имущества из конкурсной массы не соответствует содержанию такой правовой категории, как исполнительский иммунитет. Между тем правоприменительная практика по данной категории дел довольно-таки противоречива.

Нередко суд признает достаточным основанием для исключения имущества из конкурсной массы наследодателя только факт отсутствия в собственности у наследника иного жилого помещения. Так, Арбитражный суд Московского округа в Постановлении от 21.09.2023 по делу № А40-179161/2018 признал законным исключение из конкурсной массы умершего должника квартиры, которая представляла собой единственное жилье для ее дочери (наследницы). При этом в судебных актах упоминается, что дочь ранее имела собственное жилье, которое было реализовано с торгов в ходе процедуры ее собственного банкротства.

В обоснование принятого решения суд указал, что согласно абз. 3 и 5 п. 7 ст. 223.1 Закона о банкротстве в конкурсную массу не включается жилое помещение (его части), если по истечении срока принятия наследства такое имущество является единственным пригодным для постоянного проживания помещением для наследника. «По смыслу упомянутых положений в ситуации, когда вошедшее в состав наследства имущество является единственным пригодным для постоянного проживания наследника, оно подлежит исключению из конкурсной массы в деле о банкротстве наследственной массы». При этом он отметил, что суды при рассмотрении данного дела не придали значения формулировкам, изложенным в абз. 2 п. 7 ст. 223.1 Закона о банкротстве, истолковав абзацы третий и пятый указанного пункта как самостоятельную правовую норму.

Встречаются, однако, и судебные акты, в которых суд исходит из недостаточности критерия признания жилья единственным для наследника, требуя дополнительно подтвердить факт совместного проживания с наследодателем на момент смерти последнего. Так, Арбитражный суд Поволжского округа постановлением от 09.03.2021 по делу № А12-5748/2019 сохранил в

силе судебный акт об исключении жилого дома из конкурсной массы, поскольку «признал подтвержденным факт проживания Чеботарева В.А. до момента своей смерти в спорном доме совместно с супругой, а также того, что спорный дом является для Чеботаревой О. Н. единственным пригодным для проживания».

В другом деле Арбитражный суд Поволжского округа от 27.04.2023 (дело № А55-4925/2020) признал законным включение жилого помещения в конкурсную массу наследодателя, поскольку было установлено, что должник и его наследники проживали по разным адресам, тогда как, «исходя из буквального толкования пункта 7 статьи 223.1 Закона о банкротстве, в конкурсную массу не включается жилое помещение (его части), если для гражданина-должника, членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением».

Следуя данной логике, можно прийти к нелепому выводу: если наследодатель имеет на праве собственности несколько жилых помещений, в одном из которых проживает самостоятельно, а в другом – кто-либо из его наследников, ни одно из указанных помещений не подпадет под исполнительский иммунитет, т.к. факт совместного проживания наследников с наследодателем будет опровергнут.

Жилье представляет собой одну из ключевых потребностей человека. Неслучайно право человека на жилище получило закрепление в ст. 40 Конституции РФ. Поэтому, как справедливо отмечается в юридической литературе, путем установления исполнительского иммунитета на принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности единственное жилье «решается конфликт конституционных ценностей, затрагивающих право частной собственности и его судебную защиту, с одной стороны, и право на жилище, отвечающее нормальным условиям существования, - с другой» [1, с. 28]. Следовательно, ключевым фактором, имеющим наибольшее значение при применении исполнительского иммунитета при банкротстве умершего должника, является сохранение баланса интересов кредиторов и лиц, нуждающихся в защите права жилище, а не формальное воспроизведение конструкции исполнительского иммунитета, разработанной применительно к живому должнику.

В Определении Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 № 456-О разъяснено, что положения ст. 446 ГПК РФ направлены на защиту конституционного права на жилище не только самого должника, но и членов его семьи.

Согласно ст. 31 ЖК РФ к членам семьи собственника относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и в исключительных случаях иные граждане могут быть признаны членами семьи собственника, если они вселены собственником в качестве членов своей семьи. Указанная норма воспроизводит абз. 2 ст. 53 ЖК РСФСР, в силу действия которой во времени предположить принадлежность одному гражданину нескольких жилых помещений было решительно невозможно.

С учетом изложенное, имеются основания полагать, что упоминание факта совместного проживания с наследодателем в качестве основания для исключения жилого помещения из конкурсной массы является пережитком советской эпохи. В настоящее время при применении исполнительского иммунитета в деле о банкротстве наследодателя определяющее значение должен иметь факт отсутствия у наследников иного жилого помещения, а не факт совместного проживания с ним. Таким образом, раздельное проживание наследников с наследодателем на момент его смерти при отсутствии у них собственной жилой недвижимости не должно оказывать влияние на исключение из конкурсной массы одного жилого помещения с целью защиты прав наследников на жилье. Вместе с тем критерий единственности жилья не должен применяться механически. Он требует проверки не только формального отсутствия у наследника иного жилого помещения, но и добросовестности поведения наследника, подлежащее оценке в соответствии с критериями злоупотребления правом, предусмотренными ст. 10 ГК РФ. Иначе исполнительский иммунитет может быть использован не как средство защиты права на жилище, а как инструмент вывода имущества из-под требований кредиторов наследодателя.

В качестве яркого примера недобросовестного поведения может быть признано отчуждение наследником принадлежащего ему жилого помещения накануне принятия наследства в целях соответствия критериям, необходимым для исключения имущества из конкурсной массы. Так, Верховный Суд РФ в Определении от 12.02.2026 по делу № А56-99903/2022 признал недопустимым применение исполнительского иммунитета в ситуации, когда должник, будучи осведомленным о наличии у наследодателя неисполненных обязательств перед кредитором, до принятия наследства умышленно совершил безвозмездную сделку по отчуждению жилого помещения с целью придания квартире статуса единственного жилья.

Другой аспект, порождающий неоднозначные взгляды в правоприменительной практике, связан со случаями принадлежности наследодателю не целого жилого помещения, а доли в праве собственности на него. Между тем согласно положениям п. 7 ст. 223.1 Закона о банкротстве иммунитет распространяется как на квартиру в целом, принадлежащую наследодателю, так и относительно доли в праве собственности на нее.

При этом, как показывает анализ судебной практики, нередко возникают спорные ситуации, при которых одно и то же жилое помещение находится в долевой собственности наследодателя и наследника. Основная сложность состоит в том, что, с одной стороны, наследник имеет долю в праве собственности на жилое помещение, что исключает применение к нему исполнительского иммунитета, а с другой стороны, это то же самое помещение, доля в котором также принадлежит умершему должнику, что предполагает действие исполнительского иммунитета.

В литературе встречается мнение, что «прямое толкование норм Закона о банкротстве и ГПК РФ не предполагает сохранение иммунитета на жилое помещение целиком, несмотря на то, что изначально квартира принадлежала одной семье» [5, с. 17].

Правоприменительная практика также долгое время придерживалась позиции, согласно которой наличие у наследника права собственности на долю в жилом помещении означает, что исключать из конкурсной массы долю умершего не требуется, а ее продажа не ущемляет право на жилище наследодателя (Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.07.2021 № Ф05-24710/2019 по делу № А41-108473/2015). Между тем, вполне очевидно, что новый собственник, который приобретет долю умершего должника, неизбежно причинит неудобства для проживания наследников, а квартира преобразуется в коммунальную, от чего предостерегает законодатель (См.: Федеральный закон от 14 июля 2022 года №310-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Такой подход судов порождает методологическое противоречие между вещно-правовой конструкцией доли как объекта права и социально-правовой функцией исполнительского иммунитета, направленного на защиту фактических условий проживания наследников. Современная позиция Верховного Суда РФ исходит из приоритета социального назначения иммунитета и рассматривает жилое помещение как неделимый объект защиты, если оно используется наследником и членами его семьи для совместного проживания и не является коммунальным (Определение Верховного Суда РФ от 29.03.2021 № 305-ЭС18-3299 (8) по делу № А40-25142/2017). В таких случаях иммунитет распространяется не на долю, а на объект в целом, что исключает возможность обращения взыскания на долю наследодателя независимо от ее номинального размера, что обеспечивает реальную, а не формальную защиту права на жилище и соответствует конституционному смыслу исполнительского иммунитета. В соответствии с конституционным смыслом задача исполнительского иммунитета состоит, как представляется, не в охране абстрактной доли в праве собственности, а в сохранении реальных условий проживания. Поэтому в тех случаях, когда реализация доли наследодателя объективно приведет к ухудшению жилищного положения наследника и членов его семьи, суд должен оценивать последствия такой реализации не только с точки зрения вещного права, но и с точки зрения социальной функции жилья. Указанные выводы находят подтверждение в юридической литературе. В частности, Т. Н. Иванова и В. К. Езюков отмечают, что «исполнительский иммунитет должен распространяться на долю наследодателя в единственном жилье, чтобы не ухудшить положение наследника, для которого данная квартира также является единственным жильем» [2, с. 60].

Вместе с тем специфика банкротства наследодателя заключается в потенциальной множественности наследников, находящихся в неравном положении с точки зрения жилищной обеспеченности. Регулярно возникают ситуации, когда одно и то же жилое помещение может являться единственным жильём для одного наследника и одновременно не отвечать этому критерию для другого, более обеспеченного наследника. Именно в этой точке обнаруживается существенный пробел правового регулирования. Ни закон, ни судебная практика не дают ответа на вопрос, подлежит ли исключению из конкурсной массы жилое помещение целиком или только доля наследника, для которого оно является единственным пригодным для проживания. В такой ситуации видится целесообразной разработка правового механизма передачи прав на долю, принадлежащую обеспеченному наследнику, другому (нуждающемуся в жилье) наследнику, так как именно права нуждающегося в жилье наследника подлежат защите посредством исполнительского иммунитета. Отсутствие такого механизма нарушает соблюдение баланса прав кредиторов и наследников должника, так как предполагает сохранение доли в праве собственности на жилое помещение, входящее в конкурсную массу, за наследником, имеющем в собственности иное жилое помещение. Такой подход фактически приведет к обеспечению дополнительным жильем лица, не нуждающегося в нем, тогда как требования кредиторов наследодателя окажутся без удовлетворения.

Таким образом, можно констатировать: исключение из конкурсной массы имущества, защищенного от взыскания, в делах о банкротстве наследодателя представляет собой сложный баланс между конституционным правом на жилище и интересами кредиторов. Современная судебная практика вслед за законодателем делает шаг в сторону приоритета защиты жилищных условий наследников, трактуя исполнительский иммунитет расширительно и распространяя его на весь объект недвижимости. Вместе с тем отсутствие четких законодательных критериев единственно-

сти и достаточности жилья, а также механизмов учета множественности наследников свидетельствует о необходимости дальнейшего теоретического осмысления и возможной корректировки правового регулирования этих отношений.

В контексте обсуждения исполнительского иммунитета и исключения из конкурсной массы жилого помещения необходимо также обратить внимание на то, что такое жилое помещение может превышать разумные жилищные потребности наследника. При указанных обстоятельствах закономерно возникает вопрос о допустимости и правовой природе предоставления наследнику замещающего жилья в процедуре банкротства наследодателя, который не получил нормативного разрешения ни в Законе о банкротстве, ни в ЖК РФ. Между тем он неоднократно становился предметом судебных рассмотрений при рассмотрении дел о банкротстве граждан.

Конституционный Суд РФ еще в Постановлении от 14.05.2012 № 11-П указал, что исполнительский иммунитет не носит абсолютного характера и должен распространяться лишь на жилое помещение, которое по своим объективным характеристикам является разумно достаточным для удовлетворения конституционно значимой потребности в жилище. При этом Суд прямо допустил возможность ограничения иммунитета при условии сохранения за гражданином и членами его семьи достойных жилищных условий.

В доктрине также отмечается, что достижение баланса интересов кредиторов и лиц, пользующихся защитой права на жилище, возможно не только путем полного исключения жилого помещения из конкурсной массы, но и посредством предоставления замещающего жилья, соответствующего социальным нормативам и объективным жилищным потребностям. Такой подход широко используется в зарубежных правопорядках и рассматривается как компромиссная модель между абсолютным иммунитетом и полным обращением взыскания на жилье [1, с. 28-29].

Применительно к банкротству наследодателя вопрос о замещающем жилье приобретает дополнительную специфику. Дело в том, что, во-первых, защита направлена не на самого должника, а на наследников и членов его семьи, которые не являются субъектами исполнения обязательств наследодателя. И, во-вторых, именно в делах о банкротстве наследодателя с учетом множественности наследников наиболее сложно оценить размер жилого помещения, необходимого для обеспечения жилищных прав наследников.

С теоретической точки зрения предоставление замещающего жилья наследникам не противоречит ни целям конкурсного процесса, ни социальной функции исполнительского иммунитета. Напротив, такая модель позволяет одновременно обеспечить реализацию имущества, имеющего значительную рыночную стоимость, в интересах кредиторов и сохранить за наследниками минимально необходимый уровень жилищной обеспеченности. При этом замещающее жилье должно рассматриваться не как форма возложения дополнительных обязанностей на наследников, а как элемент механизма справедливого распределения имущественных рисков, связанных с неплатежеспособностью наследодателя.

В противном случае кредиторы наследодателя лишаются возможности удовлетворения требований даже в тех случаях, когда реализация части имущественной ценности не повлекла бы ухудшения жилищных условий наследников при условии предоставления им замещающего жилья.

Сообразно этому правовой механизм предоставления замещающего жилья способен обеспечить компромисс между абсолютным исключением имущества из конкурсной массы и полной реализацией жилого помещения без учета интересов наследников. Однако его применение требует осторожности. Суд должен учитывать состав семьи наследника, фактическое использование спорного жилья, его площадь, стоимость, наличие альтернативных жилых помещений, уровень обеспеченности наследников, а также размер и характер требований кредиторов наследодателя.

Представляется, что развитие данного подхода требует законодательной конкретизации. В пункте 7 статьи 223.1 Закона о банкротстве целесообразно прямо закрепить возможность предоставления наследникам замещающего жилья в случаях, когда жилое помещение, входящее в состав наследства, явно превышает разумные жилищные потребности лиц, пользующихся исполнительским иммунитетом. Одновременно должны быть установлены минимальные гарантии: пригодность замещающего жилья для постоянного проживания, сохранение населенного пункта, условий транспортной доступности и социальной инфраструктуры, учет состава семьи, возраста, состояния здоровья и иных заслуживающих внимания обстоятельств, а также недопустимость ухудшения жилищных условий ниже социально приемлемого уровня. Кроме того, расходы на приобретение замещающего жилья и переселение должны покрываться за счет конкурсной массы до удовлетворения требований кредиторов.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод о том, что предоставление в деле о банкротстве наследодателя наследникам замещающего жилья представляет собой перспективный механизм достижения баланса между интересами кредиторов и наследников. Такая модель позволяет избежать как необоснованного сохранения за наследниками чрезмерно дорогого имущества, так и недопустимого лишения их минимальной жилищной защиты.

Список литературы:

[1] Гальперин М. Л., Бондарь Н. С., Клишас А. А., Мифтахутдинов Р. Т., Чефранова Е. А., Наумова Л., Сычкова Е., Ерохова М. А. Обращение взыскания на единственное жилье: в поисках баланса интересов // Закон. 2018. № 12. С. 27–45.

[2] Иванова Т.Н., Езюков В.К. Отдельные проблемы банкротства физических лиц в практике арбитражных судов округов // Вестник арбитражной практики. 2021. N 4. С. 52 - 62.

[3] Поваров Ю.С. Особенности рассмотрения дела о банкротстве гражданина в случае его смерти // Вестник гражданского процесса. 2016. N 5. С. 255 - 272.

[4] Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут (в серии «Классика российской цивилистики), 1998. 353 с.

[5] Рабина С. Д. Исполнительский иммунитет в деле о банкротстве наследственной массы // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2024. № 3. С. 15-19.

References:

[1] Galperin M. L., Bondar N. S., Klishas A. A., Miftakhutdinov R. T., Chefranova E. A., Naumova L., Sychkova E., Erokhova M. A. Foreclosure on the Only Housing: In Search of a Balance of Interests // Law. 2018. No. 12. pp. 27–45.

[2] Ivanova T. N., Ezyukov V. K. Certain Issues of Bankruptcy of Individuals in the Practice of District Arbitration Courts // Bulletin of Arbitration Practice. 2021. No. 4. pp. 52–62.

[3] Povarov Yu. S. Features of Consideration of a Citizen's Bankruptcy Case in the Event of His Death // Bulletin of Civil Procedure. 2016. No. 5. pp. 255–272.

[4] Pokrovsky I. A. Main Issues of Civil Law. M.: Statut (in the series «Classics of Russian Civil Law»), 1998. 353 p.

[5] Rabina S. D. Executive immunity in a bankruptcy case of an inheritance estate // Journal of Entrepreneurial and Corporate Law. 2024. No. 3. Pp. 15-19.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 15.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-3-74-80

АМИРОВА Екатерина Хатоевна,
студент, юридический факультет,
Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия,
e-mail: katya.amirova.2005@mail.ru

ЧИБИСОВ Олег Валерьевич,
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Гражданского и предпринимательского права»,
Российская государственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

СПЕЦИАЛЬНЫЙ НАЛОГОВЫЙ РЕЖИМ «НАЛОГ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД»: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. *В статье исследуется правовое регулирование специального налогового режима «Налог на профессиональный доход». Рассматриваются предпосылки его введения, нормативная основа и особенности юридической конструкции. Проводится анализ элементов налогообложения с точки зрения их влияния на правовое положение налогоплательщика и эффективность налогового администрирования. Выявляются пробелы действующего законодательства, в том числе отсутствие легальной дефиниции самозанятого, недостаточная урегулированность вопросов социального страхования и несовершенство механизмов предотвращения подмены трудовых отношений гражданско-правовыми. Обосновываются предложения по совершенствованию правового регулирования статуса самозанятых граждан.*

Ключевые слова: *самозанятые граждане, налог на профессиональный доход, специальный налоговый режим, объект налогообложения, налоговая база, налоговое администрирование, социальное страхование, правовой статус.*

AMIROVA Ekaterina Khatoevna,
Student, Faculty of Law,
Russian State Academy of Intellectual Property,
Moscow, Russia

CHIBISOV Oleg Valerievich,
Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil and Business Law,
Russian State Academy of Intellectual Property
Moscow, Russia

SPECIAL TAX REGIME «PROFESSIONAL INCOME TAX»: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Annotation. *The article examines the legal regulation of the special tax regime «Professional Income Tax.» It considers the prerequisites for its introduction, the regulatory framework, and the features of the legal structure. The article analyzes the elements of taxation in terms of their impact on the legal status of taxpayers and the effectiveness of tax administration. The article identifies gaps in the current legislation, including the*

lack of a legal definition of self-employed individuals, the insufficient regulation of social insurance issues, and the imperfect mechanisms for preventing the substitution of labor relations with civil law relations. The article substantiates proposals for improving the legal regulation of the status of self-employed individuals.

Key words: *self-employed citizens, professional income tax, special tax regime, object of taxation, tax base, tax administration, social insurance, legal status.*

Конституция Российской Федерации в пункте 1 статьи 37 закрепляет право каждого свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Реализация данного конституционного положения в условиях цифровизации экономики и трансформации рынка труда обусловила появление новых форм занятости, не подпадающих под традиционное регулирование трудового и налогового законодательства. Согласно данным социологического мониторинга, проведённого РАНХиГС в 2019 году, доля граждан, занятых в неформальном секторе экономики, составила 32,5 процента от экономически активного населения, что составляет около 25 миллионов человек. Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» была поставлена задача по обеспечению благоприятных условий осуществления деятельности самозанятыми гражданами, что предусмотрено пунктом 13 названного Указа. Во исполнение указанной задачи Федеральным законом от 27 ноября 2018 года № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» был введён в действие новый специальный налоговый режим. Изначально его применение ограничивалось территорией четырёх субъектов Российской Федерации: Москвы, Московской области, Калужской области и Республики Татарстан. К январю 2020 года к эксперименту присоединились ещё девятнадцать регионов, а в течение 2020 года действие режима было распространено на всю территорию Российской Федерации. С 1 января 2023 года режим стал доступен также на территории города Байконур. Срок проведения эксперимента установлен до 31 декабря 2028 года включительно. Правовую основу специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» помимо Федерального закона № 422-ФЗ составляют Федеральный закон от 27 ноября 2018 года № 423-ФЗ, внёсший изменения в статьи 56 и 146 Бюджетного кодекса Российской Федерации, и Федеральный закон от 27 ноября 2018 года № 425-ФЗ, внёсший изменения в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации. В соответствии с пунктом 7 статьи 12 Налогового кодекса Российской Федерации специальные налоговые режимы отнесены к федеральным налогам и сборам. Согласно части 1 статьи 18 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) под специальным налоговым режимом понимается особый порядок определения элементов налогообложения, а также освобождение от обязанности по уплате отдельных налогов и сборов, предусмотренных статьями 13–15 Кодекса.

Вместе с тем анализ нормативной базы выявляет существенный пробел правового регулирования, касающийся отсутствия легальной дефиниции понятий «самозанятый» и «самозанятость». Федеральный закон № 422-ФЗ не содержит соответствующих определений, ограничиваясь указанием в части 1 статьи 4 на то, что налогоплательщиками налога на профессиональный доход (далее – НПД) признаются физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, перешедшие на данный специальный налоговый режим. В научной литературе предпринимаются попытки доктринального толкования данного понятия. Так, Е.И. Мироненко определяет самозанятых как физических лиц, извлекающих доход от личной деятельности без привлечения наёмных работников, не выступающих работодателями и не состоящих в трудовых отношениях. О.А. Тарасенко характеризует самозанятость как социально-экономическое и правовое явление, требующее самостоятельного научного осмысления. Н.В. Черных обосновывает необходимость формирования самостоятельного правового статуса самозанятых, отличного от статуса работника по трудовому договору и от статуса индивидуального предпринимателя, и указывает, что самозанятый должен занимать промежуточное положение между указанными категориями. Отсутствие законодательного закрепления понятийного аппарата создаёт правовую неопределённость, затрудняет квалификацию деятельности физических лиц и разграничение самозанятости со смежными правовыми институтами, а также порождает риски неоднородной правоприменительной практики.

Часть 2 статьи 4 Федерального закона № 422-ФЗ устанавливает перечень лиц, которые не вправе применять специальный налоговый режим. К ним отнесены лица, осуществляющие перепродажу товаров и имущественных прав, за исключением продажи имущества, использовавшегося ими для личных нужд; лица, имеющие работников, с которыми заключены трудовые договоры; налогоплательщики, доходы которых превысили 2,4 миллиона рублей в текущем календарном году; а также лица, осуществляющие деятельность, прямо исключённую из сферы применения режима. Установление верхнего предела дохода на уровне 2,4 миллиона рублей в год выполняет двоякую функцию. С одной стороны, оно обеспечивает адресность режима, ориентируя его на

граждан с относительно небольшими доходами от самостоятельной деятельности, что соответствует целям эксперимента. С другой стороны, данное ограничение создаёт риск прекращения применения режима при превышении порогового значения, что вынуждает налогоплательщика переходить на иные системы налогообложения, сопряжённые с более высокой административной и фискальной нагрузкой. При этом закон допускает привлечение самозанятым исполнителей по гражданско-правовым договорам, что позволяет расширить масштаб деятельности без возникновения трудовых отношений. Для налогового органа установление чётких критериев исключений из числа налогоплательщиков НПД служит инструментом предотвращения нецелевого использования режима.

Переходя к анализу элементов налогообложения, необходимо последовательно рассмотреть каждый из них через призму интересов налогоплательщика и налогового органа. Согласно части 1 статьи 6 Федерального закона № 422-ФЗ объектом налогообложения признаются доходы от реализации товаров, работ, услуг, имущественных прав. В качестве исключений из объекта налогообложения закон выделяет: доходы, получаемые в рамках трудовых отношений; доходы от продажи недвижимого имущества и транспортных средств; доходы, полученные в натуральной форме; а также доходы от оказания услуг по гражданско-правовым договорам при условии, что заказчиками выступают текущие или бывшие работодатели налогоплательщика. Последнее исключение, предусмотренное подпунктом 8 пункта 2 статьи 6 Закона, заслуживает особого внимания. Оно направлено на предотвращение злоупотреблений, связанных с подменой трудовых договоров гражданско-правовыми с самозанятыми, и устанавливает двухлетний период после прекращения трудовых отношений, в течение которого бывший работник не вправе применять НПД при оказании услуг бывшему работодателю. Данная норма призвана защитить интересы работника и сохранить поступление налога на доходы физических лиц и страховых взносов. Вместе с тем на практике остаётся проблема обхода указанного ограничения: работодатель может понуждать работника к увольнению с последующей регистрацией в качестве самозанятого для заключения гражданско-правового договора через аффилированное юридическое лицо. Таким образом, нормативный запрет не в полной мере достигает цели, что требует дополнительного законодательного регулирования, включая установление административной ответственности работодателей за подобные действия. Для добросовестного налогоплательщика данное исключение из объекта налогообложения является нейтральным, тогда как для налогового органа оно выступает важным, хотя и небезупречным, механизмом противодействия уклонению от уплаты обязательных платежей.

Налоговой базой в соответствии со статьёй 8 Федерального закона № 422-ФЗ признаётся денежное выражение дохода, полученного от реализации товаров, работ, услуг, имущественных прав. Законодатель не предусмотрел возможности уменьшения налоговой базы на сумму фактически произведённых расходов, что отличает НПД от упрощённой системы налогообложения с объектом «доходы минус расходы». Для налогоплательщика, чья деятельность сопряжена со значительными материальными издержками, невозможность учёта расходов при определении налоговой базы является очевидным недостатком режима, поскольку увеличивает реальную фискальную нагрузку по отношению к чистому доходу. Для налогового органа применение метода «доходы» без учёта расходов, напротив, упрощает администрирование, исключая необходимость проверки обоснованности и документального подтверждения затрат. С точки зрения юридической техники подобный подход законодателя оправдан упрощённым характером режима, однако он может снижать привлекательность НПД для отдельных категорий граждан, чья деятельность носит затратный характер, и косвенно способствовать сохранению части таких налогоплательщиков в теневом секторе.

Налоговые ставки согласно статье 10 Федерального закона № 422-ФЗ установлены в размере 4 процентов в отношении доходов от реализации физическим лицам и 6 процентов в отношении доходов от реализации индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам. При первичной регистрации налогоплательщику предоставляется налоговый вычет в размере 10 000 рублей, позволяющий применять пониженные ставки 3 и 4 процента соответственно до момента исчерпания суммы вычета. Размер налоговых ставок по НПД существенно ниже ставки налога на доходы физических лиц (13 процентов) и ставок по иным специальным налоговым режимам. Данное обстоятельство выступает ключевым стимулом для легализации деятельности граждан, ранее осуществлявших её без государственной регистрации и уплаты налогов. Вместе с тем дифференциация ставок в зависимости от статуса покупателя, на которую Счётная палата Российской Федерации обращала внимание ещё на стадии законопроекта в заключении от 23 октября 2018 года № ЗСП-183/03-01, создаёт неравные экономические условия для самозанятых в зависимости от категории заказчика. Для налогоплательщика это означает, что реализация товаров и услуг физическим лицам является более выгодной, чем взаимодействие с субъектами предпринимательской деятельности. Для налогового органа дифференциация ставок усложняет контроль за правильностью их применения и создаёт потенциальный стимул для занижения ставки путём дробления заказов юридических

лиц на операции, оформленные на физических лиц. Установление единой ставки, как предлагалось Счётной палатой, могло бы устранить данную коллизию, однако законодатель не реализовал это предложение.

Налоговый период согласно статье 9 Федерального закона № 422-ФЗ составляет один календарный месяц. Продолжительность налогового периода в один месяц является сравнительно короткой и обеспечивает регулярность и равномерность поступления налоговых платежей в бюджет. Для налогоплательщика это означает необходимость ежемесячного резервирования денежных средств для исполнения налоговой обязанности, что может создавать определённые неудобства при неравномерном поступлении дохода. Для налогового органа короткий налоговый период увеличивает оперативность поступления средств в бюджет и позволяет быстрее выявлять отклонения в динамике уплаты налога, однако одновременно возрастает и периодичность контрольных мероприятий.

Порядок исчисления и уплаты налога урегулирован статьёй 11 Федерального закона № 422-ФЗ. Особенностью НПД является то, что налоговый орган исчисляет сумму налога самостоятельно на основании сведений, переданных налогоплательщиком, и уведомляет его через мобильное приложение «Мой налог» не позднее 12-го числа месяца, следующего за истекшим налоговым периодом. Уплата налога производится не позднее 28-го числа месяца, следующего за истекшим налоговым периодом. Возложение обязанности по исчислению налога на налоговый орган, а не на налогоплательщика, является существенным отличием НПД от большинства иных налогов и сборов. Данный механизм минимизирует риск ошибок при расчёте налоговой базы и суммы налога, снижает вероятность возникновения недоимки по вине налогоплательщика. Для налогоплательщика это является безусловным преимуществом, поскольку избавляет от необходимости самостоятельного ведения налогового учёта и составления отчётности. Для налогового органа централизованное исчисление налога позволяет обеспечить единообразие применения норм законодательства и повысить точность начисления платежей.

Порядок регистрации в качестве налогоплательщика НПД осуществляется через мобильное приложение «Мой налог» без личного посещения налогового органа. Статья 14 Федерального закона № 422-ФЗ регулирует порядок передачи сведений о произведённых расчётах в налоговый орган и формирования чеков, которые в электронной форме передаются покупателю или заказчику. Цифровой формат взаимодействия налогоплательщика и налогового органа существенно снижает административные издержки обеих сторон. Однако данный механизм порождает и определённые риски. Переход к полностью цифровому документообороту означает, что фиксация дохода зависит исключительно от добросовестности налогоплательщика, обязанного внести сведения о совершённой операции в приложение. В ситуации, когда расчёт производится наличными денежными средствами и не сопровождается выдачей чека по инициативе покупателя, у налогоплательщика возникает техническая возможность не отражать поступивший доход в приложении, что влечёт занижение налоговой базы. Таким образом, проблема ухода лиц от уплаты налога при сохранении формального статуса самозанятого остаётся актуальной, и эффективность её решения напрямую зависит от развития механизмов налогового контроля, включая интеграцию приложения «Мой налог» с банковскими сервисами и платформенными компаниями, через которые самозанятые получают заказы.

Отсутствие обязанности по уплате обязательных страховых взносов является ещё одной принципиальной особенностью специального налогового режима, которая влечёт значимые правовые последствия в сфере социального страхования. В сфере обязательного пенсионного страхования Федеральным законом от 15 декабря 2001 года № 167-ФЗ (пункт 1 статьи 29) самозанятым предоставлено право добровольно вступать в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию и уплачивать страховые взносы. При этом самозанятый вправе приобрести страховой стаж и пенсионные коэффициенты в полном объёме, тогда как иным физическим лицам, не уплачивающим страховые взносы, предоставлено право покупки не более половины необходимого стажа. Для налогоплательщика добровольность формирования пенсионных прав означает, что при неиспользовании данного права трудовая деятельность в статусе самозанятого не будет учтена при назначении страховой пенсии. Для государства добровольный характер пенсионного страхования самозанятых снижает нагрузку на пенсионную систему в краткосрочной перспективе, но создаёт риски увеличения числа граждан, не имеющих достаточного страхового стажа для получения страховой пенсии в будущем. В сфере обязательного медицинского страхования согласно пункту 2 части 1 статьи 10 Федерального закона от 29 ноября 2010 года № 326-ФЗ самозанятые отнесены к числу застрахованных лиц, а финансирование их медицинской помощи осуществляется за счёт части налога на профессиональный доход, перечисляемой в бюджет Федерального фонда обязательного медицинского страхования. В сфере же обязательного социального страхования на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством законодатель не включил самозанятых в число застрахованных лиц. Данный пробел влечёт отсутствие у самозанятых права на получение пособий по временной нетрудо-

способности и по беременности и родам, что ставит их в неравное положение по сравнению с лицами, работающими по трудовому договору. Отсутствие трудовых отношений также означает отсутствие таких гарантий, как ежегодный оплачиваемый отпуск и выходное пособие, а также невозможность применения механизмов защиты от безработицы. Дополнительной проблемой является отсутствие у самозанятых системы официального признания профессиональной квалификации, что снижает их конкурентоспособность на рынке труда и препятствует профессиональной идентификации.

Несмотря на обозначенные недостатки, статистические данные Федеральной налоговой службы свидетельствуют о востребованности специального налогового режима и его эффективности в достижении целей легализации деятельности самозанятых граждан. По состоянию на 31 января 2021 года количество самозанятых, зафиксировавших свой статус, составляло 2 069 373 человека, а по состоянию на 31 января 2025 года указанный показатель достиг 12 466 577 человек. К марту 2025 года число зарегистрированных самозанятых превысило 13 миллионов. Совокупный доход самозанятых с момента введения режима по состоянию на 1 апреля 2023 года составил 13,5 миллиарда рублей, увеличившись за последующий год вдвое и превысив 27 миллиардов рублей. Общая сумма перечисленных налогов превысила 1 миллиард рублей. За время действия режима самозанятыми сформировано 26,7 миллиона чеков, из которых 88,7 процента выписаны физическим лицам. Распределение налоговых поступлений осуществляется в соответствии со статьёй 56 Бюджетного кодекса Российской Федерации, согласно которой 63 процента налога на профессиональный доход зачисляется в бюджет субъекта Российской Федерации, что обуславливает заинтересованность регионов в расширении практики применения данного режима. Приведённые данные подтверждают постепенное достижение целей эксперимента, однако не снимают необходимости дальнейшего совершенствования законодательства.

На основании проведённого анализа представляется возможным сформулировать следующие предложения по совершенствованию правового регулирования деятельности самозанятых граждан;

- необходимо законодательно закрепить легальную дефиницию самозанятого в тексте Федерального закона № 422-ФЗ. \ разработать дополнительные критерии разграничения профессионального дохода от иных видов доходов физических лиц в целях исключения неправомерного применения режима.
- включить самозанятых в систему обязательного социального страхования на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством с предоставлением права добровольной уплаты страховых взносов.
- установить административную ответственность работодателей за действия по принуждению работников к прекращению трудовых отношений и регистрации в качестве самозанятых
- рассмотреть возможность применения метода «доходы минус расходы» для отдельных категорий самозанятых.
- ввести использование коэффициента-дефлятора при определении предельного размера доходов.
- предусмотреть механизм льготного кредитования самозанятых с учётом их налоговой истории, формируемой в приложении «Мой налог».

Таким образом, специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» представляет собой экспериментальный правовой механизм, направленный на легализацию деятельности самозанятых граждан. Его введение способствовало значительному увеличению числа лиц, осуществляющих деятельность в правовом поле, и росту налоговых поступлений. Вместе с тем правовое регулирование статуса самозанятых характеризуется наличием пробелов, требующих устранения. Отсутствие легальной дефиниции самозанятого, недостаточная урегулированность вопросов социального страхования, несовершенство механизмов предотвращения злоупотреблений, связанных с переквалификацией трудовых отношений, а также сохраняющаяся проблема ухода лиц от уплаты налога при наличии формального статуса самозанятого – все эти факторы снижают эффективность правового института и требуют системных изменений законодательства. Реализация предложенных мер позволит повысить правовую определённость статуса самозанятых, обеспечить баланс интересов налогоплательщиков и государства, усилить социальную защищённость данной категории граждан и минимизировать риски нецелевого использования специального налогового режима. При этом необходимо обеспечить постоянный мониторинг правоприменительной практики и своевременное внесение корректив в нормативно-правовую базу с учётом выявляемых проблем и изменяющихся экономических условий.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм. от 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

[2] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 02.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

[3] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от

30.09.2024) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

[4] Федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 51. Ст. 4832.

[5] Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 49. Ст. 6422.

[6] Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (ред. от 28.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49. Ст. 7494.

[7] Федеральный закон от 27.11.2018 № 423-ФЗ «О внесении изменений в статьи 56 и 146 Бюджетного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49. Ст. 7495.

[8] Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

[9] Воловская Н.М., Плюснина Л.К., Русина А.А. Самозанятость как форма занятости: преимущества и недостатки // Экономика труда. – 2020. – № 3.

[10] Елина В. А. Налоговое регулирование деятельности самозанятых граждан / В. А. Елина // Молодые исследователи - современной России : сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 02 декабря 2024 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2024. – С. 102-107.

[11] Крюкова Е.С., Рузанова В.Д. Нестандартные формы занятости: правовой аспект // Юридический вестник. – 2021. – № 5.

[12] Кузь А. И. Налог на профессиональный доход для самозанятых: теория и практика / А. И. Кузь, А. С. Мустафаева, С. С. Потопальский // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях : Сборник статей по результатам IV международной научно-практической конференции, Симферополь, 01-04 апреля 2025 года. – Симферополь: Издательство «Научный мир», 2025. – С. 500-507.

[13] Мироненко Е. И. Проблемы правового регулирования социального обеспечения самозанятых // Образование и право. 2022. №11. С. 54-57.

[14] Наконечная Т. В. Налоговое регулирование деятельности самозанятых граждан: недостатки и перспективы развития / Т. В. Наконечная, Л. Р. Назырова // Современные технологии управления. – 2022. – № 2(98). 8 с.

[15] Статистические данные ФНС России по показателю «Количество самозанятых граждан» // Федеральная налоговая служба. – URL: https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html (дата обращения: 10.05.2026).

[16] Тарасенко О.А. Самозанятость как социально-экономическое и правовое явление // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 1.

[17] Ткаченко И. Д. Проблемы и перспективы развития правового регулирования статуса самозанятого в России / И. Д. Ткаченко // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2025. – № 4(104). – С. 823-827.

[18] Черных Н. В. Труд самозанятых - новая ли форма нетипичной занятости? // Актуальные проблемы российского права. 2021. №12 (133). С. 98-108.

[19] Заключение Счетной палаты Российской Федерации от 23.10.2018 № ЗСП-183/03-01 на проект федерального закона № 551845-7 «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”» // Система обеспечения законодательной деятельности. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/download/4c5bfad0-7de1-4560-82d6-e6ffa43d7cbd (дата обращения: 12.05.2026).

[20] Статистические данные Федеральной налоговой службы по показателю «Количество самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим “Налог на профессиональный доход”» // Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. – URL: https://rmsp.nalog.gov.ru/statistics2.html (дата обращения: 12.05.2026).

[21] Данные социологического мониторинга РАНХиГС о доле населения, занятой в неформальном секторе экономики // Газета «Коммерсантъ» №189 от 16.10.2019, стр. 2 – URL: (2019 год) https://www.kommersant.ru/doc/4126466 (дата обращения: 12.05.2026).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, as amended on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 25.

[2] Budget Code of the Russian Federation of 31.07.1998 No. 145-FZ (as amended on 02.11.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 31. Art. 3823.

[3] Tax Code of the Russian Federation (Part One) of 31.07.1998 No. 146-FZ (as amended on 30.09.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 31. Art. 3824.

[4] Federal Law of 15.12.2001 No. 167-FZ «On Compulsory Pension Insurance in the Russian Federation» (as amended on 25.12.2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 51. Art. 4832.

[5] Federal Law of 29.11.2010 No. 326-FZ «On Compulsory Medical Insurance in the Russian Federation» (as amended on 25.12.2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2010. No. 49. Art. 6422.

[6] Federal Law of 27.11.2018 No. 422-FZ «On Conducting an Experiment to Establish a Special Tax Regime «Tax on Professional Income» (as amended on 28.12.2022) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 49. Article 7494.

[7] Federal Law of 27.11.2018 No. 423-FZ «On Amendments to Articles 56 and 146 of the Budget Code of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 49. Article 7495.

[8] Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2018 No. 204 «On National Goals and Strategic Objectives for the Development of the Russian Federation through 2024» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 20. Art. 2817.

[9] Volovskaya N.M., Plyusnina L.K., Rusina A.A. Self-employment as a form of employment: advantages and disadvantages // Labor Economics. - 2020. - No. 3.

[10] Elina V.A. Tax regulation of the activities of self-employed citizens / V.A. Elina // Young researchers - modern Russia: collection of articles from the VI International scientific and practical conference, Petrozavodsk, December 02, 2024. - Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership «New Science» (IP Ivanovskaya I.I.), 2024. - Pp. 102-107.

[11] Kryukova E.S., Ruzanova V.D. Non-standard forms of employment: legal aspect // Legal Bulletin. – 2021. – No. 5.

[12] Kuz A. I. Tax on professional income for the self-employed: theory and practice / A. I. Kuz, A. S. Mustafayeva, S. S. Potopalsky // Issues of judicial activity and law enforcement in modern conditions: Collection of articles based on the results of the IV international scientific and practical conference, Simferopol, April 1-4, 2025. – Simferopol: Scientific World Publishing House, 2025. – Pp. 500-507.

[13] Mironenko E. I. Problems of legal regulation of social security of the self-employed // Education and Law. 2022. No. 11. Pp. 54-57.

[14] Nakonechnaya T. V. Tax regulation of the activities of self-employed citizens: shortcomings and development prospects / T. V. Nakonechnaya, L. R. Nazirova // Modern management technologies. - 2022. - No. 2 (98). 8 p.

[15] Statistical data of the Federal Tax Service of Russia on the indicator «Number of self-employed citizens» // Federal Tax Service. - URL: https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html (date of access: 10.05.2026).

[16] Tarasenko O. A. Self-employment as a socio-economic and legal phenomenon // Actual problems of Russian law. - 2020. - No. 1.

[17] Tkachenko I. D. Problems and prospects for the development of legal regulation of the status of the self-employed in Russia / I. D. Tkachenko // Skif. Issues of Student Science. – 2025. – No. 4 (104). – P. 823-827.

[18] Chernykh N. V. Self-employed labor: a new form of atypical employment? // Current issues of Russian law. 2021. No. 12 (133). P. 98-108.

[19] Conclusion of the Accounts Chamber of the Russian Federation dated October 23, 2018 No. ZSP-183/03-01 on draft federal law No. 551845-7 «On conducting an experiment to establish a special tax regime «Tax on professional income»» // System for supporting legislative activity. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/download/4c5bfad0-7de1-4560-82d6-e6ffa43d7cbd (date accessed: 12.05.2026).

[20] Statistical data of the Federal Tax Service on the indicator «Number of self-employed citizens who have recorded their status and apply the special tax regime «Tax on professional income»» // Unified Register of Small and Medium-Sized Businesses. – URL: https://rmsp.nalog.gov.ru/statistics2.html (date accessed: 12.05.2026).

[21] Data from the sociological monitoring of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration on the share of the population employed in the informal sector of the economy // Kommersant newspaper No. 189 of 10/16/2019, p. 2 – URL: (2019) https://www.kommersant.ru/doc/4126466 (date accessed: 05/12/2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 15.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-3-81-84

НИКОЛЕНКО Виктория Александровна,
студентка Крымского филиала
ФГБОУ ВО «РГУП имени В.М. Лебедева»,
Симферополь, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ КОРРУПЦИИ И УГОЛОВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРАКТИКА ПЕРЕКВАЛИФИКАЦИИ СТ. 19.28 КОАП РФ И СТ. 204 УК РФ

Аннотация. *В настоящей статье исследуются проблемы разграничения административной ответственности юридических лиц за незаконное вознаграждение (ст. 19.28 КоАП РФ) и уголовной ответственности за коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ). Анализируются законодательные конструкции объективной стороны указанных составов, выявляются трудности, связанные с определением субъекта правонарушения и установлением факта действия «в интересах юридического лица». Рассматриваются подходы судов к переквалификации деяний, а также последствия привлечения юридического лица к административной ответственности при отсутствии обвинительного приговора в отношении физического лица. На основе изученных источников формулируются предложения по совершенствованию нормативного регулирования.*

Ключевые слова: *коммерческий подкуп, административная ответственность, юридическое лицо, незаконное вознаграждение, разграничение составов, коррупция, переквалификация.*

NIKOLENKO Victoria Alexandrovna,
Student of the Crimean branch of
Federating State Educational Institution of Higher Education
«Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev»,
Simferopol, Russia

PROBLEMS OF DISTINGUISHING BETWEEN ADMINISTRATIVE CORRUPTION AND CRIMINAL OFFENSES: PRACTICE OF RE-QUALIFICATION OF ART. 19.28 OF THE ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND ART. 204 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *This article examines the problems of distinguishing between administrative liability of legal entities for illegal remuneration (Article 19.28 of the Administrative Code of the Russian Federation) and criminal liability for commercial bribery (Article 204 of the Criminal Code of the Russian Federation). The legislative constructions of the objective side of these offenses are analyzed, difficulties associated with determining the subject of the offense and establishing the fact of acting «in the interests of a legal entity» are identified. The approaches of courts to the re-qualification of acts, as well as the consequences of bringing a legal entity to administrative liability in the absence of a conviction against an individual are considered. Based on the studied sources, proposals for improving regulatory regulation are formulated.*

Key words: *commercial bribery, administrative liability, legal entity, illegal remuneration, differentiation of offenses, corruption, re-qualification.*

Проблема разграничения административной коррупции и уголовных преступлений в сфере подкупа приобретает особую остроту в правоприменительной практике. С одной стороны, законодатель установил административную ответственность юридических лиц за незаконное вознаграждение (ст. 19.28 КоАП РФ), с другой – уголовную ответственность физических лиц за коммерческий подкуп (ст. 204 УК РФ). Однако на практике один и тот же фактический эпизод передачи денежных средств может квалифицироваться по-разному, а порой возникает ситуация, когда юридическое лицо привлекается к ответственности, а виновное физическое лицо избегает наказания, или наоборот. Я полагаю, что ключевая проблема кроется в различной юридической природе субъектов ответственности: административное право допускает ответ-

ственность организации без установления вины конкретного работника в уголовно-правовом смысле, что и порождает коллизии при переквалификации.

Анализ составов преступления, предусмотренного ст. 204 УК РФ, позволяет выделить его ключевые признаки: предмет – деньги, ценные бумаги, иное имущество, услуги имущественного характера; субъект – лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации. Как верно отмечает М.А. Чижиков, «коммерческий подкуп представляет собой формальный состав преступления», который считается оконченным с момента принятия решения в интересах передающего лица независимо от того, возникла ли реальная возможность использовать полученные ценности [1, с. 252]. Я обращаю внимание на то, что в уголовном законе четко определен статус получателя подкупа, тогда как административная норма ст. 19.28 КоАП РФ описывает деяние от имени юридического лица, что создает принципиально иную конструкцию состава, ориентированную не на личную корысть, а на «интерес» организации.

При сравнении административной и уголовной ответственности в сфере коррупции обнаруживается проблема установления субъекта правонарушения. Как справедливо указывают П.Е. Шубина и Я.А. Крутова, «в отличие от уголовного права и криминологии в административном праве не выделяется отдельно группа правонарушений коррупционной направленности», а состав ст. 19.28 КоАП РФ в силу того, что юридическое лицо представляют уполномоченные физические лица, доказать достаточно проблематично [2, с. 388]. Я разделяю эту позицию и считаю, что именно размытость конструкции «от имени или в интересах юридического лица» позволяет правоприменителю широко толковать данные признаки, что влечет за собой как необоснованное привлечение организаций к ответственности, так и, напротив, уход от уголовного преследования виновных физических лиц путем замены его административным штрафом для компании.

Критическому осмыслению подвергается сама логика применения ст. 19.28 КоАП РФ, которая, по мнению Е.А. Дмитриковой и К.Ю. Сасыкина, фактически ввела в практику презумпцию вины юридического лица. Авторы отмечают, что «по смыслу рассматриваемой статьи для признания юридического лица виновным в совершении рассматриваемого правонарушения буквально установлен стандарт достаточности установления лишь самого факта незаконного вознаграждения (со стороны любого субъекта) и наличия какой-либо связи такого (вознаграждающего) субъекта с привлекаемым к ответственности юридическим лицом» [3, с. 39]. Я полагаю, что такой подход вступает в противоречие с общим принципом презумпции невиновности (ст. 1.5 КоАП РФ) и позволяет привлекать организации к ответственности за действия рядовых сотрудников, которые не были санкционированы руководством и не приносили реальной выгоды компании. При этом уголовное дело в отношении такого сотрудника может быть прекращено, а юридическое лицо – оштрафовано на миллионы рублей.

Обзор судебной практики, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 8 июля 2020 года, содержит показательный пример, иллюстрирующий проблему разграничения. В деле с водителем ЗАО «С.», который предложил взятку инспектору ДПС за несоставление протокола, мировой судья прекратил производство в отношении юридического лица, поскольку водитель действовал от своего имени и в своих интересах, опасаясь увольнения [4, с. 3-4]. Судья обоснованно указал, что отсутствовала экономическая или иная заинтересованность организации в совершении незаконных действий. Я считаю этот подход правильным, однако, как показывает практика, он не является доминирующим. Чаще суды, особенно на стадии возбуждения дела, исходят из того, что любое действие работника, направленное на избежание негативных последствий для компании (даже если эти последствия выражаются в штрафе за самого водителя), автоматически признается совершенным «в интересах юридического лица».

Практика также демонстрирует случаи, когда юридическое лицо освобождается от административной ответственности благодаря активному сотрудничеству со следствием. Во Владимирском областном суде было отменено постановление о штрафе в 10 миллионов рублей в отношении ЗАО «Выбор», поскольку общество самостоятельно обратилось в прокуратуру и способствовало раскрытию преступления, а в отношении него имело место вымогательство со стороны конкурсного управляющего. Заместитель председателя суда прекратил производство на основании п. 9 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ, применив примечание 5 к ст. 19.28 КоАП РФ, которое было введено Федеральным законом от 3 августа 2018 г. [5] Я полагаю, что данное освободительное основание является важным механизмом стимулирования добросовестного поведения юридических лиц, однако его применение остается редким и зависит от усмотрения суда.

Сложность разграничения усугубляется тем, что уголовное преследование физического лица по ст. 204 УК РФ и административное производство в отношении юридического лица по ст. 19.28 КоАП РФ могут идти параллельно, причем доказательства, полученные в рамках уголовного дела, активно используются в административном процессе. Как видно из приговора Свердловского районного суда г. Иркутска, главный инженер ООО «ТЭП» ФИО2 был осужден за коммерческий подкуп по п. «б» ч. 3 ст. 204 УК РФ за то, что через посредника передал руководителю территори-

ального сектора Фонда капитального ремонта 20 000 рублей за фиктивное указание его в акте осмотра и подделку подписи [6]. При этом сам факт передачи денег расценивался как уголовное преступление, хотя действия формально могли быть охвачены и административной нормой (передача от имени юридического лица). Я обращаю внимание на то, что суд в приговоре подробно исследовал отсутствие штрафных санкций для организации, что не помешало квалифицировать деяние как уголовное. Возникает вопрос: если бы суд установил, что денежные средства передавались именно «от имени ООО «ТЭП» и в его интересах», не последовала бы переквалификация на административное правонарушение?

Подводя итог, я формулирую следующие выводы. Во-первых, действующее законодательство не содержит четких критериев разграничения административной коррупции по ст. 19.28 КоАП РФ и уголовного коммерческого подкупа по ст. 204 УК РФ, что порождает противоречивую судебную практику. Во-вторых, категории «от имени юридического лица» и «в интересах юридического лица» трактуются правоприменителем чрезмерно широко, что позволяет привлекать организации к административной ответственности без установления прямой вины их руководства. В-третьих, для устранения правовой неопределенности необходимо, на мой взгляд, внести изменения в КоАП РФ, закрепив легальное определение «интереса юридического лица» как прямой экономической выгоды, а также уточнить, что совершение коррупционного деяния рядовым работником без ведома и одобрения органов управления не влечет ответственности организации. Только при таких условиях будет обеспечено справедливое разграничение публично-правовой ответственности юридических и физических лиц за коррупционные деяния.

Список литературы:

[1] Чижиков М.А. Особенности квалификации коммерческого подкупа // Вестник экономики и права. 2021. №65. С. 252-256.

[2] Шубина П.Е., Крутова Я.А. Проблема эффективности административной ответственности за коррупционные правонарушения // Вестник экономики и права. 2021. №57. С. 384-392.

[3] Дмитрикова Е.А., Сасыкин К.Ю. «Круговая порука», или Проблематика применения статьи 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Наука. Общество. Государство. 2022. №3 (39). С. 33-43.

[4] Обзор судебной практики рассмотрения дел о привлечении к административной ответственности, предусмотренной статьей 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2020). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356810/ (дата обращения: 18.05.2026).

[5] Постановление № 4А-214/2018 от 28 октября 2018 г. по делу № 4А-214/2018 (Владимирский областной суд). // СудАкт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/4yiXE752zKgK/ (дата обращения: 18.05.2026).

[6] Приговор № 1-105/2025 от 19 ноября 2025 г. по делу № 1-105/2025 (Свердловский районный суд г. Иркутска). // СудАкт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/xSHkrFMuXZ8/ (дата обращения: 18.05.2026).

[7] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

[8] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

[9] Постановление заместителя председателя Владимирского областного суда № 4А-214/2018 от 29 октября 2018 г. по делу № 4А-214/2018. // СудАкт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/4yiXE752zKgK/ (дата обращения: 18.05.2026).

[10] Приговор Свердловского районного суда г. Иркутска № 1-105/2025 от 20 ноября 2025 г. по делу № 1-105/2025. // СудАкт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/xSHkrFMuXZ8/ (дата обращения: 18.05.2026).

References:

[1] Chizhikov M.A. Features of the qualification of commercial bribery // Bulletin of Economics and Law. 2021. No. 65. Pp. 252-256.

[2] Shubina P.E., Krutova Ya.A. The problem of the effectiveness of administrative liability for corruption offenses // Bulletin of Economics and Law. 2021. No. 57. Pp. 384-392.

[3] Dmitrikova E.A., Sasykin K.Yu. «Multiple responsibility», or the problems of applying Article 19.28 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses // Science. Society. State. 2022. No. 3 (39). Pp. 33-43.

[4] Review of judicial practice in considering cases on bringing to administrative liability provided for by Article 19.28 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 8, 2020). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356810/ (date of access: May 18, 2026).

[5] Resolution No. 4A-214/2018 of October 28, 2018 in case No. 4A-214/2018 (Vladimir Regional Court). // SudAkt. URL: https://sudact.ru/regular/doc/4yiXE752zKgK/ (date of access: May 18, 2026).

[6] Sentence No. 1-105/2025 of November 19, 2025 in case No. 1-105/2025 (Sverdlovsk District Court of Irkutsk). // SudAkt. URL: https://sudact.ru/regular/doc/xSHkrFMuXZ8/ (accessed: May 18, 2026).

[7] Criminal Code of the Russian Federation

of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on July 23, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

[8] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001, No. 195-FZ (as amended on August 3, 2018) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1. Art. 1.

[9] Resolution of the Deputy Chairman of the Vladimir Regional Court No. 4A-214/2018 of October 29, 2018 in case No. 4A-214/2018. // SudAkt. URL: https://sudact.ru/regular/doc/4yiXE752zKgK/ (date of access: May 18, 2026).

[10] Sentence of the Sverdlovsk District Court of Irkutsk No. 1-105/2025 of November 20, 2025 in case No. 1-105/2025. // SudAkt. URL: https://sudact.ru/regular/doc/xSHkrFMuXZ8/ (date accessed: 18.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 15.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-3-85-90

ПРОХОРКИНА Ксения Сергеевна,
студентка 1-го курса магистратуры юридического факультета
Волгоградского института управления-филиала РАНХиГС,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ЗАДНЕПРОВСКАЯ Марина Валентиновна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент-профессор кафедры теории и истории права и государства
Волгоградского института управления-филиала РАНХиГС,
e-mail: mail@law-books.ru

МЕТОДОЛОГИЯ ПРАВОВОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ: ИНСТРУМЕНТЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ НОРМ И РИСКОВ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается методология правового прогнозирования как одно из значимых направлений современной юридической науки и нормотворческой практики. Раскрывается содержание правового прогнозирования, его связь с оценкой регулирующего воздействия, мониторингом правоприменения, оценкой фактического воздействия нормативных правовых актов и антикоррупционной экспертизой. Особое внимание уделяется инструментам предварительной и последующей оценки эффективности правовых норм, критериям результативности правового регулирования, а также выявлению рисков, возникающих при реализации нормативных предписаний. Подчеркивается, что правовое прогнозирование не может сводиться только к предположению о будущих последствиях принятия закона. Оно должно включать анализ социальных, экономических, организационных и правоприменительных условий, в которых норма будет действовать. Отмечается, что качество правового прогноза зависит от сочетания юридического анализа, статистических данных, экспертной оценки, моделирования правовых ситуаций и учета практики применения действующих норм.*

Ключевые слова: *правовое прогнозирование, эффективность правовых норм, правоприменительные риски, оценка регулирующего воздействия, мониторинг правоприменения, оценка фактического воздействия, нормотворчество, юридическая техника, правовое регулирование, правовая политика.*

PROKHORKINA Ksenia Sergeevna,
first-year Master's student, Faculty of Law,
Volgograd Institute of Management, Branch of RANEPA

Academic Supervisor:
ZADNEPROVSKAYA Marina Valentinovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor-Professor, Department of Theory and History of Law and State,
Volgograd Institute of Management, Branch of RANEPA

METHODOLOGY OF LEGAL FORECASTING: TOOLS FOR ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF REGULATIONS AND THE RISKS OF LAW ENFORCEMENT

Annotation. *The article examines the methodology of legal forecasting as one of the significant areas of modern legal science and law-making practice. The content of legal forecasting is disclosed, as well as its connection with regulatory impact assessment, law enforcement monitoring, ex post evaluation of regulatory acts and anti-corruption expertise. Special attention is paid to the instruments of preliminary and subsequent assessment of the effectiveness of legal norms, the criteria of regulatory effectiveness and the identification of risks arising in the process of law enforcement. The article emphasizes that legal forecasting cannot be reduced only to assumptions about the future consequences of adopting a legal act. It should include the analysis of social, economic, organizational and law enforcement conditions in which a legal norm will operate. It is noted that the quality of legal forecasting depends on a combination of legal analysis, statistical data, expert assessment, modeling of legal situations and consideration of the practice of applying existing legal norms.*

Key words: *legal forecasting, effectiveness of legal norms, law enforcement risks, regulatory impact assessment, law enforcement monitoring, ex post evaluation, law-making, legal technique, legal regulation, legal policy.*

Правовое прогнозирование занимает самостоятельное место в юридической деятельности, поскольку связано не только с теоретическим представлением о будущем развитии правовой системы, но и с вполне практической задачей - заранее оценить последствия принимаемых нормативных решений [1]. Субъект нормотворчества не может ограничиться тем, что формально закрепил правило поведения в тексте акта. Необходимо понимать, как это правило будет работать в реальной среде, насколько оно будет понятно адресатам, какие обязанности и затраты возникнут в связи с его исполнением, не создаст ли оно новых противоречий в законодательстве и способно ли фактически достигнуть заявленной цели.

Современное правовое регулирование становится все более сложным и многослойным. Нормы действуют в условиях быстрой социальной динамики, цифровизации, изменения экономических отношений и постоянного расширения публичного управления. Ошибки в нормотворчестве при таких обстоятельствах нередко проявляются не сразу, но их последствия могут быть весьма ощутимыми: появляется правовая неопределенность, возрастает административная нагрузка, складывается противоречивая судебная практика, снижается доверие к государственным институтам. Поэтому правовое прогнозирование следует понимать как необходимый элемент качественной правовой политики, а не как второстепенную аналитическую процедуру.

Правовое прогнозирование можно определить как научно и практически обоснованную деятельность, направленную на выявление возможных последствий принятия, изменения либо отмены правовых норм [2]. Оно включает анализ вероятных вариантов развития регулируемых отношений, оценку поведения субъектов, на которых будет распространяться норма, а также установление рисков, способных возникнуть при ее применении. Такой подход дает возможность заранее обнаружить слабые места будущего регулирования и скорректировать проект еще до того, как он начнет действовать в правовой практике.

Методологическая основа правового прогнозирования складывается из нескольких связанных между собой элементов. В первую очередь требуется анализ действующего законодательства, поскольку новая норма не появляется в правовом вакууме. Она включается в уже существующую систему регулирования, соприкасается с другими нормами, может уточнять их, дублировать либо, наоборот, вступать с ними в противоречие. Если такой системный контекст игнорируется, даже грамотно сформулированная по отдельности норма способна вызвать затруднения у правоприменителя.

Существенную роль играет социально-правовой анализ. Любая норма обращена к конкретным адресатам - гражданам, организациям, органам публичной власти, должностным лицам. При прогнозировании важно учитывать не только юридическую конструкцию предписания, но и реальные условия, в которых оно должно исполняться. Одно дело - установить обязанность в нормативном тексте, и совсем другое - обеспечить возможность ее фактического исполнения. Если у адресатов нет необходимых ресурсов, информации, организационной поддержки или понятной процедуры, регулирование становится во многом формальным и не дает ожидаемого результата.

Отдельного внимания требует оценка целей правового регулирования. Норма может считаться эффективной лишь тогда, когда понятно, какую именно проблему она должна решить и по каким признакам можно проверить достижение результата. Размытая цель почти всегда порождает размытые критерии оценки. В таком случае сложно определить, сработала ли норма, какие последствия она повлекла и требуется ли ее изменение. Поэтому уже на стадии подготовки правового акта цель должна формулироваться достаточно конкретно, с привязкой к проверяемым правовым, социальным, организационным или экономическим показателям.

Одним из ключевых инструментов предварительного прогноза выступает оценка регулирующего воздействия. В российской практике она применяется при подготовке проектов нормативных правовых актов, затрагивающих предпринимательскую и иную экономическую деятельность. Содержание этой процедуры состоит в предварительном выявлении возможных издержек, ограничений, административной нагрузки и иных последствий предлагаемого регулирования [3]. Оценка регулирующего воздействия позволяет рассматривать проект не только как юридический текст, но и как будущий механизм практического воздействия на конкретные отношения.

Значение оценки регулирующего воздействия состоит еще и в том, что она вводит в нормотворческий процесс элемент публичного анализа. Проект становится предметом рассмотрения не только внутри органа власти, но и со стороны заинтересованных участников. Благодаря этому могут быть выявлены проблемы, которые разработчик не всегда видит на стадии подготовки: избыточные требования к документам, дублирование процедур, неопределенные сроки, чрезмерные обязанности, технически невыполнимые предписания. Чем раньше такие

риски обнаружены, тем меньше вероятность появления нормы, которая будет конфликтной или фактически неработающей.

Близким по назначению инструментом является общественное обсуждение проектов нормативных актов. Раскрытие информации о подготовке проектов и результатах их обсуждения направлено на повышение открытости нормотворческого процесса [4]. Для правового прогнозирования это имеет не формальное, а практическое значение. Публичность позволяет получить обратную связь от тех субъектов, которые в дальнейшем будут исполнять норму, применять ее или испытывать на себе ее последствия. Такая информация часто оказывается не менее значимой, чем теоретический юридический анализ, поскольку показывает восприятие будущего регулирования в реальной социальной среде.

Правовое прогнозирование нельзя ограничивать только этапом подготовки проекта нормативного акта. Не меньшее значение имеет последующая оценка уже действующих норм. В этом отношении особую роль играет мониторинг правоприменения, направленный на выявление состояния реализации законодательства, проблем практики и необходимости корректировки действующих предписаний [5]. Мониторинг позволяет определить, какие нормы фактически достигают своей цели, какие остаются декларативными, а какие вызывают споры, неодинаковое толкование или устойчивые трудности применения.

Методика мониторинга правоприменения предполагает изучение различных показателей, связанных с действием нормативных актов. К ним могут относиться количество правоприменительных решений, судебных споров, обращений граждан и организаций, жалоб, фактов противоречивого толкования, выявленных пробелов и коллизий, а также данные о достижении целей регулирования [6]. В отличие от предварительного прогноза, мониторинг опирается уже не только на предположение, а на фактически сложившуюся практику. Поэтому он выступает одним из основных способов проверки того, насколько первоначальный правовой прогноз оказался обоснованным.

Оценка фактического воздействия нормативных правовых актов также имеет важное значение для анализа эффективности норм. Она позволяет сопоставить ожидаемые результаты регулирования с теми последствиями, которые возникли после принятия акта [7]. Если на стадии предварительной оценки предполагалось, что норма снизит административные барьеры, повысит правовую определенность или упростит процедуру, последующая оценка должна показать, произошло ли это в действительности. Если ожидаемый результат не достигнут, возникает вопрос о корректировке правового регулирования.

Эффективность правовой нормы не следует понимать упрощенно. Норма эффективна не только тогда, когда она формально применяется. Ее результативность выражается в достижении заявленной цели, снижении количества нарушений, устойчивости правоприменительной практики, понятности содержания для адресатов и соразмерности возложенных обязанностей. Если норма активно применяется, но при этом вызывает большое количество жалоб и судебных споров, ее эффективность не может оцениваться положительно без дополнительных оговорок. Сам факт применения еще не доказывает качества регулирования.

Критерии оценки эффективности нормы целесообразно рассматривать по нескольким направлениям. Юридические критерии связаны с определенностью текста, отсутствием противоречий, соответствием акту более высокой юридической силы, точностью терминологии и согласованностью с отраслевыми принципами. Социальные критерии отражают восприятие нормы адресатами, уровень добровольного исполнения и степень снижения конфликтности регулируемых отношений. Организационные критерии показывают, имеются ли у органов власти и иных участников необходимые ресурсы для реализации нормы. Экономические критерии позволяют оценить затраты, которые несут государство, бизнес и граждане.

Особое значение имеет критерий правовой определенности. Норма, которая содержит неясные формулировки или допускает чрезмерно широкое усмотрение, создает повышенные риски для правоприменения. В одних случаях это приводит к неодинаковой административной практике, в других - к росту судебных споров. Неопределенность может быть вызвана оценочными понятиями, отсутствием процедурных сроков, неясным кругом обязанностей, несогласованностью терминов. Поэтому при правовом прогнозировании необходимо проверять не только общий смысл нормы, но и качество ее юридико-технического оформления.

Оценка рисков правоприменения является самостоятельным направлением правового прогнозирования. Под такими рисками можно понимать вероятность наступления негативных правовых, организационных, экономических или социальных последствий при реализации нормы. Риск может проявляться в невозможности исполнения установленного требования, противоречивом толковании, злоупотреблении полномочиями, избыточной нагрузке на адресатов, коррупциогенных факторах, увеличении числа споров либо снижении доверия к правовому регулированию.

Одним из наиболее очевидных правоприменительных рисков является риск коллизии. Он возникает тогда, когда новая норма недостаточно согласована с уже действующими положениями законодательства. Коллизия может быть прямой,

когда разные акты закрепляют несовместимые правила, либо скрытой, когда формального противоречия нет, но совместное применение норм оказывается затруднительным. Предупреждение такого риска требует системного анализа законодательства, судебной практики и подзаконного регулирования.

Другой значимый риск связан с пробельностью регулирования. Норма может устанавливать общее правило, но не определять порядок его реализации. В итоге правоприменитель вынужден самостоятельно достраивать недостающие элементы механизма: сроки, форму обращения, порядок проверки документов, последствия нарушения процедуры. Такое положение опасно тем, что фактически часть регулирования переносится с уровня нормативного предписания на уровень административного усмотрения. Для адресатов это снижает предсказуемость их правового положения.

Коррупциогенные риски также должны учитываться в методологии правового прогнозирования. Федеральное законодательство об антикоррупционной экспертизе направлено на выявление положений, которые способны создавать условия для коррупционных проявлений [8]. К таким положениям относятся чрезмерно широкие полномочия должностного лица, неопределенные основания отказа, отсутствие прозрачной процедуры, возможность выборочного применения требований. Если подобные риски не устранить на стадии проекта, они могут закрепиться в устойчивой правоприменительной практике.

Важным инструментом правового прогнозирования является экспертная оценка. Она позволяет привлечь специалистов, обладающих специальными знаниями в конкретной сфере регулирования. Юрист способен оценить нормативную конструкцию, но не всегда может точно определить технические, медицинские, финансовые, экологические или цифровые последствия ее применения. Поэтому при подготовке сложных нормативных актов требуется междисциплинарный подход. Экспертная оценка особенно важна там, где статистических данных недостаточно либо регулирование затрагивает новые общественные отношения.

Моделирование правовых ситуаций также имеет существенное значение. Его задача состоит в том, чтобы заранее представить типовые случаи применения нормы и проверить, как она будет работать при конкретных обстоятельствах. Можно, например, смоделировать действия гражданина, обращающегося за государственной услугой, действия должностного лица, принимающего решение, и возможный спор между ними. Если уже в такой модели появляются неясности, в реальном правоприменении они, скорее всего, проявятся еще сильнее.

Сценарный метод позволяет оценить несколько вариантов развития ситуации. Оптимистический сценарий показывает действие нормы при достаточных ресурсах и добросовестном поведении участников. Реалистический сценарий учитывает обычные административные трудности, нехватку информации и неодинаковую подготовку исполнителей. Негативный сценарий помогает увидеть, что произойдет при злоупотреблении правом, сопротивлении адресатов или отсутствии контроля. Такой подход делает прогноз более устойчивым и не позволяет ограничиваться только желаемой картиной будущего регулирования.

Статистический анализ применяется для выявления повторяющихся правоприменительных проблем. Количество судебных дел, отмененных решений, жалоб, обращений, административных процедур и сроков их исполнения может дать важную информацию о состоянии регулирования. При этом статистику нельзя воспринимать механически. Рост числа дел иногда свидетельствует об ухудшении качества нормы, а иногда - о повышении доступности судебной защиты. Поэтому количественные показатели должны анализироваться вместе с содержанием споров и практикой их разрешения.

Сравнительно-правовой метод позволяет оценить, как сходные проблемы решаются в других правопорядках. Он не предполагает механического переноса зарубежных моделей. Правовое регулирование всегда зависит от национальной системы законодательства, уровня правовой культуры, административных возможностей и судебной практики. Вместе с тем сравнительный анализ помогает увидеть альтернативные варианты решения проблемы, возможные ошибки и пределы допустимого регулирования.

Цифровые инструменты постепенно расширяют возможности правового прогнозирования. Анализ больших массивов судебных актов, обращений граждан, административных данных и текстов нормативных актов позволяет быстрее выявлять повторяющиеся проблемы. Например, можно обнаружить, какие формулировки чаще становятся предметом споров, какие нормы вызывают противоречивое толкование, в каких сферах увеличивается количество жалоб. Но цифровой анализ не должен подменять юридическую оценку. Алгоритм способен выявить закономерность, однако вывод о ее правовом значении должен делать специалист.

Методология правового прогнозирования должна строиться как последовательная система действий. Сначала определяется социальная или правовая проблема, которую необходимо решить. Затем анализируются действующее регулирование и практика его применения. После этого формулируются цели будущей нормы и возможные варианты правового воздействия. Далее оцениваются ожидаемые последствия, издержки и риски, а затем выбирается оптималь-

ная модель регулирования. После принятия акта необходимы мониторинг и оценка фактического воздействия. Только такая последовательность связывает прогноз с реальным управлением качеством законодательства.

Особую роль играет связь правового прогнозирования с юридической техникой. Даже обоснованная идея может быть ослаблена неточным нормативным текстом. Неясные понятия, чрезмерно громоздкие конструкции, отсутствие логики в структуре нормы, смешение материальных и процедурных положений создают дополнительные риски [9]. Поэтому прогнозирование должно включать проверку того, насколько текст нормы пригоден для практического применения. Чем сложнее и неопределеннее норма написана, тем выше вероятность ошибок при ее реализации.

Правовое прогнозирование имеет значение и для судебной практики. Суд, разрешая конкретное дело, применяет уже действующую норму, но накопление судебных позиций позволяет увидеть системные дефекты регулирования. Если одни и те же вопросы многократно становятся предметом спора, это может указывать на недостаточную определенность нормы либо на ее несоответствие реальным отношениям. Поэтому судебная практика должна рассматриваться как один из источников информации для последующего нормотворческого прогноза.

Необходимо учитывать и пределы правового прогнозирования. Ни один прогноз не способен полностью устранить неопределенность. Общественные отношения изменяются, адресаты норм могут вести себя иначе, чем предполагал законодатель, а правоприменительная практика иногда выявляет неожиданные проблемы. Поэтому прогнозирование не гарантирует абсолютной безошибочности регулирования. Его задача более реалистична - снизить вероятность грубых ошибок, заранее определить наиболее существенные риски и создать возможность последующей корректировки нормы.

Для повышения качества правового прогнозирования необходима более тесная связь юридической науки и практики. Наука разрабатывает понятия, критерии, методы анализа и модели оценки эффективности. Практика дает фактический материал: судебные дела, административные решения, обращения, результаты проверок, данные мониторинга. Если эти уровни существуют раздельно, прогноз становится либо слишком абстрактным, либо чрезмерно техническим. Наиболее продуктивным является их соединение.

В современных условиях правовое прогнозирование должно стать постоянным элементом нормотворческого цикла. Норма не должна приниматься как разовое решение текущей проблемы. Она должна проектироваться, проверяться, обсуждаться, применяться, оцениваться и при необходимости изменяться. Такой подход позволяет воспринимать законодательство как развивающуюся систему, а не как совокупность отдельных актов, принятых под влиянием конкретной ситуации.

Методология правового прогнозирования представляет собой систему научных и практических приемов, направленных на предварительную и последующую оценку правовых норм. Ее основными инструментами выступают анализ действующего законодательства, оценка регулирующего воздействия, общественное обсуждение проектов актов, мониторинг правоприменения, оценка фактического воздействия, антикоррупционная экспертиза, экспертная оценка, моделирование правовых ситуаций, статистический и сравнительно-правовой анализ.

Эффективность правовой нормы следует оценивать не только по факту ее применения, но и по достижению целей регулирования, понятности для адресатов, устойчивости правоприменения, отсутствию избыточной нагрузки и способности снижать социальную конфликтность. Риски правоприменения должны выявляться до принятия нормы и проверяться после начала ее действия. Именно такая логика позволяет повысить качество законодательства, укрепить правовую определенность и обеспечить более ответственное отношение государства к последствиям принимаемых нормативных решений.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Российская газета. - 1993. - 25 декабря.

[2] Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2014. - № 26. - Ст. 3378.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 20.05.2011 № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2011. - № 21. - Ст. 2930.

[4] Постановление Правительства Российской Федерации от 19.08.2011 № 694 «Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2011. - № 35. - Ст. 5081.

[5] Постановление Правительства Российской Федерации от 17.12.2012 № 1318 «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии» // Собрание законодательства РФ. - 2012. - № 52. - Ст. 7491.

[6] Постановление Правительства Российской Федерации от 25.08.2012 № 851 «О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения» // Собрание законодательства РФ. - 2012. - № 36. - Ст. 4902.

[7] Постановление Правительства Российской Федерации от 30.01.2015 № 83 «О проведении оценки фактического воздействия нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. - 2015. - № 6. - Ст. 965.

[8] Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. - 2009. - № 29. - Ст. 3609.

[9] Тихомиров Ю. А. Правовое прогнозирование и правовая политика / Ю. А. Тихомиров. - Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2018. 168 с.

[10] Хабриева Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева. - Москва : Норма, 2022. С. 85-102.

[11] Лазарев В. В. Теория государства и права : учебник / В. В. Лазарев, С. В. Липень. - Москва : Юрайт, 2023. 624 с.

[12] Керимов Д. А. Законодательная техника : научно-методическое пособие / Д. А. Керимов. - Москва : Норма, 2021. 125 с.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 // Rossiyskaya Gazeta. - 1993. - December 25.

[2] Federal Law of 28.06.2014 No. 172-FZ «On Strategic Planning in the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2014. - No. 26. - Article 3378.

[3] Decree of the President of the Russian Federation of 20.05.2011 No. 657 «On Monitoring Law Enforcement in the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2011. - No. 21. - Article 2930.

[4] Resolution of the Government of the Russian Federation of 19.08.2011 No. 694 «On Approval of the Methodology for Monitoring Law Enforcement in the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2011. - No. 35. - Art. 5081.

[5] Resolution of the Government of the Russian Federation of 17.12.2012 No. 1318 «On the Procedure for Conducting Regulatory Impact Assessments of Draft Regulatory Legal Acts and Draft Decisions of the Eurasian Economic Commission by Federal Executive Bodies» // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2012. - No. 52. - Art. 7491.

[6] Resolution of the Government of the Russian Federation of August 25, 2012 No. 851 «On the Procedure for Disclosure by Federal Executive Bodies of Information on the Preparation of Draft Regulatory Legal Acts and the Results of Their Public Discussion» // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2012. - No. 36. - Article 4902.

[7] Resolution of the Government of the Russian Federation of January 30, 2015 No. 83 «On Conducting an Assessment of the Actual Impact of Regulatory Legal Acts» // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2015. - No. 6. - Article 965.

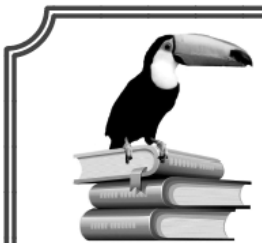
[8] Federal Law of July 17, 2009 No. 172-FZ «On Anti-Corruption Expertise of Regulatory Legal Acts and Draft Regulatory Legal Acts» // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2009. - No. 29. - Art. 3609.

[9] Tikhomirov Yu. A. Legal Forecasting and Legal Policy / Yu. A. Tikhomirov. - Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2018. 168 p.

[10] Khabrieva T. Ya. Law in the Context of Digital Reality / T. Ya. Khabrieva. - Moscow: Norma, 2022. Pp. 85-102.

[11] Lazarev V. V. Theory of State and Law: a textbook / V. V. Lazarev, S. V. Lipen. - Moscow: Yurait, 2023. 624 p.

[12] Kerimov D. A. Legislative Technique: a Scientific and Methodological Manual / D. A. Kerimov. - Moscow: Norma, 2021. 125 p.

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.06.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 15.07.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-2828-2026-3-91-94

ЖЕМЧУЖНОВА Ольга Сергеевна,
магистрант юридического факультета,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
Волгоград, Россия,
e-mail: p.a.l.l.a.d.a@yandex.ru

Научный руководитель:
ЗАДНЕПРОВСКАЯ Марина Валентиновна,
кандидат юридических наук,
доцент - профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин,
Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС,
Волгоград, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

МЕТОДОЛОГИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ

Аннотация. *В статье на основе общего учения о методологии рассмотрены прикладные вопросы методологии криминалистической науки. Автором анализируются методы, применяемые в криминалистике. Раскрывается содержание и значение основных используемых методов.*

Ключевые слова: *криминалистика, учение, метод, методология, научное познание.*

ZHEMCHUZHNOVA Olga Sergeevna,
Master's Student, Faculty of Law,
Volgograd Institute of Management – Branch of RANEPA,
Volgograd, Russia

Academic Supervisor:
ZADNEPROVSKAYA Marina Valentinovna,
PhD in Law,
Associate Professor - Professor, Department of Legal Theory and Public Law Disciplines,
Volgograd Institute of Management – Branch of RANEPA,
Volgograd, Russia

METHODOLOGY OF FORENSIC SCIENCE

Annotation. *The article discusses the applied issues of the methodology of forensic science based on the general theory of methodology. The author analyzes the methods used in forensic science and reveals the content and significance of the main methods employed.*

Key words: *Forensic science, doctrine, method, methodology, scientific knowledge.*

Возникновение любой науки обусловлено запросами социума, а её последующее развитие детерминировано как трансформацией потребностей практической плоскости, так и внутренними закономерностями саморазвития. Достигнутые научные результаты, в свою очередь, воздействуют на эмпирическую сферу и порождают новые общественные ожидания. Это даёт возможность прогнозировать перспективные запросы и заблаговременно создавать средства для их удовлетворения.

Очерчивание границ конкретной научной дилеммы влечёт за собой необходимость фиксации перечня задач, чьё поэтапное разрешение прокладывает маршрут к отысканию наилучших путей удовлетворения практических надобностей. При этом корректная экспликация этих задач возможна исключительно при наличии прочной, верифицированной методологической платформы.

Обращаясь к лексикографическим источникам, в частности «Толковому словарю русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, находим интерпретацию методологии «как учения о научном методе или совокупности приемов, бытующих в конкретных науках». [1] Этимологически термин восходит к древнегреческому μεθοδολογία, что буквально означает «учение о методах».

В философском словаре М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина «методология определяется в двух ипостасях: как комплекс исследовательских приёмов, применяемых в отдельной дисциплине, а также как теоретическое осмысление способов постижения и преобразования объективного мир». [2, с. 214] Аналогичного воззрения придерживается И.Т. Фролов. [3, с. 329] С.И. Ожегов

также трактует «методологию сквозь призму доктрины о познавательном инструментарии как универсального, так и партикулярного характера». [4, с.292]

М.В. Савельева и А.Б. Смушкин, в свою очередь, идентифицируют «метод науки как форму (способ) теоретического либо практического освоения действительности» [5, с. 11].

Невзирая на институционализацию криминалистики в статусе автономной науки в конце XIX столетия, первая попытка переосмысления её методологии была предпринята Б.М. Шавером лишь в 1938 году. В качестве метода криминалистики он определял материалистическую диалектику, приспособленную для целей следствия, что выражается «в обобщении опыта следственной работы, изучении способов совершения преступлений и активном приспособлении научных данных к задачам обнаружения доказательств и исследования их» [6, с. 3].

Практически синхронно оформилась и альтернативная концепция, ядром которой стала идентификационная парадигма. Её авторство принадлежит С.М. Потапову. Согласно концепции С.М. Потапова, «метод идентификации является способом точного узнавания предметов и явлений; он объединяет в систему частные криминалистические методы и в различных видах и формах его применения представляет собой саму методологию криминалистического исследования». При этом главную задачу всех методов криминалистики он обозначал как «получение судебного доказательства тождества в результате исследования, называемого идентификацией» [7, с. 131].

Пересмотр представлений о сущности и методологии криминалистики отчётливо прослеживается и в работе С.П. Митричева. Он писал: «Методом советской криминалистики является марксистский диалектический метод, и его нельзя подменять идентификацией. Идентификация — это лишь одна из сфер применения сравнительного метода» [7, с. 146].

Возведение материалистической диалектики в статус методологической основы инициировало процесс философского обоснования опорных криминалистических построений, на которых затем базировалась разработка конкретных методик и познавательных инструментов. Существенная роль в этом направлении принадлежит Р.С. Белкину [7, с. 136]; при этом центральной доминантой общей теории криминалистики стало «учение о криминалистическом отражении».

В составе общей методологии криминалистической деятельности по критерию масштабности (обобщённости) представляется обоснованным разграничение трёх иерархических пластов:

1. Общенаучный - включает методологию в самом широком понимании.

2. Частнонаучный - аккумулирует методы отдельных научных дисциплин.

3. Специально-криминалистический - фиксирует особенности методологического аппарата применительно к криминалистической сфере.

Совокупность гносеологических средств, относящихся к общенаучному горизонту, составляют диалектические закономерности, основополагающие теоретические конструкции и универсальные исследовательские парадигмы (системно-структурная, функциональная, деятельностная, алгоритмическая, эвристическая, вероятностная), а также приёмы, определяемые в качестве общенаучных в строгом смысле термина.

В частности, осмотр места происшествия строится на комплексе общенаучных методов, нацеленных на обнаружение, фиксацию и анализ следовой информации. Именно они образуют фундамент следственной и криминалистической практики. В ходе осмотра реализуются следующие ключевые общенаучные методы:

Наблюдение — планомерное, целенаправленное восприятие обстановки, позволяющее субъекту познания изучать расположение объектов, их состояние и взаимосвязи без внесения изменений в их естественное положение.

Описание — вербальная фиксация обстоятельств в протоколе, гарантирующая детализированное отображение признаковой информации: цветовой гаммы, морфологии, текстуры повреждений и пространственной локализации вещественного доказательства.

Измерение — установление метрических параметров (дистанций между предметами, размеров следов) с использованием рулеток, лазерных дальномеров, штангенциркулей.

Сравнение — сопоставление обнаруженных следов и предметов между собой (например, размеров обуви, рисунка протектора) либо с эталонными образцами с целью установления сходств и различий.

Моделирование — мысленное или предметное воссоздание механизма произошедшего события, траектории движения преступника и развития следовой картины для проверки рабочих версий.

Эксперимент — проведение опытных действий (в рамках проверки показаний на месте либо следственного эксперимента) для выяснения возможности совершения определённых действий в конкретной обстановке.

Существенную роль в аналитико-синтетической деятельности специалиста выполняют и логические операции: индуктивное обобщение, дедуктивное выведение, традуктивное умозаключение, аналогия, анализ и синтез.

При господстве дедуктивного метода в расследовании, следователь опирается на известные и закономерные аспекты происшествия. Собранные факты при этом служат предпосылками для логических выводов. Общепринятые методики построены на понимании причинно-следствен-

ных связей. Такой подход особенно эффективен при раскрытии преступлений, совершаемых по типичным, повторяющимся схемам.

Примером могут служить сексуальные преступления, где стандартный алгоритм исходит из характера взаимоотношений между потерпевшим и преступником, обусловленных обстоятельствами совершения деяния. В связи с этим, ключевым элементом раскрытия становится определение личности жертвы, что формирует основу для всей следственной тактики по таким делам.

Индуктивная стратегия, напротив, применяется в условиях существенного дефицита информации, когда сведения о произошедшем ограничены или отсутствуют. В таких случаях специалист вынужден конструировать гипотезы и модели события, исходя из разрозненных и зачастую нечетких фактических данных. Эти ситуации требуют значительных ресурсов и применения эвристических методов, полагающихся на профессиональный опыт, знания и интуицию лица, проводящего расследование. Используются обобщенные практические выводы, аналогичные случаи, разработанные криминалистикой методы моделирования и анализа причинно-следственных связей.

Применение индуктивных методик демонстрируется в розыскной практике построением информационного портрета преступника («генотипа»). Этот портрет формируется посредством анализа способа совершения преступления, характерных моделей поведения и совокупности оставленных следов. Реализация подобной технологии предполагает синтез розыскных, процессуальных и научно-технических мероприятий.

При исследовании материальных носителей информации ключевая роль принадлежит общенаучным эмпирическим приёмам (наблюдению, измерению, описанию, эксперименту), которым строго коррелируют предусмотренные законом процессуальные акты и специальные методики. Например, перцептивному методу корреспондирует группа следственных действий: осмотр места происшествия, следственный, судебный, экспертный осмотр, предварительное исследование объектов и документов, освидетельствование.

Методы, относящиеся к частнонаучной сфере, возникают и применяются в рамках конкретных направлений фундаментальных и прикладных исследований, а также в отдельных научных дисциплинах.

В научном обиходе утвердилась следующая дифференциация указанных методов:

• По линии точных наук: вычислительные алгоритмы математического анализа, геометрические построения, вероятностно-статистический инструментарий (теория вероятностей и математическая статистика), законы механики, оптика как раздел физики, физика твёрдого состояния, дисциплина о сопротивлении материалов, а также физико-химические приёмы лабораторного анализа с использованием приборной базы.

• По линии фундаментальных наук: систематизация растительного мира (ботаника) и животного мира (зоология), судебно-медицинская диагностика, биохимические способы экспертизы вещественных доказательств.

• По линии психофизиологических наук: инструментарий изучения психических функций (восприятие, мнемические способности, воспроизведение следов памяти), теоретические конструкции и эмпирические методы физиологии высшей нервной деятельности, концепция динамической стереотипии коры головного мозга, физиология двигательной активности, инструментальные способы измерения и оценки психофизиологических состояний человека.

• По линии социологических наук: здесь в качестве примера приводятся анкетирование и интервьюирование; указанные приёмы задействуются при системно-структурном анализе повторяющихся моделей преступного поведения. К собственно криминалистическим методам, т.е. разработанным непосредственно для целей использования в криминалистических исследованиях различного характера, относятся такие методы как: идентификационная методика, дактилоскопия, ольфакторный анализ, трасология, судебная баллистика и т.д.

К примеру, для отождествления конкретного орудия стрельбы по стрелянной из него пуле недостаточно ни формально-логического закона тождества (в его абстрактном выражении), ни самых полных и детальных данных, накопленных в сфере общей баллистики. Указанная идентификационная задача была решена только посредством разработки частной методики, фундаментом которой служат три составляющие: принцип полного конкретного тождества, исследование механизма образования следов на пуле и методология сравнительного идентификационного эксперимента.

Наряду с этим, развитие новых технологий модифицирует традиционный криминалистический инструментарий, наделяя его новыми качествами и влияя на сознание человека. В этой связи, насущной становится задача методологического обновления отечественного криминалистического дискурса через внедрение новой парадигмы - системно-информационного подхода. Подразумевается активная имплементация цифровых средств, совершенствование программного обеспечения, автоматизированных идентификационных комплексов, а также использование технологий искусственного интеллекта и машинного обучения при работе с доказательственной информацией. В сложившихся условиях главенствующим направлением эволюции как научной мысли, так и прикладной деятельности становится совершенствование методологической базы, в частности, создание и апробация новых высо-

коэффективных методов раскрытия и расследования преступлений.

Список литературы:

[1] Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. — Москва : Аделант, 2014. — 800 с. — ISBN 978-5-93642-345-1. — Текст : электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : [сайт]. — URL: https://www.iprbookshop.ru/44160.html (дата обращения: 28.05.2026).

[2] Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М.: Издательство политической литературы, 1963.

[3] Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.:Республика, 2001.

[4] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; Под ред. проф. Л. И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2010.

[5] Криминалистика : учебник / М. В. Савельева, А. Б. Смушкин ; Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°». - Москва : Дашков и К°, 2008. - 607 с.

[6] Криминалистика : методика расследования отдельных видов преступлений : учебник для юридических высших учебных заведений / С . А. Голунский и Б. М. Шавер; под ред. А. Я. Вышинского; Институт права Акад. наук СССР. — Москва : Юриздат, 1939. — 372 с.

[7] Белкин Р.С. История отечественной криминалистики / Р. С. Белкин. - Москва : НОРМА, 1999. - X, 131-146 с.

[8] Шапошников А.Ю. Практическая криминалистика для бакалавров и магистров: учебник для вузов / под ред. Гринчика Н. СПб: Питер, 2017. – 384 с.

References:

[1] Ushakov D. N. Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language / D. N. Ushakov. - Moscow: Adelant, 2014. - 800 p. - ISBN 978-5-93642-345-1. - Text: electronic // Digital educational resource IPR SMART: [website]. - URL: https://www.iprbookshop.ru/44160.html (accessed: 28.05.2026).

[2] Philosophical Dictionary / Ed. by M. M. Rosenthal and P. F. Yudin. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1963.

[3] Philosophical Dictionary / Ed. by I. T. Frolov. 7th ed., revised and enlarged. Moscow: Respublika, 2001.

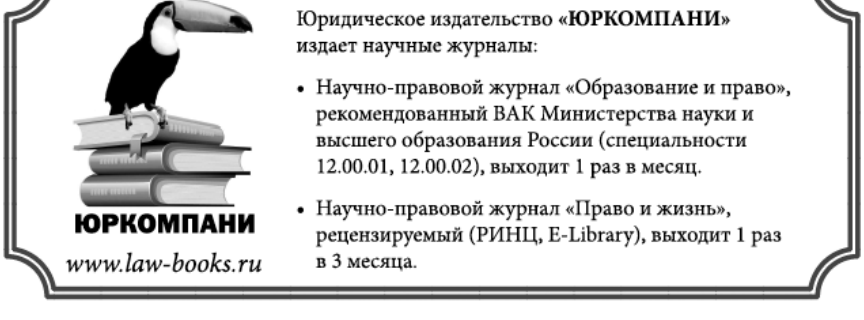
[4] Ozhegov S. I. Explanatory Dictionary of the Russian Language: Approx. 100,000 Words, Terms, and Phraseological Expressions / S. I. Ozhegov; Ed. by prof. L. I. Skvortsov. 26th ed., corr. and add. Moscow: OOO Izdatelstvo Onyx: OOO Izdatelstvo Mir i Obrazovanie, 2010.

[5] Forensic Science: Textbook / M. V. Savelyeva, A. B. Smushkin; Publishing and Trading Corporation Dashkov i K°. - Moscow: Dashkov i K°, 2008. - 607 p.

[6] Forensic Science: Methods of Investigating Individual Types of Crimes: Textbook for Higher Law Schools / S. A. Golunsky and B. M. Shaver; Ed. by A. Ya. Vyshinsky; Institute of Law of the USSR Academy of Sciences. — Moscow: Yurizdat, 1939. — 372 p.

[7] Belkin R.S. History of Russian Forensic Science / R.S. Belkin. - Moscow: NORMA, 1999. - X, 131-146 p.

[8] Shaposhnikov A.Yu. Practical Forensic Science for Bachelors and Masters: Textbook for Universities / edited by Grinchik N. St. Petersburg: Piter, 2017. – 384 p.

ЭКОНОМИКА И ПРАВО. XXI ВЕК

Научно-правовой журнал

№ 3 (ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ) 2026 ГОД

Сдано в набор 08.05.2026. Подписано в печать 15.07.2026.

Формат 60x90/8. Печ. л. 5,7. Заказ № 19.

Верстка и редакционная подготовка в ООО «Юркомпани»

121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2 стр. 3, офис 218